

Андрей Десницкий

Сорок библейских портретов

Москва: Даръ, 2013, ISBN 978-5-485-00412-5

Оглавление

Предисловие	3
1. Адам и Ева: в начале.....	5
2. Ной: человечество как единая семья.....	10
3. Авраам и Сарра: путь призванных.....	14
4. Исаак: продолжение странствий.....	18
5. Иаков – праведник, боровшийся с Богом	22
6. Иосиф – проданный брат.....	26
7. Моисей – посредник меж Богом и народом	30
8. Иисус Навин – воин во имя Господа	35
9. Судьи: череда харизматических вождей.....	40
10. Самуил и Саул: последний судья и первый царь	44
11. Давид – царь перед Богом	49
12. Соломон: золотой век Израиля	55
13. Цари двух царств: Иерусалим и Самария.....	60
14. Илия – молниеносный пророк.....	64
15. Амос, Осия, Михей, Софония: пророки предупреждения	68
16. Исаия – Пророк с большой буквы.....	73
17. Иоиль, Аввакум, Наум, Иона: пророки разрушения	78
18. Иеремия – печальный пророк.....	84
19. Иезекииль – пророк надежды.....	88
20. Даниил – пророк изгнания.....	93
21. Эсфирь – царица из народа.....	98
22. Аггей, Захария, Авдий, Малахия: пророки возвращения.....	102
23. Эзра и Неемия: новое начало	107
24. Маккавеи – первые антиглобалисты.....	111
25. Иов: проклятые вопросы	117
26. Матфей – мытарь и евангелист	123
27. Марк – робкий юноша и смелый апостол.....	127
28. Лука – врач, художник, повествователь	131
29. Иоанн – любимый ученик	135
30. Иоанн Креститель: на шаг впереди Христа.....	139
31. Дева Мария и плотник Иосиф: семья Иисуса.....	143
32. Двенадцать апостолов: ближний круг	148
33. Петр – первый из двенадцати	151
34. Двенадцать апостолов: остальные имена	155
35. Ироды, цари Иудеи.....	161
36. Каиафа и Анна: священники при Храме.....	166
37. Иуда Искариот и Понтий Пилат: сделавшие свой выбор	170
38. Никодим, Иосиф, Гамалиил – фарисеи за Иисуса.....	176
39. Павел, посол и узник Христа.....	180
40. Первые христиане: у истоков Церкви.....	186

Предисловие

Библия часто представляется нам – и верующим, и неверующим, и тем, кто хорошо ее знает, и тем, кто берет ее в руки в первый раз – сборником назидательных текстов и вероучительных формулировок. Да, в ней всё это есть, но не это в ней главное. Назидания и в особенности вероучение занимают в ней вообще довольно скромное место. Библия – это прежде всего рассказ о разных людях, об их отношениях с Богом и друг с другом, а всё остальное появляется в ней только в связи с этим рассказом.

Библия, как известно, делится на две части: Ветхий и Новый Завет. Ветхий писался на протяжении долгих веков на древнееврейском и (небольшие его части) на близкородственном арамейском языках. Он рассказывает о сотворении человека и излагает свою версию ранней истории человечества. Ключевую роль в этой версии играет избранный народ, Израиль, с которым Бог заключает Завет, то есть договор. Отношения Бога с Израилем – своего рода пример Его отношений со всем человечеством. Это не значит, что Израиль всегда ведет себя примерно, скорее наоборот; но на его примере Бог показывает, что это значит – жить с Ним в союзе, какое это благословение и какая ответственность.

В Новом Завете, текст которого был написан на древнегреческом языке в I в.н.э., рассказывается история Иисуса Христа и Его первых учеников. Христос заключает с человечеством Новый Завет, войти в который может каждый, независимо от национальности. Смысл этого Завета в том, что по вере в Иисуса, Его смерть на кресте и Его воскресение человек получает прощение грехов, входит в общину верных – Церковь, и вместе с братьями и сестрами учится жить в Царствии Божьем, которое присутствует уже в этом мире, здесь и сейчас. Евангелия, Благая Весть о спасении – прежде всего повествование об Иисусе, о Его жизни, служении, смерти и воскресении, о Его встречах, беседах и спорах с самыми разными людьми. Другие книги Нового Завета рассказывают о первых христианах, о рождении и распространении церкви.

В чем же цель этой книги, которую вы сейчас держите в руках? Поближе познакомить читателя с людьми, о которых говорит Библия, рассказать о главных событиях их жизни, об их проблемах, трудных решениях, радостях и печалях. Они жили на этой земле, они остаются живыми, потому что Бог Авраама, Исаака и Иакова есть не Бог мертвых, но Бог живых. Значит, и нам не обязательно Его искать на мертвых книжных страницах – лучше найти Его в жизни других людей.

Здесь может возникнуть вопрос, который одним кажется несущественным, а для других выглядит самым главным: а откуда мы знаем, что происходило с этими людьми на самом деле? Есть ли у нас объективные, независимые подтверждения – или, напротив, опровержения – того, что библейское повествование правдиво? И как мы можем привязать его к учебникам истории? В каком, к примеру, веке жил Авраам? К сожалению, на большинство таких вопросов наука просто не может ответить. От того же Авраама не осталось никаких артефактов или записей, и если бы не библейский рассказ о нем, мы бы никогда не услышали это имя.

Чтобы понять этих людей, очень важно бывает понять, в каком именно мире они жили, что казалось тогда естественным и простым, а что звучало как удивительное откровение. Мы слишком привыкли к нашему собственному миру, и можем упрекать Колумба в том, что он, отправляясь в путешествие, не отыскал предварительно Америку на глобусе – но ведь она появилась на наших глобусах именно потому, что он когда-то первым отправился в путешествие! Примерно так же обстоят дела и с духовной историей человечества. На страницах Библии немало таких Колумбов, открывших впервые то, что давно известно нам. Чтобы понять смысл их открытий, необходимо сначала понять, в каком мире они жили и каким его себе представляли. Этот материал обычно подается отдельно, в небольших врезках, которые есть в каждой из сорока глав.

Книга написана как сборник очерков. Их можно читать подряд или вразбивку, они достаточно независимы друг от друга.

Сегодня нередко спрашивают: действительно ли когда-то жил человек по имени Авраам, и действительно ли Иисус из Назарета был Сыном Божиим – но мы этих вопросов касаться не будем. Для самих библейских авторов ответ был однозначен: да, всё это было, всё это – Священная История. И книга представляет именно эту точку зрения, а уж дело читателя – соглашаться с ней или нет. Эта книга не содержит научных реконструкций (их существует много, они спорны и обычно не согласуются меж собой), она рассказывает о своих героях так, как повествует о них Библия.

Выбрать сорок портретов из бесконечной вереницы библейских персонажей было непросто. Одним из них в Писании посвящены целые книги, другим – лишь пара небольших эпизодов. Но все они – участники одной и той же драмы, разыгрывающейся между Богом и человечеством. Но в этой книге нет главы о Христе – о Нем можно было бы написать целую книгу не меньшего объема, да такие книги уже и написаны. Это четыре Евангелия, прежде всего...

Некоторые портреты получились парными: как, к примеру, можно говорить о Самуиле, не рассказав о Сауле, которого он помазал на царство? А некоторые портреты вышли и вовсе групповыми: слишком мало в книге места, чтобы говорить отдельно о каждом из малых пророков или о каждом человеке, чью жизнь изменило Воскресение, но без них остались бы слишком заметные пробелы в библейской истории.

Библейские тексты здесь пересказываются или цитируются, при этом цитаты даются в разных переводах: в Синодальном, самом привычном для русского читателя, или в некоторых современных (прежде всего, в переводе Российского библейского общества), потому что они могут ярче и полнее передавать красоту и выразительность библейского текста, особенно поэтических отрывков. Некоторые отрывки я даю в собственном переводе. Чтобы не перегружать читателя, ссылки на отдельные переводы и даже на конкретные места, откуда взяты цитаты, здесь не даются. Те, кто захотят найти соответствующее место в Библии, могут воспользоваться электронным поисковиком или справочной литературой.

Вот, пожалуй, и всё, что нужно знать, чтобы открыть первую (или любую другую) главу этой книги. А поделиться своими впечатлениями или написать ее автору можно по адресу: a.desnitsky@gmail.com.

1. Адам и Ева: в начале

Как был сотворен мир?

Прежде, чем заговорить о людях, Библия говорит о Боге и о том, как Он творил мир. Но Библия – не богословский трактат, который рассуждал бы о свойствах Бога. Такие трактаты напишут потом, а Библия – это Священная История. Свойства Бога и сотворенного им мира раскрываются, прежде всего, в рассказе о творении. Сегодня его нередко оценивают с точки зрения естественных наук, но нелепо было бы искать в этих строках подтверждения или опровержения гипотезам ученых – Библия говорит совершенно не про то, и естественнонаучные представления ее земных авторов вполне соответствовали своему времени. Нигде, например, мы не найдем указаний на то, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца. Но зато мы без труда найдем в Библии описание основных принципов, по которым организовано мироздание.

Вселенная создается строго упорядоченной: небо и земля, свет и тьма, день и ночь. Когда Бог начинает творить живую природу, то с самого начала это множество видов, отличных друг от друга и самовоспроизводящихся: «И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его». Как ни странно, еще в середине прошлого века эта простая истина была неизвестна народному академику тов. Лысенко...

Кроме того, вселенная всё больше и больше включается в творческий процесс. Если небо и земля возникли непосредственно из ничего, то траву и деревья по слову Божьему уже произвела земля. Все эти события, по описанию книги Бытия, заняли «три дня», но едва ли здесь имеется в виду промежуток времени в 72 астрономических часа, ведь упорядоченное чередование дня и ночи возникает только на четвертый день, когда Бог создает солнце и луну. Видимо, словом «день» здесь называется период времени неопределенной продолжительности – может быть, даже многие миллиарды лет в пересчете на наше время.

Сотворение солнца и луны в четвертый день выглядит, на первый взгляд, нелогично. Свет и тьма, день и ночь уже отделены друг от друга – и лишь затем появляются светила, призванные «управлять» их чередованием. Некоторые комментаторы полагают, что здесь сотворение мира показано с точки зрения земного наблюдателя: земная атмосфера в определенные геологические периоды была непрозрачной, говорят они, и солнце и луна были просто не видны. Но скорее здесь перед нами частное проявление общего принципа: сперва создается материя, а потом она упорядочивается: запускается «часовой механизм» солнца и луны.

И когда в пятый день Бог создает рыб и птиц, а в шестой день – животных (они тоже произошли из воды и земли), то Он передает своему творению еще одно полномочие: «и благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле». Но живая природа, в отличие от живой, еще не структурирована, у нее нет своего главы.

И тогда Бог создает человека.

Зачем человек?

«Зачем Бог сотворил человека?» – такой вопрос мне однажды, много лет назад, задала маленькая дочь. Немного подумав, я ответил: «Чтобы Ему было, кого любить». Этот ответ и теперь мне кажется самым правильным. Оглядывая свое творение в конце каждого дня, Бог говорил «хорошо», но лишь в конце шестого дня, сразу после создания человека, сказал: «очень хорошо!» Но в самом начале их истории мы видим и другую цель: «И сказал Бог: сотворим человека как образ Наш и как подобие Наше, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над

всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле». Человек создается не просто «по образу» Бога (как мы читаем в Синодальном переводе), но как Его образ и подобие, как Его икона в этом мире. Это, в частности, значит, что человек призван господствовать над миром живой природы. Отныне Бог делится со Своим творением не просто своей творческой силой, но и своей властью над сотворенным миром.

О событиях «начала времен» Библия говорит языком поэзии. Она сообщает, что первый человек был создан «из праха земного». Так библейский автор подчеркнул неразрывную связь человека с материальным миром, в котором он живет. Может быть, автор книги Бытия хотел донести до нас примерно ту же мысль, что и современная наука: человечество возникло в ходе развития и усложнения материальных форм жизни, в основе которых – «земной прах», материя. Библейский автор только не устает подчеркивать, что этот процесс был не случайным и не бессмысленным – он направлялся одной и той же Рукой и имел определенную цель. Но в человеке есть и не только материальное и животное начало. Библия повествует об этом так: человек не ожил, пока Бог не вдохнул в него свой Дух, который и стал дыханием человека.

Всем хорошо известно, что, как Адам был сотворен «из праха земного», так Ева была сотворена «из ребра» Адама. Но это не совсем точно – ведь само слово *адам* обозначает человека вообще, без деления на мужчину и женщину. И самое первое упоминание человека звучит для нас довольно необычно:

«И сотворил Бог человека как образ Свой,
как образ Божий сотворил его;
мужчину и женщину сотворил их».

Одновременно перед нами – единое человечество и два противоположных пола. Лишь потом будет рассказано, как из ребра уснувшего Адам Бог создал Еву. Как и в случае со светом и тьмой, днем и ночью, сначала описано созидание всего в целом, а потом – упорядочение созданного. Значит ли это, что первые люди были мужчинами и женщинами одновременно, а разделение на два пола возникло потом? Совсем нет. Скорее, это значит, что единство двух полов важнее различий между ними.

В конце истории о шести днях творения мы читаем: «И совершил Бог в седьмой день дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих». Как нетрудно заметить, наши еженедельные выходные восходят именно к этому рассказу (ни один народ древности, кроме израильтян, и не думал устраивать себе нерабочие дни так часто и так регулярно). Но есть здесь и нечто более важное. Творение закончено, способность к творчеству передана человеку, который и может теперь заботиться об этом мире. Бог, разумеется, не оставляет его. Мы ведь читаем, что в седьмой день Он одновременно завершает творение и покоится (создателям русского Синодального перевода это показалось настолько странным, что они неточно перевели «завершил к седьмому дню»). Можно понять это так, что теперь действие Бога в мире должно совершаться через Его образ – человека.

О том, насколько этот замысел удался и что происходило потом, собственно, и рассказывает вся остальная Библия.

Человек как соучастник творения

Власть человека над новосозданным миром проявилась ярче всего, когда человек дал животным имена. Имя на древнем Востоке отнюдь не считалось случайным сочетанием звуков – кто знает подлинное имя, тот понимает сущность его носителя (так это было у многих народов, и У. ле Гуин в своем вымышленном Земноморье описала именно такой мир).

Именно после рассказа о назывании животных библейский автор помещает рассказ о сотворении Евы из ребра Адама. Первый рассказ о сотворении мужчины и женщины подчеркивает единство человечества, а второй, где Ева появляется из ребра Адама –

объясняет первенство мужчины, которое в древности казалось незыблемым. Но и этот рассказ подчеркивает теснейшую связь двух полов – не безразличное равенство, как требует того современность, но единство вплоть до слияния: «оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и станут двое одной плотью».

Самого первого человека зовут просто Человек, Адам. Это имя явно связано со словом *адама*, почва, причем связь эту можно объяснить двояко. Человек создан «из праха земного», то есть, в отличие от Бога, принадлежит материальному миру. Но этот мир – не только источник его появления, но и точка приложения его творческих сил, без которых этот мир не может полноценно плодоносить: «...и не было человека (*адам*) для возделывания земли (*адама*)». Бог поселяет человека в Эдеме, райском саду, «чтобы возделывать и хранить его». Так человек был призван соучаствовать в творении мира – сберегать и приумножать созданное Богом. Кстати, нигде в Библии не говорится, чтобы Бог отнял у него эту привилегию...

Впрочем, пока первые люди находились в раю, у них не было нужды в именах, и имя Ева (по-древнееврейски *Хава*, от корня со значением «жизнь») Адам даст своей жене лишь после того, как они будут изгнаны прочь. И об этом изгнании, определившем, с точки зрения Библии, всю дальнейшую судьбу человечества, мы поговорим подробнее.

Грехопадение

Еще одно свойство человека – свобода выбора. Его поведение не определяется рефлексом и внешними раздражителями, как у животных, он сам выбирает один вариант поведения из нескольких возможных. Создавая существо со свободой воли, Бог шел на риск: эта воля может повернуться против Его Собственной воли. Так оно и случилось.

Книга Бытия описывает эту историю поэтическим языком. Среди всех деревьев рая только одно было запрещено для человека, и Библия называет его деревом познания добра и зла. Действительно, свобода воли предполагает, что человек может самостоятельно, не опираясь на Бога, установить, что будет для него добром, а что – злом. Наверное, именно это подразумевает рассказ о запретных плодах с этого дерева, которых по внушению змея поела Ева, а потом угостила ими Адама (кстати, нигде в Библии не говорится, что это были именно яблоки).

Мы не можем точно установить, как выглядело это событие «на самом деле». Может быть, здесь действительно было замешано какое-то дерево, а может, это поэтический образ. Но рассказ об этом первом грехопадении как в капле воды отражает историю миллионов других грехопадений... Стоит присмотреться к нему.

В момент, когда Адама нет рядом, когда некому подсказать и уберечь от опрометчивого шага, Еву начинает искушать некий змей, который «хитрее всех зверей полевых». Кто это? Книга Бытия не дает никакого ответа, но в более поздних библейских книгах, особенно в Новом Завете, мы встретим полный портрет этого существа. В мире существуют разумные и бесплотные духи, также наделенные свободой воли. Одни из них избрали подчинение Богу, другие восстали против Него. Главу мятежников Ветхий Завет называет *сатаной*, то есть противником, а Новый завет – *дьяволом*, то есть лжецом.

Он и изображен здесь в виде змея. Лжец и начинает со лжи, пытаясь выставить Бога безжалостным деспотом: «Подлинно ли сказал Бог: “не ешьте ни от какого дерева в раю”?» – спрашивает он Еву. Она сразу опровергает слова змея, но... и она прибавляет нечто от себя к повелению Бога: «только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть». Ведь на самом деле запрета прикасаться к плодам не было. А змей продолжает свою атаку: «Нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло». Вот он, соблазн уподобиться Богу собственными усилиями, приняв чудодейственное лекарство... До сих пор ей хватало других плодов, но теперь возжеланными стали именно эти, «и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел».

«Адам, где ты?»

Глаза первых людей действительно открылись. Но вместо того, чтобы увидеть себя хитроумными (евр. *арумим*), они обнаружили, что они голые (евр. *эйрумим*). Невинная нагота младенчества, в которой они пребывали до тех пор, оказалась несовместимой с таким «познанием добра и зла». Теперь они знали о себе нечто такое, что заставляло их прятаться.

Библия описывает, как Бог в саду зовет Адама: «Адам, где ты?». Наверное, Он, Всеведущий, не просто интересовался местоположением Адама, но взывал к нему: подумай, в каком положении ты теперь очутился, и обратись ко Мне! Адам отвечает: «Голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся». До сих пор он общался с Богом свободно, но теперь испытывает перед Ним стыд и страх.

Тогда Бог спрашивает напрямую: «Кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?» Адам признает сам факт, но он, разумеется, ни в чем не виноват: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел». Впрочем, и жене есть, на кого переложить ответственность: «Змей обольстил меня, и я ела».

Раскаяние не состоялось, и тогда наступает наказание. Бог проклинает змея и говорит о войне, которая отныне будет между ним и человеческим родом: «Вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пята». Так люди и поступают со змеями – но речь явно идет не только об этом. Теперь неизбежной стала вражда между человечеством и сатаной, его так и называют – «враг рода человеческого».

Наказание женщине – болезненная беременность и тяжелые роды (у животных они и в самом деле обычно проходят куда легче), а также непреодолимое стремление к мужчине, который будет господствовать над нею. Наказание самому мужчине – тяжкая и малопродуктивная работа: «в поте лица твоего будешь есть хлеб». Отныне деревья эдемского сада не дадут пищу человеку, и вместо свободного созидательного труда ему предстоит суровая борьба за существование. Особенно хлестко эти слова должны были прозвучать в том мире, где не каждый день ели досыта, и где основным сельскохозяйственным инструментом была простая мотыга.

Но самое главное – люди теперь подвластны смерти. Нет, они не умерли сразу – и они, и их потомки, по свидетельству книги Бытия, жили неправдоподобно долго (Адам, например, 930 лет), но теперь, вдали от Бога и отрая, начинается их умирание.

Перед тем, как изгнать людей израя, Бог одевает их в «кожаные одежды». Вполне возможно, что здесь имеется в виду не одежда в нашем понимании, а наши нынешние тела. Если так, то Эдем располагался в каком-то другом мире, а в этот мир человек попал уже после грехопадения. Так начиналась история человечества...

Первая семейная хроника

«Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа». За Каином последовал Авель, а потом и другие дети. В этой семье всё возникает впервые, например, разделение на земледельцев (Каин) и пастухов (Авель), столь важное для древних культур. Но мы привыкли связывать имена этих братьев с первым в мире убийством.

Оба они приносят жертву Богу – ведь на смену свободному богообщению теперь приходят различные религии. Жертва Авеля принята, жертва Каина нет, и вспыхивает первая война, религиозная и братоубийственная одновременно: Каин убивает Авеля. И тогда Бог спрашивает его, как прежде его отца, Адама: «Где Авель, брат твой?» Но и он, как некогда отец, не хочет говорить правды: «Не знаю; разве я сторож брату моему?» Но если молчат люди – сам мир свидетельствует о том зле, которое его осквернило: «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли», – отвечает Каину Бог.

Та самая земля, из которой взят был человек и возделывать которую он был призван, будет теперь нередко вопить к Богу голосом пролитой человеческой крови. История человечества только еще начинается...

врезка:

Сегодня люди часто задаются вопросом: «а есть ли Бог?» Сегодня первая фраза Библии – «В начале Бог сотворил небо и землю» – звучит как ответ именно на этот вопрос. Но древний читатель был твердо уверен, что боги существуют, и что окружающий мир создан ими. Читая ту же самую фразу о сотворении мира, он, скорее всего, спрашивал себя: «а который из богов, и каким именно образом?»

Вавилонские мифы, по возрасту намного превосходящие Ветхий Завет, тоже предлагают свою историю творения. Первая пара богов, Апсу и Тиамат, породили множество божеств, которые постепенно начали враждовать со своими родителями. Череда войн и «дворцовых переворотов» закончилась тем, что бог Мардук в бою убил прародительницу Тиамат, разорвал ее и из частей ее тела сотворил вселенную.

В сотворенном мире нужно было поддерживать порядок, и эту работу верховные боги поручили младшим. Им скоро такая жизнь надоела, они подняли восстание и вынудили верховных богов создать им замену – человека. Люди исправно несли свою повинность, но при этом они еще и размножились, и через двенадцать сотен лет многочисленное человечество стало производить такой шум, что боги не могли спать. Чтобы отрегулировать численность своих слуг, боги последовательно наслали на них эпидемии и засуху. Но эти меры помогали ненадолго, и, наконец, боги решили прибегнуть к радикальному средству: потопу. Впрочем, тут мы уже подходим к истории библейского Ноя...

Характерно, что для вавилонян, равно как и для других языческих народов, отношения богов и человечества были совершенно лишены нравственного измерения: боги создают или уничтожают людей примерно так, как люди разводят пчел или истребляют тараканов, исходя из собственных интересов. Но библейский текст разительно отличается от всех них. Бог един, говорит Библия, и в древнем мире это звучало сенсацией. Он не был никем рожден, ни с кем не враждовал, не завоевывал своего трона в упорной борьбе. Он единолично сотворил этот мир Своим словом, а человек стал венцом этого творения: со-правителем и со-творцом, а вовсе не рабом.

На фоне блистательной вавилонской цивилизации древние евреи выглядели отсталым варварским племенем, но им принадлежит одно великое открытие: Бога и человека связывают *личные* отношения любви и доверия.

2. Ной: человечество как единая семья

От Адама до Ноя

Говорят, некоторые чеченцы возводят самоназвание своего народа, *нохчи*, – к Ною (по-древнееврейски *Noah*) и считают себя его потомками. Что же, если верить библейскому рассказу, они правы – но то же самое можно сказать и обо всех остальных народах земли. Но прежде, чем говорить о Ное, посмотрим, почему вообще Библия говорит о еще одном едином праотце всех людей, кроме Адама.

Бог создал человека по своему образу, а дальше – Адам родил сына «по своему образу» (больше нигде в Библии такое выражение не встретиться). После грехопадения человечество начинает жить собственной жизнью, строя свою цивилизацию. Читая перечень потомков Каина, мы видим, какие изобретения в то время считались основными: сам Каин строит первый город, Иувал изобретает игру на музыкальных инструментах, Тувалкаин – кузнечное ремесло, а Ламех оказывается первым двоеженцем. Интересно, что развитие цивилизации книга Бытия связывает именно с потомством первого убийцы – Каина. О потомках другого сына Адама, Сифа, ничего подобного не говорится. Видимо, уже тогда люди понимали, что развитие техники и искусств часто связано с нравственной деградацией.

Человечество катится вниз по наклонной плоскости и, наконец, достигает критической точки: Бог жалеет, что создал человека, и решает истребить его. Он находит только одного праведника – Ноя.

Библейский автор не сообщает почти никаких деталей о жизни его современников – только один довольно странный эпизод: «тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал... В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди».

О чем говорят эти странные слова? У многих народов древности сохранились предания о браках между божествами и земными красавицами, от которых рождались герои (например, Геракл родился от Зевса и царицы Фив, а основатели Рима Ромул и Рем – от Марса и весталки). Обычно древние люди гордились такими преданиями, но Библия явно их не приветствует. В языческих культурах существовали обряды, во время которых девушки отдавались божествам (на самом деле, их жрецам или почитателям). И дело здесь даже не только в распущенности: вместо почитания Единого Бога-Творца язычники отдают себя во власть низших духовных сил, которые сегодня называются демонами или бесами. Вместо свободного общения с Богом, которое было доступно в Эдемском саду Адаму и Еве, человечество приходит к брачным союзам с демонами – это предел, ниже падать некуда. Остается только всё разрушить и начать заново.

Ной

Среди людей своего времени только Ной «ходил с Богом» (так буквально в еврейском тексте), то есть жил с постоянной памятью о Творце. Он не просто признавал Его существование, не просто обращался к Нему в трудные минуты своей жизни, но всегда и везде вел себя так, чтобы оставаться с Ним.

В результате Бог решил уничтожить прежнее человечество в водах потопа, а новое произвести от Ноя. Бог повелел Ною соорудить ковчег, то есть огромный плавающий дом. Когда он был готов, в него вошли, помимо семьи Ноя, все виды сухопутных животных, о сохранности которых Бог тоже заранее позаботился. Кстати, когда люди стали обнаруживать кости динозавров, то долгое время называли их допотопными животными, считая, что Ной не взял их с собой и они погибли в водах потопа, но в Библии о таких исключениях ничего не сказано.

О потопе, как и о сотворении мира, Библия рассказывает языком поэзии, а не языком современной науки, которой тогда еще просто не существовало. Вряд ли можно представить, что Ной действительно взял с собой всех дышащих воздухом существ – ему для этого пришлось бы объехать все континенты и взять на борт миллионы разных видов. Но может быть, и потоп касался не всей суши на земле, а всего лишь той части мира, которая была известна Ною и его окружению? Мы не знаем точных ответов на эти вопросы, но Библия говорит о другом: как позаботился Бог о праведнике. Технических деталей она не сообщает.

Ковчег был построен людьми, но когда все зашли внутрь, дверь ковчега затворил Сам Бог – так он добавил последний штрих к творению человека. В это время хлынул ливень, или, как говорит повествование, «открылись источники великой бездны» – ведь древние люди верили, что одна водная бездна лежит под поверхностью земли, а другая – над небесным сводом. Вода всё прибывала, и наконец, покрыла даже верхушки гор. После того, как дождь прекратился и вода пошла на убыль, прошло еще немало времени, прежде чем обитатели ковчега смогли выйти на сушу. Чтобы узнать, появилась ли сухая земля, Ной выпускал ворона и голубя. Когда голубь вернулся к нему с листом маслины в клюве, Ной понял, что жизнь на суше возрождается – вот откуда у нас этот образ голубя с оливковой веточкой в клюве.

Выйдя из ковчега, Ной принес жертву Богу, и Тот пообещал, что больше не будет истреблять человечество за его грехи. Это было первое соглашение (говоря библейским языком, «завет») Бога с человечеством после грехопадения. Его знаком стала радуга – «лук» Бога (на древнееврейском языке радуга называется тем же словом, что и боевой лук). Но, чтобы сдерживать зло, Бог установил первый принцип ветхозаветного законодательства: «Кто прольет кровь человека, кровь того прольет человек. Ибо человек создан по образу Божьему». Впоследствии этот принцип ляжет в основу ветхозаветного законодательства, а со временем он станет основой и нашего правосознания. А ведь в те далекие времена убить врага – это было дело чести, доблести и геройства. Да и не только в те времена...

Семья народов

Ною предстояло стать прародителем нового человечества. Его сыновей звали Сим, Хам и Иафет, и далее Библия подробно перечисляет потомков каждого из них. Но, с точки зрения Библии, это не просто отдельные люди – это родоначальники целых народов. По сути дела, здесь перед нами каталог всех народов, которые были известны древним евреям (конечно, среди них мы не найдем обитателей Дальнего Востока, Америки или Австралии). Сегодня часто говорят, что всё человечество – это одна семья, но из всех книг в мире только Библия так заурядно и буднично повествует об этом, перечисляя длинные списки имен.

Интересно, что эта классификация не вполне совпадает с данными современной лингвистики и антропологии. Так, евреи во всех отношениях были достаточно близки хананеям, которые жили в Палестине до них и говорили на очень сходном языке. Тем не менее, Евер – потомок Сима, а Ханаан – сын Хама. Видимо, их классификация основывалась на каких-то других принципах, чем сегодняшняя наука. Несмотря на то, что все народы – братья, мы не найдем в Ветхом Завете призыва к политкорректности. С точки зрения автора книги Бытия, не все народы равны меж собой. Отчего так получилось?

Ной был первым виноградарем и виноделом, и однажды, несколько переборщив с дегустацией, лежал голый в своем шатре. Хам, чье имя после этой истории стало нарицательным, рассказал об этом своим братьям. А братья накрыли плащом наготу своего отца, зайдя в шатер задом наперед – так, чтобы его не видеть. Протрезвев, Ной благословил Сима и Иафета и проклял почему-то не самого Хама, а его сына Ханаана, сказав: «раб рабов будет он у братьев своих». В последующие века европейские

рабовладельцы, считавшие себя потомками Иафета, а негров – потомками Хама, очень любили эту историю. Нравилась она также евреям и арабам, потомкам Сима (семитам). Но на самом деле она, конечно, не оправдывает расового неравенства, а говорит о последствиях определенного отношения к родительским грехам. К тому же Новый Завет достаточно ясно говорит, что во Христе национальные границы преодолеваются и уже «нет ни эллина, ни иудея».

Зато в Ветхом Завете эта история заранее указывает на то, как в будущем потомки Сима, евреи, вторгнутся в страну Ханаан и захватят ее.

Вавилонская башня

Тогдашнее человечество тоже ощущало свое единство, прежде всего потому, что у него был один общий язык. Люди понимали друг друга, и поэтому могли предпринять грандиозные проекты. Тогда они решили построить город с башней до небес, чтобы «сделать себе имя» – говоря иначе, собственными усилиями взойти на небо. Но, как иронично повествует книга Бытия, Богу пришлось «сойти», чтобы разглядеть их грандиозное строительство. Желая остановить его, Он смешал языки строителей, и они, перестав понимать друг друга, рассеялись по всей земле. Вместо единого великого имени они теперь произносили множество несовместимых друг с другом имен, а место бывшего строительства получило название «Вавилон».

Нередко можно услышать, что возникновение разных языков Библия связывает с Вавилонской башней, но это не совсем так. Перед самым рассказом о ней идет перечень потомков Сима, Хама и Иафета, и уже там указывается, что они стали родоначальниками разных народов, живших в разных странах и говоривших на разных языках. Это можно понять и так, что разнообразие языков возникло позже, но всё же разнообразие языков не обязательно связано со строительством Вавилонской башни и служит наказанием от Бога. Разве было бы хорошо, если бы на всей земле был бы только один язык? Это бы сильно обеднило человечество.

Что же тогда утратили люди в истории с Вавилонской башней? Взаимопонимание. Возможно, «один язык», который утратили люди – не единственный, а общепонятный, как русский в СССР или как английский в современной международной жизни. Плохо не то, что мы говорим на разных языках (живем в разных странах, носим разную одежду, придерживаемся разных взглядов). Плохо, когда мы не можем друг друга понять.

Не предупреждение ли это всем великим империям с их грандиозными замыслами? Библия помещает это сооружение в крупнейшем политическом, религиозном и экономическом центре древнего мира – в Вавилоне. На языке его обитателей (аккадском) он носил горделивое имя *баб-илу*, то есть «врата божьи», но Библия связывает его с еврейским глаголом *баляль*, «смешивать». Город, который стремился быть центром вселенной и вратами небесного мира, который сооружал громадные храмы-зиккураты (ступенчатые башни) оказался на деле великим смешением племен, языков и религий. К началу нашей эры он пришел в полное запустение, а вскоре люди и вовсе про него забыли, и, вплоть до археологических раскопок XIX века, никто уже и не знал, где когда-то находилась эта великая столица.

В Новом Завете образ Вавилона, великой блудницы, появляется в последней книге – Откровении Иоанна Богослова. Часто его связывают с Римом, который в те времена стал столицей великой империи, но надо сказать, что в мировой истории еще не один город пытался выстроить очередную башню до небес, чтобы «сделать себе имя». Что характерно, результат всегда был примерно таким же.

Сегодня историки говорят нам, что великая цивилизация Междуречья подарила миру многие открытия. Но, согласно Библии, главный ее дар человечеству заключается совсем в другом: там, в Уре Халдейском, родился ничем не примечательный человек по имени Авраам...

врезка:

У многих народов древности (но далеко не у всех) сохранились **предания о великом потопе**, во время которого уцелела только одна семья, пользовавшаяся особым покровительством свыше. Возможно, все эти предания об одном и том же реальном событии. Например, Средиземное море когда-то было внутренним озером, и однажды воды мирового океана, поднявшиеся на десятки метров после таяния ледников, прорвали нынешний Гибралтарский пролив и затопили огромные территории вместе со всеми людьми, кто жил на них.

Вавилонские предания рассказывают об Атрахасисе, который был любимцем бога Эйа. Когда боги на своем совете решили погубить слишком шумное и раздражавшее их человечество, они поклялись не выдавать никому из людей своих планов. Но Эйа не мог допустить гибели любимца, поэтому он явился ему и... обратился не к самому Атрахасису, а к его дому: «Внемли, о стена! Хижина, слушай! Разрушь свой дом, корабль выстрой!» Атрахасис понял намек, построил корабль и так спасся. Своих соседей он при этом нещадно обманывал, чтобы они ему не мешали, да и сами бы не спаслись.

Только после наводнения вавилонские боги осознали всю опрометчивость бывшего решения: ведь теперь было некому приносить им жертвы! И тут Атрахасис соорудил жертвенник. Боги были очень рады узнать, что, благодаря маленькой хитрости одного из них, человечество всё-таки выжило, и потому Эйа никак не был наказан.

При всем сходстве деталей – какое поразительное отличие духовных и нравственных оценок!

3. Авраам и Сарра: путь призванных

«Выйди из земли твоей»

Три мировых религии, основанные на вере в Единого Бога-Творца – иудаизм, христианство и ислам – называют иногда «авраамическими». Действительно, все три так или иначе ведут отсчет именно от Авраама (мусульмане называют его Ибрагимом). И до Авраама были люди, которые верили в Единого Бога-Творца и даже заключали с ним завет, например, Ной. Но с Авраамом связано нечто особенное: начиная с него, избранничество переходит от одного поколения к другому. Так возникает в истории не просто новая религия, но нечто гораздо более важное – народ Божий.

Около четырех тысяч лет назад в городе Уре, одном из центров великой месопотамской цивилизации, жил человек по имени Аврам со своей женой Сарой. Мы не знаем, чем отличались они от всех остальных, но случилось так, что из всех людей той эпохи только Аврам услышал Божий призыв. Впрочем, могло быть и так, что слышали его и другие, но лишь один ответил на него и тем самым навсегда вошел в историю человечества. Этот призыв прозвучал так:

«Выйди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего и иди в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое. Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные».

Авраму суждено было стать предком даже двух великих народов: от его сына Измаила ведут свое происхождение арабы, а от другого сына, Исаака – евреи. Но этого мало: Бог обещал, что он станет источником благословения для всего человечества, даже для тех народов, которые от него не происходят. Поэтому и христиане сегодня считают себя духовными потомками этого человека, из какого бы народа они не происходили. В этом важнейшая особенность Ветхого Завета: он рассказывает нам историю одного избранного Богом народа (и Авраам упоминается, прежде всего, как прародитель этого народа), но эта история – лишь стержень, на который нанизаны судьбы всего человечества.

Наверное, для того, чтобы войти в историю, иногда бывает нужно из нее выйти – отказаться от привычного образа жизни, родных и близких, и даже от значительной части того, что люди называют «наследием предков». А останься Аврам с Сарой в славном городе Уре, кто бы теперь помнил их имена?

Странствия бездетной пары

Обещания Бога исполнились не сразу – впереди были долгие годы скитаний. И по сей день в пустынях Ближнего Востока, вдали от больших городов, кочуют семьи бедуинов со стадами коз, овец и верблюдов. История, политика, цивилизация как будто обходят их стороной, оставляя лишь ничтожные следы на внешнем облике их жилищ. Эти кочевья никогда не были похожи на легкие туристические прогулки. Дважды, в Египте и в Гераре, Авраму пришлось прибегать к не слишком-то благовидной хитрости. Свою красавицу-жену Сару он назвал сестрой, чтобы избежать неприятностей – а вдруг ее сочтут подходящей кандидаткой для гарема местного царя, а самого Аврама убьют? Сару действительно уводили в гарем, но Господь сразу же наказывал царя за это преступление, и царь, таким образом, убеждался, что этот хитрый бедуин действительно пользуется покровительством свыше. В те времена к таким вещам относились всерьез, и царь, щедро одарив супругов, отпускал их восвояси (точнее, выгонял эту опасную пару прочь).

С нашей точки зрения, более чем сомнительный поступок? Конечно. Но мы сегодня вспоминаем Аврама не потому, что он был безупречен, а потому, что он единственный последовал за Божественным призывом и полностью подчинил ему свою

жизнь. Во всех остальных отношениях он вполне оставался человеком своего времени, где хитрость и жестокость считались нормой, а женщину порой воспринимали как выгодный товар. Чтобы картина когда-нибудь изменилась, чтобы сегодня всё это казалось нам диким – для этого Авраму и пришлось бросить родной дом. Но то была только первая ступенька к этике Нового Завета!

В другой раз Аврам ввязался в войну сразу с четырьмя царями (в те времена в каждом городке мог быть собственный царь), чтобы освободить из плена своего племянника Лота. Возвращаясь с победой, он встретил еще одного царя, который одновременно был и священником – таинственного Мелхиседека из Салима (возможно, так назывался в те времена будущий Иерусалим). Мелхиседек благословил Аврама, а тот передал ему десятую часть военной добычи – так на многие века были установлены образцовые отношения между воином и священником.

Господь несколько раз повторял Свое обещание Авраму. Но как мог произойти великий народ от того, у кого вовсе не было детей? Они с Сарой, увы, были бездетны. Тогда Сара предложила своему мужу разделить ложе со служанкой Агарью – в те времена для состоятельного мужчины было совершенно нормально иметь, помимо жены, наложниц, дети которых обладали совершенно иным статусом и наследовали имущество отца только в том случае, если жена не рожала наследников. Так появился на свет Измаил, и Сара ужасно завидовала своей более удачливой служанке. Супругам оставалось надеяться и ждать.

Новые имена и три гостя

Как знак заключенного между ними договора, Господь повелел Авраму совершить обрезание. В дальнейшем так должны были поступать и его потомки. Со своей стороны, Бог дал супругам новые имена. Имя на древнем Востоке воспринималось не просто как случайная комбинация звуков, которая помогает отличить одного человека от другого, а как характеристика подлинной сущности человека, а иногда – как пророчество о его судьбе. Итак, Аврам («высокий отец») стал Авраамом («отцом множества»), а Сара («моя госпожа») стала Саррой («госпожой»).

Но не звучали ли новые имена как насмешка? Как может быть «отцом множества» старик, у которого есть только один сын от наложницы? Казалось бы, давно пора было потребовать от Бога какого-то исполнения всех этих бесконечных обещаний. Авраам ведь уже стольким пожертвовал – так где же награда? Супруги ждали...

И вот однажды, во время дневного зноя Авраам недвижно сидел у входа в свой шатер, как и положено старому бедуину. Внезапно на дороге появилось трое путников – Авраам и не знал, кто они такие. Безусловно, по законам бедуинского гостеприимства ему следовало пригласить их к себе, но Авраам пошел гораздо дальше, чем требовала вежливость: велел слугам омыть гостям ноги, распорядился испечь свежего хлеба и даже заколол упитанного теленка. Именно эта трапеза и запечатлена на знаменитой рублевской иконе Троицы (конечно, иконописец воспользовался этим ветхозаветным сюжетом, чтобы приоткрыть нам тайну новозаветной Троицы – Отца, Сына и Святого Духа).

Необычно повели себя и гости. Один из них сказал Аврааму: «Я опять буду у тебя через год в это же время, и у Сары, жены твоей, будет сын». Сарра, как и положено порядочной бедуинке, находилась на женской половине шатра и внимательно слушала этот разговор. В этот момент она молча усмехнулась: наверное, гость хочет польстить хозяину! Какой же новорожденный может быть у пары стариков, которые давно уже утратили способность к деторождению?

Но таинственный гость настаивал: «отчего это рассмеялась Сарра? Есть ли что трудное для Господа? В назначенный срок буду Я у тебя в следующем году, и у Сарры будет сын». Теперь супруги поняли, Кто стоял перед ними. Сарра, правда, так и не призналась, что восприняла Его слова с усмешкой. Легко ли спорить с Господом?

Авраам торгуется с Господом

Тем временем, двое спутников удалились в Содом – город, который Господь пожелал наказать за грехи. Но прежде, чем сделать это, Он решил дать им последний шанс: два ангела должны были войти в город, чтобы проверить, как отнесутся к ним местные жители. Авраам, впрочем, уже предвидел, чем кончится этот визит, и очень беспокоился за своего племянника Лота, жившего в Содоме. И тогда он позволил себе поторговаться с Богом, как и теперь делают бедуины на базаре: «Неужели Ты погубишь праведного с нечестивым? Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? Не может быть, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым! Судия всей земли поступит ли неправосудно?»

Господь ответил: «Если Я найду в Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу город». Но Авраам не унимался: «Вот, я решился говорить Владыке – я, прах и пепел: может быть, до пятидесяти праведников не достанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город?»

Так Аврааму удалось «сбить цену» до десяти. Праведник пытался защитить от Божьего гнева грешников, но в Содоме ангелы не нашли и десятка. Когда два ангела пришли в этот город, его жители увидели в них двух хорошеньких юношей, с которыми им не терпелось переспать. И только Лот пригласил их к себе в дом и защитил от толпы насильников, исполнив закон гостеприимства. После этого Господь вывел из Sodoma всю семью Лота и уничтожил этот город с его окрестностями.

Гибель Sodoma и Гоморры обычно связывают с тем, что там процветал гомосексуализм. Действительно, Библия сурово осуждает мужской гомосексуализм (почти ничего не говоря о женском), хотя у многих древних народов – например, у греков – он считался совершенно нормальным. Но главная причина не в этом. Бог или ангел приходит к человеку в образе другого человека и смотрит, как Его встретят. Авраам спешит навстречу гостям, Лот приглашает их к себе в дом, а жители Sodoma собираются их изнасиловать. В результате каждый получает свое: Авраам – долгожданного сына, Лот – безопасное место жительства, а жители Sodoma – огненный дождь.

А Авраам с Саррой стали ждать рождения долгожданного сына. Его назовут Исааком, потому что это имя на еврейском созвучно слову «смеяться». Сара иронически усмехалась, когда услышала пророчество о его рождении, и однажды она счастливо рассмеется, глядя на драгоценного малыша...

врезка:

Обрезание (отсечение у мальчиков и мужчин кусочка кожи – крайней плоти) как в древности, так и теперь широко распространено в странах Ближнего Востока. Когда израильтяне поселились в Палестине, обрезание совершали все окрестные народы, поэтому для пришедших из-за моря филистимлян самым презрительным названием у израильтян было слово «необрезанные».

Обычно обрезание мальчиков было связано с обрядами инициации, когда ребенок или подросток принимался в общество взрослых. Проходя через это испытание, мальчик подтверждал, что умеет терпеть боль. Сегодня это может показаться нам излишним, но, например, обязательная служба в армии тоже сродни инициации, только длится намного дольше.

В Ветхом Завете обрезанию придается особый смысл: оно служит знаком договора между Богом и избранным народом. Есть ли тут символический смысл? По-видимому, да. Человек, вступающий в завет с Богом, признает, что готов «работать над собой», даже если это будет болезненно, то же самое он готов делать по отношению к своим детям. Так сотворенный Богом человек начинает соучаствовать в творении, совершенствуя самого себя в соответствии с заповедью Бога.

Иудеи и по сей день совершают обрезание на восьмой день, поскольку Исаак, к которому они возводят свое происхождение, был обрезан сразу после рождения. Но Измаил, старший сын Авраама, был обрезан в подростковом возрасте – у мусульман, которые считают себя потомками Измаила, мальчиков обрезают намного позже. Первые христиане горячо спорили о том, надо ли им совершать обрезание (ведь многие из них принадлежали к народам, где обрезание не практиковалось). В конце концов, победила точка зрения апостола Павла: ветхозаветные обряды символически указывали на то, что полностью сбылось во Христе, поэтому христианам не имеет смысла следовать ритуальным предписаниям ветхозаветного закона. Если ты стараешься жить по воле Божьей, то обрезание тебе уже не нужно, а если нет – оно тебе ничем не поможет.

4. Исаак: продолжение странствий

«Бог, видящий меня»

После многих лет ожидания и долгих странствий у Авраама и Сарры родился сын! Тогда они решились отправить восвояси наложницу Агарь, у которой тоже был сын от Авраама. С нашей точки зрения это было не слишком-то благородно, но для Авраама и Сарры было исключительно важно, чтобы «сыном обетования», наследником Божьих обещаний, стал их собственный сын. У Измаила была собственная судьба. Господь еще до его рождения определил ее так: «он будет между людьми, как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него; жить будет он пред лицом всех братьев своих». Считается, что Измаил стал предком арабов (потому всех мусульман не так давно называли «измаильтянами»). Каждый может сам судить, насколько подходит это пророчество к судьбе потомков Измаила.

Это пророчество было произнесено еще до рождения обоих мальчиков, когда Агарь, забеременев, сама захотела уйти от супругов, но ее остановил ангел, возвестив будущую судьбу ребенка и его многочисленного потомства. Агарь была тогда совершенно поражена: в отличие от Авраама и Сарры, она не сделала ничего особенного для Бога, не слышала никакого призыва и не могла ни на что рассчитывать. Ведь в те времена язычники были уверены, что с богами общались только верховные жрецы, великие цари или герои, прочие же люди ничего не значили для небожителей... Но с этим Богом всё было иначе. Агарь дала ему такое имя: «Бог, видящий меня». Сегодня это кажется нам самым естественным, что Бог видит всех и каждого, но для Агари это было целое открытие. Да кто она такая, чтобы ее замечать?

И вот теперь Агарь с мальчиком Измаилом ушла прочь и заблудилась в пустыне. Она уже готовилась к страшной смерти от жажды, когда она вдруг услышала голос с небес: теперь Бог указал ей колодец. Агарь вновь убедилась в справедливости имени, которым она некогда назвала Господа: он не просто видел ее, но и заботился о ней. Авраам обошелся с бывлой наложницей и собственным сыном неласково (идеальным человеком он вовсе не был), но Бог не оставил их: Его любовь совершенна и не зависит от перемены настроения.

Отец и сын у жертвенника

Итак, с родителями остается один Исаак, он рос и радовал их. Но однажды доверие Авраама должно было подвергнуться еще одному, самому страшному испытанию... Бог обратился к Аврааму с такими словами: «возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе».

На сей раз, Авраам ничего не отвечал Господу, и мы можем лишь догадываться о его чувствах и мыслях. Библия описывает лишь его поступки: «Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколот дров для всесожжения, и, встав, пошел на место, о котором сказал ему Бог». Три долгих дня продолжалось это путешествие. Наконец, они подошли к горе, взойти на которую должны были только Авраам с Исааком, а вот кто спустится назад... Своим слугам Авраам сказал, что они с сыном вернутся вдвоем. Хотел ли он их успокоить? Или действительно думал, что всё как-нибудь обойдется, и сын останется в живых? Автор новозаветного Послания к Евреям, например, считал, что Авраам верил: после жертвоприношения Бог воскресит Исаака.

Мальчик и сам, наверное, начинал о чем-то догадываться и спросил отца: «вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?» Авраам отвечал: «Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой». Как бы ни складывались обстоятельства, он был

уверен, что всё закончится хорошо, вопреки собственным чувствам и всем законам этого мира. Так оно и случилось. Когда мальчик уже лежал на жертвеннике, а Авраам занес над ним руку с ножом, с неба раздался голос: «Авраам! Авраам! Не поднимай руки твоей на отрока, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня».

Испытание было пройдено. Зачем оно было нужно, ведь Всеведущий Бог знал наверняка, что Авраам его выдержит? Да, Он знал – но этого еще не знал Авраам. Значит, ему был необходим и этот опыт, и эта победа.

А может быть, дело еще и в той легкости, с какой Авраам некогда отослал прочь своего старшего сына, Измаила? Однажды он переступил через отцовские чувства по собственному выбору, и теперь Бог призвал его поступить так же с другим, любимым сыном. Напоминал ли Он ему так о былой жестокости? Вспоминал ли Авраам Измаила, поднимаясь на гору с Исааком? Мы не знаем наверняка.

Невеста с кувшином

Время шло. Умерла Сарра, и Авраам похоронил ее в Палестине, в пещере Махпела, которую купил у местных жителей – этот небольшой участок земли стал единственной частью земли обетованной, которой завладел сам Авраам, а не его потомки. Спустя годы там предстояло и ему самому успокоиться, окончив земные странствия.

Тем временем, Исааку пора было подыскивать жену. Сделать это было не так просто. Местные девушки не годились – Авраам уже знал, что языческая религия с человеческими жертвоприношениями и прочие злодеяния тогдашних обитателей Палестины навлекали на них гнев Божий. Чистое не должно смешиваться с нечистым, и потому Авраам отправил на поиски невесты своего раба Елиезера. Он должен был вернуться в родные края Авраама и найти невесту там.

Когда Елиезер пришел в один из месопотамских городов, он попросил Бога указать ему, какая из местных девушек достойна стать женой молодому господину. Он загадал так: к колодцу спускаются девушки, и та из них, которая в ответ на просьбу напиться предложит напоить не только его, но и его верблюдов, та и будет невестой.

Случайный жест гостеприимства, незначительная мелочь? А вам доводилось поить караван верблюдов после длинного перехода через пустыню? Восточной красавице предстояло вылить своим кувшином в поилку для скота не один десяток литров – и всё это ради какого-то чужого раба, которого она видит впервые в жизни! Нет, в такой девушке действительно должно было быть нечто особенное.

Елиезер подарил ей два браслета и золотую серьгу в нос (да, молодежная мода не сильно изменилась с тех пор) и отправился к ее родне – свататься. Теперь у него не оставалось никаких сомнений, что именно она должна стать женой Исаака. Но сперва предстояло получить на это согласие родных, а родные, прежде всего, спросили согласия у самой девушки. Божий замысел не насилует человека и всегда оставляет ему возможность сказать «нет». Но Ревекка (так звали девушку) этой возможностью не воспользовалась.

Однажды вечером Исаак прогуливался в поле, как вдруг он увидел идущий издалека караван. Он вез ему невесту. «И ввел ее Исаак в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по Сарре, матери своей». В те времена считалось совершенно нормальным, что не любовь приводит к браку, а, напротив, брак, совершенный по воле высших сил, порождает настоящую любовь.

Близнецы-соперники

У Исаака и Ревекки родилось двое близнецов, старшему дали имя Исав, а младшему – Иаков. Старшинство играло огромную роль, даже в отношении близнецов –

ведь только первенец должен был со временем занять место отца. Шли годы, дети росли, и вот однажды косматый охотник Исав вернулся домой голодным и увидел, что его тихий брат-домосед сварил чечевичную похлебку. Естественно, он попросил накормить его. Но хитрый Иаков предложил необычную плату за миску похлебки: права первородства. Исава это не слишком-то заботило: «я смертельно голоден, что мне в этом первородстве?», – сказал он и с легкостью поклялся, что уступает его Иакову.

Впрочем, сделка сделкой, а реальные права на это первородство еще следовало получить от отца – Исаака. К тому времени он уже состарился, зрение его ослабло и он едва ли мог отличить одного сына от другого. Однажды он решил передать свое благословение старшему сыну, Исаву. Чтобы благословение шло от полноты сердца, он приказал ему отправиться на охоту и приготовить потом любимое кушанье из дичи. В те времена люди не стыдились признавать, что их душевное и даже духовное состояние зависит, в том числе, и от пищеварения.

И тут в ход событий вмешалась Ревекка, которая благоволила младшему сыну. Она сама приготовила кушанье из домашнего козленка, передела Иакова в одежды Исава и обернула его руки козлиной шкурой – ведь у Иакова, в отличие от Исава, не было волос на теле. Старик Исаак от души поел козлятины и охотно поверил, что перед ним – старший сын. Он благословил его такими словами: «вот, запах от сына моего, как запах от поля, которое благословил Господь; да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина. Да послужат тебе народы, и да поклонятся тебе племена; будь господином над братьями твоими, и да поклонятся тебе сыны матери твоей; проклинающие тебя – прокляты; благословляющие тебя – благословенны!»

На долю Исава уже почти ничего не оставалось. В древности люди верили, что благословение – не просто доброе пожелание, но совершенно объективная передача одним человеком другому реально существующих благ. Когда обман раскрылся, Исааку только оставалось пожелать Исаву «жить мечом своим» и добывать пропитание «от росы небесной». От Исава, согласно Библии, произошел народ, родственник евреям – эдомитяне или идумеи, которые жили в основном на территории нынешней Иордании.

Как мы видим, об Исааке Библия говорит не так уж и много. Во всех историях, которые мы рассказали здесь, Исаак играл в основном пассивную роль: Авраам вел его к жертвеннику, Елиезер добывал для него невесту, а Ревекка с Иаковым вынудили его благословить не того сына, которого он хотел. Тем не менее, и для мировой истории, и для патриархов нужны не только яркие личности, но и такие спокойные люди, которые живут своей тихой жизнью. Зато сын Исаака, Иаков, окажется куда как активен и хитер...

Врезка:

Человеческие жертвоприношения были широко распространены в древности. Чтобы получить от богов что-то особо ценное и нужное, им следовало отдать самое дорогое – а что может быть дороже человеческой жизни? Многие язычники время от времени резали на алтарях пленников или рабов, а некоторые (например, инки в Южной Америке) посылали к нему знатных и красивых юношей, которые шли на смерть добровольно, окруженные почетом.

Наконец, самая дорогая жертва – это собственные дети, особенно мальчишки-первенцы, которые должны унаследовать имя и титул отца. Религия хананеев и других народов, населявших Палестину до израильтян, считала такие поступки весьма похвальными (это к вопросу о том, за какие именно грехи Бог впоследствии обрек эти народы на полное уничтожение).

Возможно, рассказ об Аврааме и Исааке был призван объяснить, почему израильтяне категорически отказались от такой практики. Дело вовсе не в том, что они были слишком изнежены или недостаточно высоко ставили своего Бога. Нет, Авраам был готов на это пойти, но Бог Сам отверг ненужное жертвоприношение невинного ребенка. В

то же время от каждого верующего рассказ об Аврааме и Исааке призывает к готовности пожертвовать для Бога самым дорогим и не воспринимать даже единственного ребенка как свою личную собственность.

Впрочем, Библия рассказывает и об одном эпизоде, когда такая жертва была принесена израильтянином: много позже судья (т.е. правитель) Иеффай, исполняя неосторожно данный обет, принес в жертву собственную дочь (об это подробнее рассказано в 9-й главе). Увы, всегда и везде были люди, слишком рьяно бравшиеся за исполнение своих религиозных обязательств, даже если это и стоило жизни кому-то из окружающих.

5. Иаков – праведник, боровшийся с Богом

Благословенный беглец

Некогда хитрец Иаков купил первородство у своего брата Исава за миску похлебки, а потом обманом получил благословение отца. Но этому праву и этому благословию еще предстояло воплотиться в жизнь, и для этого Иакову предстояло немало потрудиться. Благословение Божие нечасто принимает форму пирогов, которые сами падают с неба в раскрытые рты.

Во всем повествовании об Иакове мы видим одну интересную особенность: почти все его действия имеют два объяснения (так ведь и сам Иаков – один из двух близнецов). С одной стороны, перед нами разыгрывается драма человеческих страстей, а с другой – мы видим, как в этой истории разворачивается Божественный замысел. Человеческие поступки и эмоции могут изменить судьбу конкретного человека, но не общее течение истории.

Но вернемся к истории Иакова. Наступили последние дни Исаака, отца двух близнецов. Их мать Ревекка, да и сам Иаков прекрасно понимают, что обманутый Исав ни за что не оставит в покое брата, который лишил его права первенства. Иакову нужно бежать! Но, с другой стороны, сам Исаак перед смертью посылает его в далекий путь, чтобы он нашел себе невесту в родной земле своего деда Авраама. Матерью для его внуков не должна стать девушка из числа местных жителей, погрязших в язычестве и пороках. Некогда и сам Исаак женился именно так, но жену для него добыл раб его отца, а вот Иакову всё придется делать самому.

Иаков отправляется в путь. В одном месте он ложится отдохнуть и во сне видит лестницу между небом и землей, по которой спускаются и поднимаются ангелы. Не символ ли это всякой религии – связи между небесным и земным мирами? Именно здесь Господь подтверждает Иакову, что именно он – наследник завета, то есть договора, заключенного Богом с Авраамом и Исааком. Ведь вся ветхозаветная религия и построена на «договорных» отношениях, которые связывают Бога и человека или целый народ.

Иаков прибывает в Месопотамию, откуда была родом его мать Ревекка. Некогда раб Авраама встретил ее у колодца, примерно так же находит свою будущую жену и Иаков: прекрасная Рахиль пригоняет на водопой свое стадо. Но на сей раз сватовство оказывается далеко не таким простым, как было с Ревеккой. Лавану, отцу Рахили, совершенно не хочется отдавать дочку даром какому-то нищему беглецу, и он откладывает свадьбу на целых семь лет, в течение которых Иаков должен пасти его стада, «отрабатывая» выкуп за невесту. Что же Иаков – идет прочь искать невесту подешевле? Или с проклятиями несет свою службу, тяготясь каждым ее днем? Библия говорит об этом так: «И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее».

Две жены и пестрый скот

Наконец, настал день свадьбы. Лицо стыдливой невесты, как и требует обычай, скрыто покрывалом, да и нежный голос ее на празднестве не слышен, а в шатре у новобрачных темно... Следующим утром изумленный Иаков обнаруживает рядом с собой вовсе не Рахиль, а ее старшую сестру Лию! «В нашем месте так не делают, чтобы младшую выдать прежде старшей, – объясняет ему хитрый тесть, – но дадим тебе и ту за службу, которую ты будешь служить у меня еще семь лет». Хитрец Иаков, занявший место брата под благословляющей рукой слепого отца, и сам стал жертвой подобного обмана, когда в темноте принял одну сестру за другую. Интересно, вспомнил ли он тогда об отце и брате?

Прошли и другие семь лет, но теперь Иаков дважды женат, теперь вырос его «дом», как называется в Библии патриархальное семейство. Любит он по-прежнему Рахиль, но зато Лие Господь даровал плодородие. В этом мире равенства не бывает, но тот, кто беден в одном отношении, нередко богат в другом. Сестры устраивают настоящее соревнование, кто родит больше, и, чтобы победить, каждая сестра приводит к мужу еще и свою служанку. В те времена для мужчины было обычным иметь помимо жен еще и наложниц (их дети считались детьми той жены, которой принадлежала служанка) – так поступил и дед Иакова Авраам. Но Иакову мало двух рождающих жен, у него и наложниц оказывается две.

С Лаваном Иаков через некоторое время заключает новое соглашение, ведь 14 лет службы за жен прошли, и нужно назначить новую плату. Естественной наградой пастуху была бы часть приплода скота, но как отличить в стаде животных хозяина от животных работника? Они сговариваются так: пестрые и крапчатые животные отныне станут собственностью Иакова, а одноцветные будут принадлежать Лавану.

В результате самый лучший скот рождается именно крапчатым. И вновь мы видим двойное объяснение: Иакова благословил Господь, а с другой стороны, он и сам применял какие-то особые приемы селекции. Библия описывает это очень наивно: когда спаривался хороший скот, Иаков клал перед его глазами пестрые прутья, и приплод тоже получался пестрым. О настоящей генетике люди тогда еще ничего не знали.

Становится ясно: с Лаваном им теперь будет трудно поладить. И вновь Иаков решает бежать от более сильного родственника, а с другой стороны – он слышит призыв Господа возвращаться в родную землю. Рахиль, любимая жена, захватывает с собой домашних божков своего отца (он же был язычником!), и разъяренный отец бросается в погоню. Когда он настигает семейство Иакова, кажется, что расправы не миновать, но Рахиль прячет божков под просторное верблюжье седло, а сама садится сверху и заявляет, что у нее «обычное женское». Женщины в такие дни считались нечистыми, и никто не стал осматривать место, на котором она сидела. Так Рахиль с помощью обмана сберегла себе божков – трудно бывает расстаться с религией детства!

Поединок у реки

Теперь Иаков со всей своей семьей приближается к Ханаану, земле, которую Бог обещал ему и его потомкам. Он бежал оттуда с пустыми руками, теперь возвращается с женами, детьми, слугами и множеством скота – но не поспешит ли ему отомстить обиженный брат, Исав? Иаков в смятении. Восточной границей обетованной земли, Ханаана, тогда служила небольшая речка по имени Иавок. Иаков переправляет свое семейство, предусмотрительно разделив его на две части: пусть в случае нападения Исав выживет хоть одна! Люди и скот уже перебрались вброд, наступала ночь и Иаков был на берегу один...

«И боролся Некто с ним до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся бедра его и повредил состав бедра у Иакова». И тут между ними разыгрался удивительный диалог. Таинственный Незнакомец сказал: «Отпусти Меня, ибо взошла заря». «Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня» – ответил Иаков. Незнакомец спросил у Иакова его имя, а потом сказал: «Отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь».

Что означали эти слова? Неужели Иаков действительно боролся с Богом? Многие считают, что подумать так – значит низвести Бога до уровня простого человека. Праведник боролся с ангелом, говорят они, наверное – с ангелом-хранителем Исав, который не хотел впускать его в Ханаан (хотя и такая версия не слишком почтительна по отношению к ангелам). А может быть, этими словами изображена борьба двух начал в душе самого Иакова...

Наверное, мы вполне можем доверять слову Писания: Иаков действительно боролся с Богом. Так что же, Бог признал себя побежденным? Но ведь и родители, играя с

детьми, могут поддаться и уступить им победу. Странно было бы видеть отца-тяжеловеса, который всерьез борется со своим малышом как с равным... Может быть, Бог так же поддался Иакову.

Но что означает этот поединок? Действительно, с самого своего рождения и до сих пор Иаков постоянно боролся с обстоятельствами жизни, что для верующего человека означает – с Богом. Это не значит, что Бог никак не хотел дать ему место под солнцем получше, напротив, Он постоянно подтверждал, что остается на его стороне. Наверное, так и мудрый родитель напоминает ребенку, что он рядом и готов помочь, но в то же время ждет, что ребенок сам как следует потрудится для достижения желанной цели. Богоборчество Иакова – не атеизм, не отрицание Бога и борьба против Него, а форма диалога, в которой человек может сопротивляться и говорить Богу «нет», но в конечном итоге они приходят к согласию. Это напряженный диалог между двумя личностями, Богом и человеком, которые очень дороги друг другу и только поэтому могут вступать в спор. И, кажется, Богу это нравится больше, чем почтительное безразличие.

Осень патриарха

Всё изменилось в жизни Иакова после этого поединка. Он примирился с Исавом и поселился в Ханаане. Теперь у него было двенадцать сыновей, будущих родоначальников израильских «колен» (то есть племен) и одна дочь по имени Дина. С ней связана еще одна история из жизни семьи Иакова. Однажды на прогулке она попала на глаза сыну местного царька, и тот, недолго думая, изнасиловал ее, а потом отправил своего отца к Иакову, просить девушку в жены – так она ему приглянулась. Видимо, царькам того времени такой способ посватать девушку казался вполне обычным, но в семье Иакова это событие вызвало бурю возмущения – братья хотели отомстить за честь сестры. Но их было всего двенадцать, причем некоторые были еще детьми... А за молодого насильника поднимется весь его народ!

Тогда они прибегли к военной хитрости. Они вроде бы и не против такого замужества, но... местные жители необрезаны, они лишены знака избранничества, который отличает весь род Иакова. Пусть они обрежутся, и тогда союз будет заключен. Царек ничуть не смутился таким условием и отдал соответствующий приказ своим подданным. А когда все мужчины в городе лежали, приходя в себя после хирургической процедуры, двое старших братьев, Рувим и Симеон, напали на город и перебили их всех.

Иаков, который сам нередко прибегал к всевозможным уловкам, очень рассердился на них. Двоих старших братьев, Рувима и Симеона, отец даже лишил старшинства. Теперь первенцем считался Левий, вторым после него – Иуда, и это сыграет огромную роль в дальнейшей истории избранного народа: потомки Левия стали священнослужителями, а потомки Иуды – самым многочисленным и известным племенем Израиля. Но на что же так разгневался Иаков, ведь братья отомстили за честь сестры? Прежде он изо всех сил добивался своего места под солнцем, теперь он достиг прочного и твердого положения и боялся его потерять: местные жители, говорил он, могут теперь напасть и перебить всю его семью в отместку за то, что сделали братья Дины.

До сих пор обетования Божьи наследовал только один сын в семье. То было время отбора. Теперь наступало время сбережения и приумножения: все двенадцать сыновей Иакова должны были войти в союз с Богом, только мир в этой семье оказался таким хрупким... Куда легче оказалось перебить врагов, нежели победить вражду и зависть между самими братьями.

врезка:

Многоженство было и остается популярно на Ближнем Востоке; так, ислам разрешает мужчине иметь четырех жен (а на практике у богатых и знатных людей нередко к этому числу добавлялось и произвольное количество наложниц). Мужчина, который

может позволить себе содержать несколько женщин, не только получает дополнительную порцию ласк, но и доказывает всем свою состоятельность и силу.

Пожалуй, трудно найти другую древнюю книгу, кроме Бытия, где были бы так точно изображены все минусы положения многоженца. Ярче всего выглядит эпизод, когда Лия покупает у бесплодной Рахили право на ночь с Иаковом ценой мандрагоровых корней (они считались верным средством от бесплодия). И почтенный патриарх, как баран, идет к тому загону, куда его ведут...

Еще долго потомки Иакова не ограничивали себе в удовольствиях, особенно если они были царями. Многочисленный гарем был и у Давида, и у Соломона, но Библия постоянно подчеркивает, к каким грехам приводило женолюбие этих царей: Давид послал на верную смерть своего верного воина, чтобы завладеть его женой, а Соломон, пойдя навстречу своим женам-язычницам, разрешил у себя при дворе идолопоклонство. Собственно, Ветхий Завет нигде не запрещает многоженства, он просто показывает, к чему оно ведет.

Но ко временам Нового Завета иудеи уже давно расстались с многоженством. И в самом деле, если брак – союз двух уникальных личностей, каждый из которых несет в себе образ и подобие Бога (а Библия видит это так), то жена не может становиться лишь «одной в ряду многих».

6. Иосиф – проданный брат

Любимчик в нарядной одежде

История Иосифа, прежде всего, – семейная сага. У его отца Иакова только двое из двенадцати сыновей родились от любимой жены, Рахили – Иосиф и Вениамин, причем последних родов Рахиль не пережила. Таких детей отцы любят по-особому. И Иаков не скрывал своего пристрастия – он даже подарил Иосифу особенную разноцветную одежду.

Да и сам Иосиф не был слишком скромным. Однажды ему приснилось, что семья взяла в поле снопы – и снопы братьев поклонились снопу Иосифа. А в другой раз во сне ему поклонялись уже солнце, луна и одиннадцать звезд. Он не замедлил рассказать эти сны своим домашним, и те, даже отец, решили, что это уж слишком: «неужели все мы придем поклониться тебе до земли?» – не подозревая, что на самом деле, со временем так оно и произойдет...

А пока что отец отправил Иосифа проведать старших братьев, которые пасли скот далеко от дома. Но когда этот заносчивый мальчишка в своем пестром одеянии шел к ним по полю, у них созрел план: «убьем его, и скажем, что хищный зверь съел его; и посмотрим, как сбудутся его сны». Братья схватили Иосифа, бросили в пересохший водосборник и сели за трапезу – не пропадать же отцовскому угощению, которое принес им братишка. Правда, один из братьев, Рувим, надеялся со временем освободить брата, но он даже не смел заикнуться об этом вслух, ему приходилось выжидать удобного момента, чтобы тайком вытащить его наружу. Но когда вдаль показался караван купцов, братьям пришел в голову более простой и выгодный способ избавиться от брата. Действительно, к чему его убивать? Можно просто продать его в рабство в чужую страну, и никто никогда больше его не увидит. Двадцать шекелей серебра отвесили купцы за красивого юношу (много веков спустя Христос будет продан за тридцать – в древности инфляция была не такой быстрой).

Красивую одежду Иосифа братья разорвали и вымазали в крови козленка. «Опознай!» – сказали они отцу, и тот узнал ее. Казалось бы, здесь можно ставить точку – но на самом деле это только завязка сюжета.

Раб, узник, придворный

А еще это история о взаимном доверии Бога и человека. Ведь Иосиф, как и его братья, был наследником завета, заключенного Богом с их предками – Авраамом, Исааком и Иаковом. Казалось бы, это позволяло рассчитывать на особое покровительство Божье, особую заботу о Его избранниках. Почему же Бог позволил Иосифу претерпеть такие беды, а его братьям – совершить такой грех? Но не будем торопиться с ответом.

В Египте, куда попал проданный в рабство Иосиф, Господь оставался с ним и благословлял его. Но благословение вовсе не означает отсутствия проблем, порой даже наоборот. Бог провел Иосифа через множество испытаний, дал ему изведать и почет, и унижение, и любовь чужих, и ненависть своих. В итоге наивный юноша превратится в опытного и терпеливого мужа. Бог доверял ему, зная, что испытания сделают его сильнее и мудрее.

Конечно, Иосиф мог сказать Богу: «Ты отвернулся от меня, теперь я сам буду кузнецом своего счастья, я достигну всего своими силами». Но он не сделал этого, оставаясь верным Богу во всех обстоятельствах, соблюдая Его заповеди и стремясь увидеть во всем происходящем Его волю, а не игру случайных обстоятельств.

Сначала Иосиф оказался домашним слугой одного египетского вельможи. Видно, в этом юноше действительно было что-то особенное, и хозяин искренне привязался к новому рабу, а со временем даже сделал его главным управляющим. Но, на беду Иосифа, он приглянулся не только хозяину, но и его жене. Она попыталась соблазнить юношу, но

тот вырвался из ее объятий, оставив у нее в руках свою одежду. Мстя за то, что он ее отверг, она обвинила его в попытке изнасилования.

Иосифа бросили в тюрьму. Казалось, оттуда ему уже не выбраться. Но Господь не оставил его и в тюрьме. Однажды двое других заключенных увидели странные сны, значение которых Иосиф точно истолковал: вскоре один из них был казнен, второй – приближен к фараону. На радостях он и думать забыл об этом странном юноше в темнице. Но однажды два загадочных сна (опять эти парные сны!) привиделись уже самому фараону. Из реки вышли семь тучных коров, а следом за ними – семь тощих, которые сожрали первых. А потом приснился стебель, на котором выросли сперва семь тучных колосьев, а потом – семь тощих, и они тоже «сожрали» хорошие колосья. Никто не мог разгадать смысл этих сновидений.

Тогда приближенный фараона вспомнил об Иосифе. Его вытащили из тюрьмы, привели в порядок и доставили к фараону. И он дал ответ: «Бог возвестил фараону, что Он собирается сделать. Наступает семь лет великого изобилия во всей земле Египетской; после них настанут семь лет голода, и истощит голод землю. Да повелит фараон поставить над землею надзирателей и собирать в семь лет изобилия пятую часть урожая про запас на семь лет голода».

Ответ фараона был достоин царя: «Бог открыл тебе это, и нет столь разумного и мудрого, как ты; твоего слова держаться будет весь народ мой; только престолом я буду больше тебя».

Так Иосиф стал вторым человеком в Египте. Его предсказание сбылось, в семь благодатных лет были сделаны обильные запасы, а в семь лет голода Иосиф распорядился продавать зерно населению (не считая зазорным собирать в качестве платы скот и земли крестьян, а под конец обратить их в рабство).

Классическая история успеха: человек, оставаясь верным Богу, прошел через все испытания и достиг гораздо большего, чем если бы тихо-мирно сидел у себя дома. И снова здесь, казалось бы, можно ставить точку. Но как же братья? Неужели этот разрыв и надлом так и останется неисцеленным?

Неузнанный брат

Ведь эта история – о прощении и примирении. Наступил голод, во всех окрестных странах было нечего есть, и только в Египте были заготовлены запасы. И вот однажды в Египет пришли за хлебом люди из Палестины, в которых Иосиф узнал своих братьев. Разумеется, они и подумать не могли, что этот блистательный вельможа – тот самый паренек, которого они когда-то продали в рабство...

Итак, час расплаты настал. Они были полностью в его власти, теперь от него зависело – казнить их или простить, оставить голодными или спасти от гибели. Здесь каждый из нас может остановиться и подумать: а как бы я поступил на месте Иосифа? Наказал бы их или простил, открылся бы им сразу или немного поиграл бы в кошки-мышки?

Но Иосиф был уже не тем наивным юношей, который щеголял обновой и хвастался своими снами. Теперь это был могущественный и опытный восточный визирь. Не месть, но испытание было у него на уме. Да, эти люди – его родные братья. Наказывать их за былой грех Иосиф предоставил Богу. Но и простить их он не торопился: что, если они ничуть не изменились и всё так же готовы из зависти или жадности продать родного брата? Как повели бы они себя сейчас, если бы снова оказались в подобной ситуации? Именно это он и собирался выяснить.

Дело в том, что среди продавших его братьев не было младшего сына Рахили – Вениамина, тогда он был еще совсем маленьким. Не пошел он с братьями и на этот раз, видимо, остался дома, с отцом. Наверное, теперь он был любимчиком. История повторяется?

Для начала Иосиф объявил братьям, что подозревает в них шпионов. Если они честные люди, пусть подробно расскажут о своей семье. И они рассказали: и про отца, и про Вениамина, и про исчезнувшего Иосифа...

«Я испытая вас, – сказал им по-египетски Иосиф. – Один из вас останется здесь, а вы пойдите и приведите ко мне младшего брата. Если вы говорите правду, я отпущу всех». «Это наказание за то, что мы сделали с Иосифом!» – стали говорить друг другу по-еврейски братья. Они же не подозревали, что этот вельможа сам говорит на их языке!

Иосифу пришлось выйти из комнаты, чтобы унять нахлынувшие слезы. По крайней мере они помнят, они признают свой грех... Но как же они поступят в следующий раз? Предадут ли брата? Он снова вошел в зал и приказал взять под стражу одного из братьев – Симеона.

Измученные братья вернулись домой и всё рассказали отцу. Нет, ни за что не хотел он отпускать своего любимца Вениамина в Египет: Иосиф погиб, Симеон в плену, а если еще с Вениамином что-нибудь случится... Но голод становился всё сильнее, и у семьи просто не оставалось другого выхода, кроме как покупать зерно в Египте. Братья снова отправились в путь, захватив с собой Вениамина и богатые дары для странного египтянина. Им оставалось только положиться на его милость, довериться его слову.

Но сам он не торопился раскрыть свой секрет, продолжая испытывать братьев. Он усадил их за стол, отдельно от себя, и посылал со своего стола кушанья, причем «доля Вениамина была впятеро больше долей каждого из них». Полюбуйтесь-ка на любимчика, – словно говорил он братьям.

Но и этого было мало. Он отпустил всех домой, а сам велел подложить в мешок Вениамина свою серебряную чашу. Обнаружив «кражу», братьев догнали, обыскали, чашу нашли... Приговор Иосифа был суров: «тот, в чьих руках нашлась чаша, будет мне рабом, а вы пойдите с миром к отцу вашему».

Остановимся и здесь на минутку и представим себя на месте братьев. Легче всего было бы согласиться со «справедливым» приговором. Вениамин остался бы жить с Иосифом в Египте, наверняка старший брат рассказал бы ему всё и позаботился бы о нем. Остальные мирно вернулись бы домой. Никто бы не пострадал... кроме безутешного отца и семейного мира. Словом, Иосиф дал братьям выбор: уйти восвояси, предав брата, или решить ту же задачу по-новому. И тогда слово взял Иуда: «Пусть я останусь твоим рабом, а отрок пусть идет с братьями своими. Как пойду я к отцу, когда отрока не будет со мною?»

Они не бросили нового любимчика, взяли на себя ответственность за его судьбу.

«Но теперь не печальтесь!»

А еще это история о Божественном Промысле. Теперь, когда братья доказали на деле, что уже не бросят брата в беде, Иосифу незачем было испытывать их дальше. Отослав прочь всех египтян, он зарыдал и сказал ошеломленным братьям слова, которые, наверно, мало кто мог бы сказать обидчикам: «Я Иосиф, брат ваш, которого вы продали в Египет. Но теперь не печальтесь и не жалейте о том, что вы продали меня сюда, потому что Бог послал меня перед вами для сохранения вашей жизни. Не вы послали меня сюда, но Бог, Который и поставил меня владыкою во всей земле Египетской».

Наверное, он мог бы прочитать своим братьям целую лекцию о том, что такое хорошо и что такое плохо, и им оставалось бы только сокрушенно молчать или униженно просить прощения. Но он уже их простил, потому что увидел перемену в их сердце, а не пустые извинения. Вместо нравучений он сообщил им нечто гораздо более важное: Бог не забывает о нас, даже когда мы забываем о Нем, и Он может обратить к нашему благу самые неблагоприятные наши поступки.

Да, было совершено страшное предательство, но Бог устроил всё так, что теперь Иосиф сможет спасти всю свою семью от голода. Наверное, если бы братья не совершили того греха, Бог всё равно нашел бы способ устроить это спасение, наверно, путь к нему

был бы намного короче и безболезненней. Но мир в любом случае лежит у Него на ладони и даже наше зло Он может переплавить во благо, если только мы доверимся Ему.

Так оно и вышло: Иаков со всем своим семейством переселился в Египет и обнял Иосифа, которого уже не чаял увидеть. Мир в семье был восстановлен. Но, конечно, жить в Египте их потомкам предстояло не вечно...

врезка:

Сразу после эпизода продажи Иосифа книга Бытия рассказывает, казалось бы, совершенно постороннюю **историю Иуды и Фамари**, некоторые ученые даже считали ее позднейшей вставкой. В самом деле, она как будто не имеет отношения к истории Иосифа и повествует о жизни одного из братьев, Иуды, и его семьи. Иуда живет как ни в чем ни бывало, у него растут три сына. Старший женился на девушке по имени Фамарь, что значит «финиковая пальма», но вскоре он умер. По обычаю того времени вдову бездетного старшего брата брал в жены младший, и рожденный в этом браке сын считался потомком умершего брата (такой брак называли *левиратным*). Вскоре после свадьбы с Фамарью умер и второй сын Иуды. Заподозрив неладное, отец отказался давать в мужья невестке последнего сына.

Тогда Фамарь решила на странную уловку. Однажды она нарядилась блудницей и подкараулила Иуду на дороге. Поскольку тогда блудницы закрывали лица покрывалами, Иуда не узнал ее и охотно воспользовался ее услугами. В качестве гонорара он обещал прислать ей козленка, а пока, как залог, оставил ей свою печать на шнурке и посох (тогдашние аналоги паспорта и банковской карточки).

Иуда, действительно, вскоре попытался ей передать козленка с одним своим приятелем, но тот, разумеется, никакой блудницы не нашел. А Иуде тем временем донесли о беременности его невестки Фамари. Его суд был скор: «сожгите ее!» Тогда Фамарь предъявила Иуде его собственные вещи, и он... признал ее правоту! Невзирая на сопротивление Иуды, именно Фамарь сделала всё, что могла, чтобы его род продолжился, чтобы его наследие не погибло.

Как же связана эта история с историей Иосифа? Один из ранних иудейских комментаторов объясняет это так: «Святой, будь Он благословен, сказал Иуде: ты обманул своего отца при помощи козленка. Фамарь обманет при помощи козленка тебя самого... Ты сказал своему отцу: “опознай!” Фамарь скажет: “опознай!” тебе самому». Всё на самом деле тесно взаимосвязано.

Это – история о наказании, ведь оно не обязательно приходит в виде огненной молнии. Очень часто человек просто попадает в такую же жизненную ситуацию, в которую поставил других. Ведь Иуда не просто пережил унижение, не просто был обманут – он еще и потерял двоих сыновей, как и его отец, Иаков, потерял из-за Иуды своего сына Иосифа.

7. Моисей – посредник меж Богом и народом

Корзинка, дворец и пустыня

Итак, в конце жизни Иакова всё его семейство спаслось от голода в Египте. Но нередко решение одной проблемы приводит к другой – так случилось и с потомками Иакова, евреями. Через некоторое время они оказались в Египте на положении рабов, да и само их существование оказалось под вопросом. Очередной фараон велел убивать всех новорожденных мальчиков, чтобы евреев не становилось слишком много. Исполнение приказа было возложено на тех, кто помогал появлению новой жизни – на акушерок.

Они не торопились повиноваться, и тогда фараон приказал бросать новорожденных в реку. Мать одного младенца поступила по-своему: осмолила корзинку и пустила малыша по реке, а старшая сестра наблюдала, куда попадет братик. Вышло так, что его подобрала дочь фараона, и тогда сестра предложила привести кормилицу-еврейку. Надо ли говорить, что ей оказалась родная мать ребенка! Царевна назвала его Моисеем, потому что на древнееврейском это слово созвучно глаголу «вынимать» (из воды).

Люди часто спрашивают: почему Бог допускает столько зла в этом мире? На это богословы обычно отвечают: Он слишком уважает человеческую свободу, чтобы не давать человеку творить зло. Мог бы Он сделать еврейских младенцев непотопляемыми или научить их дышать под водой? Мог. Но тогда фараон приказал бы казнить их другим способом... Но Бог даже зло может обратить во благо. Не отправься Моисей в свое плавание, он так бы и оставался безвестным рабом. Но он вырос при дворце, приобрел умения и знания, которые пригодятся ему позднее, когда он освободит и возглавит свой народ, избавив многие тысячи еще не родившихся младенцев.

Моисей был воспитан во дворце, но не забыл о страданиях своего народа. Став взрослым, он пошел по пути всех революционеров и начал с террора: увидев, как один из египетских надсмотрщиков избивает раба-еврея, он просто убил его. Но уже на следующий день Моисею попался на глаза еврей, которого избивал соплеменник, и на все упреки Моисея тот ответил: «кто поставил тебя начальником и судьей над нами? Не думаешь ли убить меня, как убил египтянина?» Граница между добром и злом не совпадает с границей между народами или социальными слоями.

Тогда Моисей, опасаясь преследования за убийство, бежал в пустынный Мадиама, к востоку от Египта. Но не стал готовить за границей революцию, а зажил тихой жизнью бедуина, как жили его предки Авраам, Исаак и Иаков. Еще не раз в истории Израиля Бог призовет Свой народ к свободе устами простых пастухов и земледельцев, не обремененных грузом изысканной городской цивилизации. Вот и Моисей женился на местной девушке Сепфоре и пас скот своего тестя, мадиамского жреца Иофора – а заодно и прислушивался к его советам. Если хочешь освободить собственный народ, не зазорно поучиться мудрости и у соседей...

«Я тот, кто Я есть»

Однажды Моисей пас скот около горы Хорив (наименование Синай, видимо, относится к той же горе), и вдруг увидел, как горит, не сгорая, терновый куст. По-славянски этот куст называют «неопалимая купина», и он символизирует схождение Бога в сотворенный Им мир: Бог есть «огнь посядающий», но, приходя в этот мир, Он не сжигает, а преобразует его. Не случайно «неопалимой купиной» впоследствии называли одну из икон Богородицы, носившей во чреве Христа.

Бог отправил Моисея к фараону, потребовать освобождения для евреев – но Моисей не был речист, да и с какой стати фараон станет его слушать? Он стал отказываться. Но Бог ответил ему: «Я буду с тобой». Тогда Моисей спросил у Бога Его имя, и Он ответил: «Я Тот, Кто Я есть». Простота этой фразы смущала многих

переводчиков, и они с древних времен передавали ее как «Я Сущий» или «Я Вечный», но это не совсем точно. Единственное, что по настоящему важно – реальное присутствие Бога в жизни людей, а не слово, которым они будут Его называть.

А на помощь неречистому Моисею Бог призвал его младшего брата Аарона. Опять-таки, Бог мог дать Моисею дар произносить великолепные речи – но вместо этого отправил его на поиски брата. Справиться с заданием они могли только вдвоем!

Но фараон не собирался никого отпускать. Евреи хотят на свободу? Значит, у них слишком много свободного времени! Увеличить им производственное задание по изготовлению кирпичей, да еще и лишит необходимых ресурсов. Пусть покрутятся!

Египет – страна древней и высокой культуры, на фоне которой евреи смотрелись грубыми варварами. В огромной степени эта культура была ориентирована на потусторонние силы – потому и строились там великие пирамиды и огромные храмы. Египетские сказки рассказывают про волшебников, которые чудесами доказывали свое превосходство над волшебниками из других стран. И на этот раз Моисей и Аарон вступили в своеобразное состязание с египтянами, но, в отличие от магов, которые старались подчинить себе высшие силы, они были просто исполнителями воли Бога.

Сначала жезл Моисея превратился в змею, и это было вполне безобидное чудо. Но оно не убедило египтян, и тогда на Египет обрушились одна за другой десять казней: вода в Ниле превратилась в кровь, на людей и животных напали жабы и мошки, а посевы уничтожили град и саранча. После каждого из этих несчастий у фараона и его приближенных неизменно оставался выбор: признать свое поражение и отпустить Израиль, или продолжать поединок. С удивительным упорством они выбирали второе. Убедила их только последняя казнь – смерть всех первенцев (старших сыновей в семье). После нее они сами упрашивали израильтян уйти.

Современного читателя шокирует наказание, которое коснулось невинных детей. Но в те времена всем был хорошо знаком принцип родовой ответственности: за всё, происходящее в стране, отвечают не только ее правители, но и народ. Впрочем, и сегодня невинные дети часто страдают из-за недальновидной политики правительств или грехов родителей. Невинное страдание – это всегда тайна, и неслучайно со смертью египетских первенцев соединилось празднование первой Пасхи. Евреи закалывали ягнят, пасхальную жертву, и мазали ее кровью свои двери. Библия говорит, что ангел-губитель обходил такие двери стороной и не умерщвлял детей в этих домах. Кровь невинного ягненка отвращала смерть от человека, и много веков спустя, как раз во время празднования ветхозаветной Пасхи, на Голгофе прольется Кровь Человека, которого называли Агнцем Божиим...

Народ и его Завет

Но чтобы это состоялось, израильтяне должны были выйти из египетского рабства. Фараон всё-таки в последнюю минуту бросился в погоню со своим войском и уже прижал евреев к берегу моря. Но Господь совершил еще одно чудо, согнав воду и позволив евреям беспрепятственно перейти на ту сторону. Они перестали быть рабами египтян – но им еще только предстояло стать новым народом...

Богу принадлежит весь этот мир, ведь это Он его сотворил. Но после грехопадения человек стал жить своим умом, своими чувствами, всё более отдаляясь от Бога, подменяя Его многочисленными идолами. Когда-то идолы делались из камня или металла, сегодня – по большей части из славы, денег и удовольствий. И Бог решил избрать из всех народов земли один, чтобы на его примере показать, как развиваются отношения Бога и человека. Чтобы через этот народ разговаривать через него со всем человечеством. Чтобы однажды, став человеком, родиться от одной из дочерей этого народа...

Этот народ, Израиль, не был примечателен ни в каком отношении. Казалось, Бог мог выбрать куда более достойных кандидатов. Например, египтян с их великолепной религией, мистикой и богословием, или жителей Междуречья – шумеров и аккадцев –

которым принадлежало множество открытий в области науки и культуры. Или ассирийцев, которым предстояло создать непобедимую армию и покорить множество стран... Но все эти народы могли бы приписать свои успехи себе самим, а Израилю оставалось надеяться только на Бога.

Отношения, в которые Бог вступал с народом Израиля, называются словом «завет», но еще его можно передать как «договор». Бог не просто приказывал израильтянам, ведь они уже не были рабами, но Он предлагал им вступить в двусторонние отношения: обещал покровительство и помощь, а взамен ожидал послушания.

Собственно, Ветхий Завет потому так и называется, что в этом сборнике книг рассказывается, откуда взялись израильтяне, как они заключили с Богом Завет и как потом его соблюдали – или не соблюдали, и что из этого получалось. А подробности тех обязательств, которые взяли на себя израильтяне, содержались в Законе, который они получили на горе Синай – в том самом месте, где Господь открылся некогда Моисею.

Закон

Итак, евреи подошли к Синаю. Гора окуталась дымом и пламенем, над ней раздавались раскаты грома... Древние люди очень остро ощущали величие Бога. Пройдут века, прежде, чем они привыкнут называть Его Отцом – а пока они видели в Нем прежде всего грозного Царя. Прежде, чем говорить Богу «Ты», надо научиться видеть дистанцию между Ним и собой.

Только Моисей взошел на дымящуюся гору и «вступил во мрак, где Бог». Самым главным в его жизни было близкое общения с Богом, которое Писание называет «мраком» – оно таинственно, не доступно взорам других. И через сорок дней Бог передал ему две скрижали – каменные таблицы, на которых был записан Закон.

Сегодня Десять Заповедей кажутся нам банальными: «не убивай, не кради»... Но так было не всегда, и эти заповеди до сих пор неизвестны народам, среди которых не проповедовали последователи великих мировых религий. Там и до сих пор убийство чужака (иногда с последующим его поеданием) нередко считается делом доблести и геройства.

Бог передал Моисею две скрижали, и заповеди делятся на две группы. Первая регулирует отношения Бога и человека. В библейской картине мира человек есть образ Божий, и поэтому даже наши еженедельные выходные напоминают об отдыхе Бога после шести дней творения:

«Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.

Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и всё, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его».

Вторая группа заповедей регулирует отношения между людьми, но... разве могла бы она появиться без первой? Опыт двадцатого века показывает, что в странах, где поклонялись не Богу, а человеку или идеологии, последовательно отменяли и все заповеди «второй скрижали»... Вот они:

«Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Не желай до́ма ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».

Уже в древние времена евреи излагали суть Закона предельно кратко: «люби Бога и своего ближнего, а всё остальное – только комментарий». Действительно, одна часть Закона подробно расписывала правила богослужения, а другая – излагала правила, по которым должны были жить люди избранного народа.

Многие положения этого Закона были совершенно революционными: например, принцип равенства всех людей перед Законом или даже знаменитый принцип «око за око». На первый взгляд, он призывает калечить преступников, но на самом деле ограничивает возмездие: ты не можешь причинить преступнику большее зло, чем он причинил тебе. За выбитый глаз – только глаз можешь выбить, не более. К сожалению, и по сей день далеко не все ставят себе такие ограничения, стремясь отомстить «по полной».

За имущественные преступления (такие, как кража) Закон налагает только штраф и никогда не лишает за это человека жизни, как водилось в очень многих обществах, от вавилонского до советского...

Сорок лет в пустыне

Но пока Моисей пребывал на горе, израильтяне попросили его брата Аарона сделать им золотого тельца. Бог был далеко, Моисей тоже их покинул... Им так хотелось иметь простой и ясный символ Божества, как у прочих народов! Казалось бы, что в этом плохого? Они же не отказывались от Бога. Но они стремились «одомашнить» Его, приспособить Его к своим нуждам и представлениям – по сути, превратить в идола.

Спустившись с горы, Моисей застал праздник поклонения золотому тельцу в самом разгаре. В гневе он разбил каменные скрижали: договор был нарушен прежде, чем заключен! Господь предложил Моисею: «да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их, и произведу многочисленный народ от тебя». Но Моисей умолил Бога не уничтожать народ – ведь он Сам обещал ввести его в обетованную землю! Разве в радость ему будет жизнь, если окажется, что он вывел свой народ в пустыню на погибель?

Народ постигло суровое наказание, многие зачинщики были убиты, а Моисею предстояло новое восхождение на гору, за новыми скрижалями. Второе начало оказалось на сей раз возможным... а потом и третье, и четвертое, и пятое – люди, выросшие в рабстве, не были готовы к свободе, они постоянно роптали.

Еще по дороге к Синаю Моисей услышал слова: «О, если бы мы умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! Вывели вы нас в эту пустыню, чтобы уморить голодом». В ответ Бог даровал людям манну – таинственные зернышки, которые сам появлялись на земле каждое утро. Кроме того, на стан израильтян однажды опустилась изнемогшая во время перелета стая перепелов, и они смогли полакомиться дичью.

Но еще не раз Моисею предстояло слышать жалобы народа на лишения в пути, и ответом всегда было чудо, совершенное руками Моисея – например, он ударял своим жезлом в скалу, и из нее начинал бить поток воды для жаждущего народа. Настал даже такой момент, когда Моисей обратился к Богу с горьким упреком: «разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка?» И только о нем говорит Библия такие слова: «говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим».

От Синая путь израильтян лежал к новой земле, которую им давал Бог. Тогда эту землю называли Ханааном, сегодня – Палестиной или Землей Израиля. И попытка войти туда сразу после Синая окончилась провалом. Когда израильтяне уже стояли на ее пороге, Моисей отправил двенадцать разведчиков, но вести о жителях Палестины, которые они принесли, перепугали народ: «Для чего Господь ведет нас в землю сию, чтобы мы пали от меча? Жены наши и дети наши достанутся в добычу врагам; не лучше ли нам возвратиться в Египет?» Только один из разведчиков, Иисус Навин, призывал народ смело последовать Божьему призыву. Ему и предстояло ввести потомков этих людей в обещанную землю после смерти Моисея... А израильтянам, которые могли бы войти в Палестину уже тогда, предстояло странствовать по пустыне сорок еще лет, пока не умерли все, кто вырос рабом.

Но всё подходит к концу, окончились и годы странствий. Моисей поднялся на гору Нево, с которой он мог увидеть обещанную землю, и умер там. В каком-то смысле судьба Моисея подобна судьбе самого Ветхого Завета, который сквозь пустыню язычества довел народ Израиля до Нового Завета – и замер на его пороге.

Первые пять книг Библии, которые получили со временем имя «Моисеево Пятикнижие», заканчиваются такими словами: «Моисею было сто двадцать лет, когда он умер; но зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась... И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу, по всем знамениям и чудесам, которые послал его Господь сделать в земле Египетской над фараоном и над всеми рабами его и над всею землею его, и по руке сильной и по великим чудесам, которые Моисей совершил пред глазами всего Израиля».

А ввести народ в обещанную землю было суждено ближайшему помощнику Моисея.

Врезка:

Сегодня всё чаще говорят о необходимости равных прав для мужчин и женщин – но что мы видим в Библии? Разве не построена она на «мужском шовинизме», разве женщина в ней не подчинена мужчине? Конечно, герои Библии жили в мире, где **женщины** и помыслить не могли о юридическом равенстве полов. Но в Священной Истории они играют ничуть не меньшую роль.

Давайте посмотрим на историю самого великого мужчины во всем Ветхом Завете – Моисея. Повивальная бабка и мать сохранили ему жизнь. Египетская царица подобрала его, а благодаря заботам сестры, он смог питаться материнским молоком.

Читаем мы и одну удивительную историю, связанную с женой Моисея Сепфорой. Когда он оправился обратно в Египет вместе со всей своей семьей, он оказался на волосок от смерти. Господь внезапно решил наказать его за грубое нарушение заповеди, данной еще Аврааму: сын Моисея всё еще не был обрезан! Возможно, так Он хотел показать Моисею, что Его заповедями нельзя пренебрегать, или хотел вытеснить в его душе страх перед фараоном страхом перед Тем, кто выше фараона. Мы не знаем наверняка. В любом случае, спасла положение Сепфора. Она действовала инстинктивно, как и свойственно женщинам в минуту опасности: схватила кремневый ножи и сделала обрезание сыну (единственный раз во всей Библии это сделала женщина!).

Акушерка, мать, сестра, царица, жена не совершили, казалось бы, никаких чудес. Они просто относились к Моисею с любовью и заботой, просто по-женски, и своей любовью сохранили для человечества великого пророка. Без них не было бы никакого Моисея.

8. Иисус Навин – воин во имя Господа

Помощник Моисея

Моисей умер на пороге обетованной земли, а ввести народ в эту землю предстояло его преемнику – Иисусу, сыну Нуна (по-славянски его зовут Иисус Навин, это как имя и отчество). Его имя носит целая книга в Библии. И, наверное, если бы кто-то решил сократить Ветхий Завет, то подавляющее большинство голосов было бы подано за исключение именно этой книги. В ней слишком много крови...

Но впервые мы встречаем Иисуса еще в Пятикнижии, как ближайшего помощника Моисея. Решающим эпизодом стала вылазка в обетованную землю, когда несколько разведчиков, в том числе Иисус, отправились осмотреть землю, которую им даровал Господь. Вернувшись, они стали рассказывать всякие ужасы – им не хотелось рисковать и не хотелось сражаться за свою новую родину. Только Иисус открыл народу правду и призвал его смело идти навстречу опасности, но рожденные рабами не решились на это. И в последующих странствиях по пустыне в живых из поколения рабов остался только Иисус, который и ввел в Палестину их потомков – детей свободы.

Во время этого долгого пути им пришлось воевать с теми народами, которые отказывались дать им пройти по своей территории или даже сами напали на них – например, с племенем Амалика. В том сражении Иисус возглавлял войско, а Моисей молился на горе: «И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль, а когда опускал руки свои, одолевал Амалик; но руки Моисеевы отяжелели, и тогда взяли камень и подложили под него, и он сел на нем, Аарон же и Ор поддерживали руки его с двух сторон». Победа осталась за израильтянами.

Уже тогда Моисей получил от Господа необычное и страшное приказание: «когда Господь, Бог твой, даст тебе покой на земле, которую Он дает тебе в удел, изгладь память Амалика из поднебесной». Это означало, что со временем окрепнувшие израильтяне должны были полностью истребить амаликитян. Это повеление, кстати, так и не было выполнено, и среди современных евреев существует предание, что Адольф Гитлер был одним из дальних потомков амаликитян. Но даже если бы это и было так, разве это повод убивать целый народ? Тем более, что потом подобные повеление прозвучат и в адрес других народов, населявших Палестину к моменту прихода туда израильтян.

С этим следует разобраться.

«Войны Господа»

Итак, Библия однозначно утверждает: Бог не просто привел израильтян в обетованную землю, но велел им уничтожить тамошних жителей (обычно их называют хананеями). Во-первых, надо понимать, что в те времена резня побежденного врага была нормой, а не исключением. Израильтяне впервые отказались делать это по собственному почину, передав решение в руки своего Бога. До «подставь другую щеку» предстоял еще очень долгий путь, но так был сделан первый шаг на этом пути. Израильтяне чуть ли не первыми в мировой истории отказались вести войны ради самих себя – отныне они вели только «войны Господа», как тогда понимали их.

И всё-таки это не снимает проблемы... Допустим, отвратительный обычай расправляться с пленными и мирным населением был настолько привычен, что Господь на тот момент не счел нужным его отменять. Но почему Он призывал ему следовать? Давайте на время отвлечемся и обратимся к опыту Второй мировой войны. Мирные жители гибли тогда не только в фашистских концлагерях, но и под бомбами союзников. До сих пор идет спор, насколько оправданы были атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки: да, они привели к страшным жертвам, но если бы их не было, говорят

американские военные историки, Япония бы не капитулировала, США и СССР пришлось бы высаживать десант на Японские острова, и жертв было бы еще больше.

Впрочем, и обычные бомбы, сброшенные на военный завод, вокзал или склад – разве не убивали они мирных жителей? Даже снайперская пуля в окопах Сталинграда обрывала жизнь человека, который лично, может, и не был повинен в злодеяниях нацистов и у которого остались дома жена и дети. Но мы готовы оправдать эти жертвы, потому что понимаем: нацистская военная машина должна была быть сломана любой ценой. Жалость к одному конкретному немцу означала бы гибель и рабство для тысяч людей.

В войне с коренными народами Палестины израильтяне, конечно, не применяли оружия массового поражения. Но ведь и сражались они не столько с армией, сколько с целой цивилизацией, которая должна была быть уничтожена, как Третий Рейх. И здесь военная победа легко могла привести к религиозному и культурному поражению, как не раз случалось в истории: победители постепенно и как-то незаметно для себя перенимали культуру, традиции, обряды, даже язык побежденных...

Так что же это были за обряды? И Библия, и археологические находки, и древние историки свидетельствуют, что традиции хананеев включали принесение в жертву собственных детей, не говоря уже о сексуальных оргиях, связанных с культами плодородия. Древние римляне вовсе не были сентиментальным народом, но детские жертвоприношения карфагенян (народа, близко родственного хананеям) вызывали у них омерзение; и именно они стали одним из главных аргументов, почему «Карфаген должен быть разрушен». Не просто завоеван и подчинен, как прочие города, а разрушен, навсегда уничтожен – и когда город был взят, с ним так и поступили. Даже территорию его распахали плугом, чтобы показать: такого города больше не должно быть на свете.

Точно так же относились древние израильтяне к местному населению Палестины. Еще Аврааму было сказано, что его потомки овладеют этой землей, но не сразу, поскольку «мера беззаконий Амореетов доселе еще не наполнилась» (Быт 15:16). То есть Бог ждал перемен к лучшему долгие столетия, Он назначил некую невидимую черту, «меру беззакония», за которой всю эту цивилизацию ждало уничтожение. И вряд ли это можно назвать слишком жестоким: дурная бесконечность греха была бы намного хуже.

По отношению к хананеям израильтяне в данном случае выступили как «бич Божий» – позднее, другие народы (ассирийцы, вавилоняне) сыграют ту же роль по отношению к самому Израилю. Но дело не только в наказании: Израиль должен был оградить себя от всех мерзостей местной религии. Кочевые скотоводы-израильтяне просто растворились бы в изысканной городской цивилизации Палестины, намного превосходившей их по своему культурному уровню. В результате учение о Едином Боге было бы утрачено человечеством. Словом, если бы эти народы не были истреблены, то еще долгие века, возможно, и по сей день, люди приносили бы в жертву идолам своих детей и считали бы это высшей формой религиозности.

Иерихонские стены

Первым местом сражения стал город Иерихон. Город окружали мощные стены, израильтяне не могли ни взобраться на них, ни пробить брешь – они ведь только что вышли из пустыни, у них не было ни осадных машин, ни инженерных подразделений. Тогда народ семь раз обошел город с молитвой, а когда в конце протрубили священные трубы, городские стены пали. Так первобытное племя получило супер-оружие, имя которого – Божья помощь.

Но со стенами этого города связана еще одна интересная история. Местная блудница Раав жила у самой городской стены, и накануне падения города она укрыла от преследования двух израильских лазутчиков, а потом спустила их наружу и обманула преследователей. Взамен разведчики обещали ей, что после завоевания города не пострадает ни она, ни ее родные, кто укроется в ее доме. Раав была принята в израильский

народ и даже стала праmaterью царя Давида – а значит, и Христа. Бог отвергает не национальность и не личность – Он отвергает определенный образ поведения. Даже хананейская блудница смогла стать праmaterью величайшего царя, перейдя на сторону Богу. В этом главное отличие «войн Господа» от геноцида XX века.

И еще один маленький эпизод... Накануне сражения Иисус увидел перед собой фигуру с мечом в руке. Он спросил: «Наш ли ты, или из неприятелей наших?» Ответ прозвучал так: «Нет, я вождь воинства Господня». Видимо, так Господь всё же установил четкую дистанцию между Своим небесным воинством и тем, которое носило Его имя на земле. Эта война всё же была слишком земной.

Херем, он же анафема

Всё, что только было живого в Иерихоне, кроме родных Раав, было уничтожено, даже скот. Военная добыча была либо передана в храмовую сокровищницу, либо тоже уничтожена. Только один человек по имени Ахан польстился на часть иерихонской добычи (красивую одежду, золото и серебро) и приберег их для себя. И в следующем бою, при городе Гай, израильтяне потерпели жестокое поражение, а Господь объявил им: «заклятое среди тебя, Израиль; посему ты не можешь устоять пред врагами твоими, доколе не отдалишь от себя заклятого».

Итак, когда израильтяне истребляли хананейские города, речь шла не просто о проявлении «молодецкой удали» и даже не только о наказании, а о чем-то гораздо более важном и серьезном. Слово «заклятое» на древнееврейском языке звучало как *херем* (его арабский эквивалент вошел в русский язык как *гарем*, то есть нечто запретное для всех, кроме одного человека). А в древнегреческом переводе появилось такое знакомое нам сегодня слово *анафема*... Что же это такое?

Это слово означает нечто целиком, полностью и навсегда отданное Богу в качестве жертвы. Пожертвованное изымается из повседневного обихода, человек больше не имеет права этим пользоваться. Это мог быть участок земли или животное, или некий предмет, который отныне оставался при храме. Но в данном случае речь шла о целых городах. Израильтянам было сказано: вам не принадлежит ничего из завоеванного, всё это отдается Господу. Ни одна живая душа, ни один предмет из этих городов не могли остаться у израильтян, как при чуме или радиоактивном заражении. В те суровые времена это означало одно – тотальное истребление.

Конечно, в наши дни, когда кого-то предают церковной анафеме, его, не убивают, но говорят примерно то же самое: этот человек не имеет к нам никакого отношения, пусть Господь поступает с ним, как сочтет нужным (примерно так использовал это слово и апостол Павел в Новом Завете).

То было бескомпромиссное время, Израиль учился всецело доверять своему Богу и в точности исполнять его повеления. Ахан был казнен, и в следующем бою израильтяне, использовав притворное отступление и удар из засады, захватили город Гай.

«Стой, солнце!»

Жители еще одного местного города, Гаваона, были всерьез напуганы таким развитием событий. Они отправили к израильтянам послов, которые взяли с собой заплесневелый хлеб и притворились, что проделали долгий путь из дальней страны. Ведь израильтяне воевали только с местными жителями, пришельцы издалека вполне могли стать им союзниками! Израильтяне поверили и заключили с ними союз, и даже когда обман раскрылся, они соблюдали договор неукоснительно. Когда остальные города пошли войной на Гаваон, Иисус вывел свою армию на его защиту. Сражение принесло ему победу, и тогда... «Иисус воззвал к Господу в тот день, и сказал пред Израильтянами: стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим».

Что это было? Неужели действительно остановилось время? А может быть, некоторое оптическое явление продлило световой день? Или это просто поэтический образ: день не успел закончиться, как была достигнута полная победа? Трудно судить однозначно. Во всяком случае, в Библии больше нет полководцев, которые бы командовали «стой!» солнцу и луне – и достигали успеха.

Потом к Иисусу привели пятерых пленных царей. «Иисус призвал всех Израильтян и сказал вождям: подойдите, наступите ногами вашими на шеи царей сих. Они подошли и наступили. Иисус сказал им: не бойтесь и не ужасайтесь, будьте тверды и мужественны; ибо так поступит Господь со всеми врагами вашими, с которыми будете воевать». Во дни Иисуса, действительно, израильтяне были победоносны, они завоевали обетованную землю (сегодня ее принято называть Палестиной или Землей Израиля), разделили ее меж собой и стали жить в ней. Тридцать один местный царек был побежден в «войнах Господних».

В книге Иисуса Навина мы много раз встретим фразу «будь тверд и мужествен». Есть времена, когда верующему нужно быть не богословом, а воином.

Два Иисуса

Случайно ли оказалось так, что из всех героев Ветхого Завета только один носит то же имя, что и главный герой Завета Нового – Иисус? Наверное, нет. Один Иисус был грозным воителем, истреблявшим города и племена. О втором говорили словами пророка: «трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит». Имя Иисус означает «Господь спасает», и это не просто две личности, но и два представления о том, как Господь спасает свой народ: через кровавые войны или через принесение Себя в жертву.

Между ними – более тысячи лет израильской истории, основная эпоха Ветхого Завета. И, глядя на двух этих людей, мы начинаем лучше понимать, какую роль сыграл этот сборник книг в истории человечества. В его начале – кровь и войны, в его конце – принятие и прощение, а между ними – долгие века человеческой истории.

Врезка:

Придерживались ли полководцы древности Женевской конвенции? Стремилась ли быть гуманными? Вовсе нет. Вот, например, как описывал свое славные подвиги ассирийский царь Ашшурназирпал II: «Множеством моих войск город я осадил и покорил, шестьсот бойцов сразил оружием, три тысячи пленнх сжег в огне, не оставив ни одного из них в заложники. Их тела я сложил башнями, их юношей и девушек сжег на кострах. Их начальника поселения я ободрал, кожей его одел стену города. Другое поселение в окрестностях я покорил, пятьдесят их воинов сразил оружием, двести пленнх сжег в огне...» И так сколько хватило сил.

Может, он был маньяком? Отнюдь нет. Такое отношение к побежденному было в древности скорее нормой, чем исключением. Рельефы и рисунки древних народов показывают нам царей, которые заносят орудие убийства над поверженными врагами: связанными, безоружными, обнаженными. В таком убийстве цари видели проявление своего величия и могущества.

Глядя на эти изображения, читая эти хроники, начинаешь понимать, как много принесла в мир Библия – книга, которая в человеке увидела образ и подобие Бога. Икону, говоря современным языком. Мир, в котором на протяжении веков звучала библейская проповедь, неузнаваемо изменился. И если Гитлер и Сталин творили зверства, сравнимые по жестокости с ассирийскими, они никогда не подумали бы этим хвастаться.

Более того, сегодня мы видим, что современные случаи массового убийства мирных жителей (Освенцим, ГУЛаг, Хиросима) становятся «болевым точкой» лишь в тех странах, которые выросли на библейской традиции. Мало кто в Турции вспоминает про геноцид армян в 1915 году, или в Японии – про зверские убийства китайцев в 1930-е и 40-

е годы. Видимо, не потому, что турки или японцы черствее немцев или русских, а потому, что их традиционная культура не основана на заповеди «не убий», на видении человека как образа Бога.

А Иисуса Навина мы не должны оценивать по современным стандартам – мы можем понять его только в контексте его собственной эпохи.

9. Судьи: череда харизматических вождей

История повторяется

В обетованную землю израильтяне вошли под руководством Иисуса Навина – они действовали как единая армия под началом одного полководца. Но потом они расселились по разным областям, связи между племенами ослабли, а единого государства еще не было. «В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым» – так описывает этот период Библия, и на идишлию он походил мало.

Но всё-таки без руководства израильтяне не остались. Их возглавили люди, которые называются в тексте словом *шофетим*. Традиционно его переводят как «судьи», но точнее всего было бы сказать «правители», ведь правосудие было важной, но далеко не единственной их обязанностью.

Эти правители были не избранными президентами и не наследственными царями, а харизматическими вождями. Сегодня так принято называть политиков, которые умеют произвести впечатление на свой народ, но изначально греческое слово *харизма* означает «дарование». Этим людям было даровано спасать в час бедствия израильский народ.

Иногда говорят: история учит только тому, что она ничему не учит. С древним Израилем нередко бывало именно так. Книга Судей описывает это следующим образом: «Когда умер Иисус Навин, сыны Израилевы оставили Господа Бога отцов своих и обратились к другим богам и стали поклоняться им. И воспылал гнев Господень на Израиля, и предал их в руки врагов, окружавших их, и не могли уже устоять пред врагами своими. И воздвигал Господь судей, которые спасали их от рук грабителей. Сам Господь был с судьей и спасал их от врагов их во все дни судьи: ибо жалел их Господь, слыша стон их. Но как скоро умирал судья, они опять делали хуже отцов своих, уклоняясь к другим богам».

Первым судьей, о котором подробно рассказывает Библия, был Аод. По сути дела, это был террорист-одиночка. Тогда израильтяне жили под гнетом соседей-моавитян, и вот он пришел к моавскому царю, спрятав под одеждой короткий кинжал. Притворившись, что хочет сообщить правителю некое слово Божие, он добился аудиенции наедине, и, неожиданно выхватив левой рукой кинжал, убил царя, а потом выскользнул из дворца. Его «слово» оказалось смертоносным.

Выступить в роли судьи могла и женщина. Книга повествует о пророчице Деворе, которая подняла народ на борьбу против еще одного врага, хананеев. А другая женщина, Иаиль, убила в собственном шатре их военачальника, когда он спасался бегством от израильтян. Но это, конечно, были скорее исключения.

Гедеон: победа слабого

Вообще судьей мог оказаться самый, казалось бы, неподходящий для этого человек. Однажды молодой парень по имени Гедеон обмолачивал собранное зерно. Он даже не решался сделать это в обычном месте, у всех на виду, и спрятался в давяльне для винограда – так у него было больше шансов остаться незамеченным при очередном набеге врагов (в те времена на израильтян то и дело нападали другие соседи, мадианитяне). Но встретил он не мадианитян, а ангела, который назвал его могучим воином и сказал: «Господь с тобою!»

Но если Господь с нами, справедливо возразил Гедеон, почему же мы страдаем под натиском врагов? Ангел не стал ничего объяснять, просто ответил: «спаси Израиль от руки мадианитян; я посылаю тебя». Как мог поверить в такое молоденький паренек, ничем не выделявшийся из множества других? Но ангел убедил его с помощью самого понятного аргумента – чуда. Огонь, сошедший с неба, сжег мясо и хлеб, которыми Гедеон надумал угостить странного гостя, и так обычный обед превратился в жертвоприношение.

Гедеон поверил. Но начал он свой поход не с военных сборов, а с очищения собственного народа: он разрушил жертвенник языческому божеству Ваалу. Народ был ошеломлен и потребовал покарать юношу. Но его отец ответил: «если Ваал бог, то пусть сам вступится за разрушенный жертвенник». Людям нужен не идол, который нуждается в их защите, а подлинный Бог, Который силен их защитить.

И всё-таки Гедеон медлил. Одно дело – разрушить жертвенник, с этим справится любой, и совсем другое – победить в битве. И тогда Гедеон попросил еще об одном чуде как доказательстве, и оно было ему дано. Он разложил на траве шерсть и попросил Бога: пусть в одно утро роса будет только на шерсти, а в следующее – только на траве. Так и вышло, и он понял, что это правда – и стал собирать армию. Чтобы убедить Гедеона выступить в поход, понадобилось не менее трех чудесных событий!

Но Господь предупредил его: «Народа с тобою слишком много, не могу Я предать мадианитян в руки их, чтобы не возгордился Израиль». Тех, кто был боязлив и не хотел идти на войну, надо было отпустить домой. Но и оставшихся было всё же слишком много. Господь велел Гедеону вести свое войско к реке и там посмотреть, кто как будет пить: для битвы годились лишь те, кто лакал воду по-собачьи. Их оказалось всего триста человек, но этого было достаточно.

Всё войско разбилось на три отряда и ночью подошло к лагерю врагов с трех сторон. Каждый человек держал в одной руке трубу, а в другой – горящий светильник, спрятанный в горшке. По сигналу все разбили горшки и затрубили в трубы, и мадианитяне решили, что на них внезапно напало огромное войско, причем во главе каждого отряда стоит трубач с факелом, и в панике бежали. А на самом деле, всё войско и состояло из таких трубачей!

Авимелех и Иеффай: когда правитель неправ

Так Гедеон избавил израильский народ от врагов. Но когда после его смерти его сын Авимелех захотел стать царем на основании заслуг своего отца, он действовал по-иному. Он перебил всех братьев (а поскольку в те времена правители предпочитали иметь гарем, братьев было довольно много). И тогда о нем стали рассказывать притчу: «Пошли некогда дерева помазать над собою царя и сказали маслине: царствуй над нами. Маслина ответила: оставлю ли я масло, которым чествуют богов и людей? И сказали дерева смоковнице: иди ты, царствуй над нами. Смоковница ответила: оставлю ли я сладкий плод мой? И сказали дерева виноградной лозе: иди ты, царствуй над нами. Виноградная лоза ответила: оставлю ли я сок мой, который веселит богов и человеков? Наконец, сказали все дерева терновнику: иди ты, царствуй над нами. Терновник ответил: если вы поистине поставляете меня царем над собою, то идите, покойтесь под тенью моею; если же нет, то выйдет огонь из терновника и пожжет кедры Ливанские». В самом деле, огромные лесные пожары нередко начинались с неказистого тернового куста...

Получить власть по наследству тогда было еще не достаточно, право на нее требовалось подтвердить собственными делами. Династия Гедеона не утвердилась: его сын Авимелех был убит в междоусобной войне.

Еще один судья, Иеффай, принес Господу опрометчивый обет: принести Ему в жертву первое живое существо, которое выйдет из ворот его дома. Он рассчитывал, конечно, на бычка или овцу. Но первой навстречу выбежала радостная дочь – поздравить с победой! В отличие от истории с Авраамом и Исааком, Господь Сам не требовал от него приносить такую жертву. Но Иеффай всё же принес ее, с полного согласия самой дочери. Это были простые и, по нашим меркам, очень жестокие времена, но люди, не колеблясь, жертвовали самым дорогим и исполняли обещанное. Научиться милостивой непоследовательности им еще только предстояло...

Самсон: слабость силача

Самым известным судьей Израиля стал, конечно, силач Самсон. С самого его рождения родители посвятили его Богу. Такой обет, подобный современному монашеству, назывался обетом *назорейства*: давший его человек придерживался определенных ограничений, например, он не должен был стричь волос и пить вина. Но ничто не препятствовало ему встречаться с женщинами, и у Самсона это явно было слабое место.

С юных лет он отличался небывалой силой, и однажды даже убил льва голыми руками. В те времена главным врагом израильтян были филистимляне – народ, который пришел в Ханаан из-за моря, и название «Палестина» было впоследствии дано этой стране именно из-за них. Самсон выходил в одиночные партизанские рейды против филистимлян, но не забывал и о любовных похождениях. Так, однажды он посетил женщину в городе Газа (том самом, по имени которого назван сегодня целый «сектор»). Филистимляне устроили на него засаду, заперев на ночь городские ворота. Но Самсон выломал ворота и унес их далеко от города, в насмешку над ними.

Но следующая любовь оказалась для него роковой. Это была филистимлянка по имени Далида (другой вариант имени – Далила), которая в нежные минуты свиданий всячески пыталась разведать у Самсона секрет его силы. Два раза он говорил ей неправду, но на третий раз всё же сказал: «если остричь меня, то отступит от меня сила моя». Постригшись, он бы нарушил данный Богу обет.

Далида остригла его, когда он спал, и тогда филистимляне легко взяли его в плен. Они ослепили героя и отправили его вращать мельничное колесо в Газе. Но волосы его постепенно отрастали... Однажды филистимляне устроили празднество в честь своего бога Дагона. Они решили привести на пир Самсона, чтобы порадоваться своему триумфу. Библия описывает это так: «сказал Самсон отроку, который водил его за руку: подведи меня, чтобы ощупать мне столбы, на которых утвержен дом. Дом же был полон мужчин и женщин. И воззвал Самсон к Господу и сказал: Господи Боже! вспомни меня и укрепи меня только теперь, о Боже! И сдвинул Самсон с места два средних столба, на которых утвержен был дом. И сказал Самсон: умри, душа моя, с Филистимлянами! И уперся всею силою, и обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем. И умертвил Самсон при смерти своей, более, нежели в жизни своей».

Харизматические вожди могут быть замечательными правителями и великими героями, только вот стабильности при них трудно бывает дожидаться. И поэтому через некоторое время народ потребует себе царя, он захочет жить так же, как и прочие народы.

Врезка:

К эпохе судей относится действие еще одной книги Библии – **Руфи**. Это история молодой женщины из Моава, с которым так долго и упорно воевал Израиль. Руфь вышла замуж за израильтянина, временно переселившегося в Моав, но после его смерти вместе со свекровью отправилась в его родной город, Вифлеем. Согласно обычаям того времени, ей скорее следовало бы вернуться в родную семью и заново выйти замуж, но для нее однажды данный обет верности для нее сохранял свою силу и после смерти супруга. Однажды став женой израильтянина, она навсегда сама стала израильтянкой.

Двум одиноким женщинам трудно было прожить в те времена, когда не было ни пенсий, ни органов социальной опеки. Но в родовом обществе существовали свои механизмы: о неимущих должен был позаботиться ближайший родственник. Бездетную молодую вдову он даже должен был взять в жены, а первый сын от этого брака считался бы сыном умершего. Так обеспечивалась преемственность рода (подобные браки называют *левиратными*). Но на практике, конечно, этот закон соблюдался не очень аккуратно: многим ли захочется брать замуж чужую вдову, чтобы она родила от тебя ребенка, который к тому же не будет твоим? Так в книге «Малыш и Карлсон» Малыш с

ужасом ожидал, что вслед за вещами старшего брата ему придется «донашивать» и его жену.

Руфи некуда было деваться, и в пору жатвы она отправилась подбирать колоски на поле такого родственника по имени Вооз. Те самые упавшие колоски, за которые в сталинские времена колхозникам давали срок, ветхозаветный Закон (и многие еще считают его жестоким!) предписывал оставлять на поле специально для таких бедняков. Вооз не прогнал Руфь, а накормил ее, и даже велел своим жнецам подкидывать ей колосья от снопов. А потом свекровь подстроила свидание Вооза и Руфи...

Воозу очень понравилось, что молодая моавитянка не стала искать молодых и богатых женихов, храня верность умершему мужу и обычаям Израиля, о которых часто забывали сами израильтяне. Он взял ее в жены. Так моавитянка оказалась полноправным членом израильского народа, а ее правнук – Давид – однажды взойдет на престол, его династия будет избрана Богом, и с тех пор всякий законный царь Израиля (включая и Самого Иисуса Христа) будет именоваться «сыном Давидовым». То есть «праправнуком Руфи».

Получилось так, что в эпоху войн, раздоров и смут простая семейная история о верности и любви имела более славное продолжение, чем все военные победы.

10. Самуил и Саул: последний судья и первый царь

Последний судья: рождение

Отношения Бога и Его избранного народа, какими их описывает Библия, напоминают отношения родителя и ребенка. Сразу после Исхода из Египта, Бог через Моисея, а потом через Иисуса Навина давал народу-младенцу детальные указания по любому поводу. По сути дела, от народа требовалось только одно: безграничное доверие и полное послушание. Но народ-ребенок нередко оказывался строптивым и непослушным и бывал за это наказан. Потом народ Израиля осел в Ханаане, обетованной земле, и зажил самостоятельно. Бог доверил ему больше свободы, израильтяне сами стали устраивать свою жизнь. Но у них, как у подростков, получалось это не слишком удачно, и из одной беды они попадали в другую. И Бог вмешивался, призывая из числа израильтян «судей» – вождей, которые помогали им выпутаться. А потом позволял Своим подросткам совершить новые ошибки. Наконец, настало время, когда народ решил самостоятельно выбирать себе судьбу и основать собственное государство. Так юноша или девушка вступают в самостоятельную жизнь...

Но прежде, чем это произошло, народ находился под опекой последнего судьи – Самуила. Как и многие герои Библии, Самуил – поздний ребенок, вымоленный матерью. Его мать, Анна, была любимой, но бездетной женой человека по имени Елкана (у него была еще одна жена, как и у многих мужчин в то время). Ежегодно они ходили в паломничество в Силом, где тогда находилась Скиния – главная святыня израильтян, шатер, в котором незримо присутствовал Господь.

Анна вымолила себе сына – не сразу и не просто, но это произошло. Она забеременела и родила ребенка, которого назвала Самуил (по-еврейски это имя означает «услышал Бог»). С самого начала она обещала сделать его служителем при святилище, и едва он был отнят от груди, как она сама отвела его в Силом. Но это расставание было поводом не для грусти, а для радости. Библия приводит слова ее песни:

Нет столь святого, как Господь,
и нет твердыни, как Бог наш.
Лук сильных преломляется,
а немощные препоясываются силою;
кто был сыт, работает за хлеб,
а кто был голоден, отдыхает;
бесплодная рождает семь раз,
а многодетная остается одна.
Господь делает нищим и обогащает,
унижает и возвышает,
ибо у Господа основания земли,
и Он утвердил на них вселенную.

Более, чем через тысячу лет этом к этому благодарственному гимну отзовутся слова девы Марии и ее родственница Елисаветы, которые будут ждать прихода в мир Иисуса и его предвестника, Иоанна Крестителя.

Последний судья: служение

Время шло, ребенок рос. Он так и жил при святилище, и однажды ночью он услышал таинственный голос: Бог призывал его на пророческое служение. Первая весть, которую должен был передать людям, касалась первосвященника Илия – того самого, кто некогда предсказал его рождение Анне, а теперь занимался его воспитанием при святилище. Бог велел ему передать, что отныне он отвергнут. Нет, сам Илий не совершал

тяжких грехов, но, как оказалось, не сделал ничего, чтобы прекратить грехи своих сыновей, о которых ему много раз говорили.

Его сыновья (а старший должен был со временем сменить отца) очень уж хорошо устроились. Если кто-то приходил в святилище с жертвенным животным, то еще прежде, чем сжигалась положенная часть для Господа, они отрезали отборные куски мяса себе на жаркое. Но священник, который заботится прежде всего о собственном благополучии, недостоин своего звания. Сыновьям была предсказана скорая смерть.

Так оно и случилось. Израильтяне отправились в военный поход против своих главных врагов, филистимлян. Но военная удача изменила им, и тогда они решили вынести на поле боя свою главную святыню – ковчег Завета, находившийся в самом центре Скинии. Он выглядел как трон, на котором символически восседал Сам Господь, а внутри него хранились скрижали – каменные таблички с текстом десяти заповедей, данных Моисею на горе Синай.

Два сына Илия сопровождали ковчег – чудо-оружие, с помощью которого они надеялись разбить своих врагов. Но Бог не терпит, когда из Него делают средство для достижения земных целей, пусть даже самых замечательных. Израильтяне потерпели поражение, а ковчег был захвачен и еще оставался в руках филистимлян некоторое время. Оба сына священника погибли, а сам он умер от горя, когда услышал об этом.

Самуил не занял первосвященническую должность после смерти Илия. Его авторитет оставался неформальным, в этом он походил на предшествующих ему судей. Человек, облеченный высокой властью, в том числе и духовной, нередко бывает не угоден Богу, да и у людей не пользуется авторитетом. Зато тот, кто не занимает никаких формальных постов, и может оказаться подлинным пророком и властителем умов.

Но когда Самуил состарился, выяснилось, что преемника у него нет. Его дети, как это часто бывает, тоже пошли по другому пути: хотя они и не вели себя подобно сыновьям Илия, но в пророки явно не годились. Тогда израильтяне, что вполне понятно, захотели стабильности, а значит – твердой руки, преемственности власти... «Поставь над нами царя, чтобы он правил нами!» – потребовали они.

Первый царь: избрание

Самуилу такое требование было не по душе, не понравилось оно и Богу. До сих пор только Он мог называться царем Израиля – народа, который Он спас из Египта, в буквальном смысле слова создал из толпы рабов, как Адама – из земного праха. Но Он позволил Своему народу поступать так, как люди сочтут нужным. «Послушайся их, – сказал Он Самуилу, – ибо не тебя они отвергли, но Меня, чтоб Я не царствовал над ними. Послушай голоса их; только представь им и объяви им права царя, который будет царствовать над ними».

Самуил так и сделал: «царь, который будет царствовать над вами, сыновей ваших возьмет и приставит их к колесницам своим, и будут возделывать поля его, жать хлеб его, делать ему воинское оружие; и дочерей ваших возьмет, чтоб они варили кушанья и пекли хлебы; и поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет, и отдаст слугам своим; и сами вы будете ему рабами; и застонете тогда от царя вашего, но не будет Господь отвечать вам тогда».

Народ это предупреждение не смутило. Он избрал монархическую форму правления, а Господь уже указал им конкретного царя. Его выбор пал на молодого красавца по имени Саул (по-еврейски оно звучит как «выпрошенный»), но тот и сам не догадывался о своем новом назначении. Он тогда как раз разыскивал пропавших ослиц своего отца, и уже отчаялся найти их, но слуга предложил ему обратиться к Самуилу как к известному пророку. Ведь и в те времена, как и сегодня, люди интересовались прорицателями в основном для того, чтобы улаживать свои земные дела.

Но ослицы нашлись сами, а вот Саул нашел а царское достоинство. Самуил устроил ему торжественный обед, оставил ночевать в своем доме, а утром вывел его за

город и вылил на его голову сосуд оливкового масла – этот обряд под названием «помазание» символизировал посвящение в царское или священническое достоинство. Сначала всё было решено между ними двоими и Господом, и лишь потом, на большом торжественном собрании представителей всего народа, Саул был провозглашен царем официально: на него указал жребий.

Эта система не похожа ни на современные республиканские выборы, ни на средневековые монархии с обязательным наследованием престола. Бог сохраняет за собой верховную власть над Израилем и просто назначает земного царя как своего заместителя, которого при необходимости может и отстранить, как это впоследствии произошло с Саулом.

Первый царь: отвержение

Саул вел достаточно успешные войны с окрестными народами. Казалось бы, израильтяне получили именно то, чего искали: царя, который организовал свой народ и повел его от победы к победе. Конечно, при отсутствии центральной власти о подобных успехах трудно было мечтать. Но и дурные стороны царской власти выявились очень скоро.

Перед сражением израильтяне всегда обращались с молитвой к Богу и приносили Ему жертвы. Возглавлял эти жертвоприношения пророк Самуил, хотя формально он нигде не назван первосвященником. Но однажды он задержался, и Саул решил взять инициативу в свои руки и совершил обряд. Тем самым Саул, подобно царям языческих народов, повел себя не только как царь, но и как священник. Тому, кто стоит у власти, свойственно присваивать себе и те полномочия, которые ему не положены.

В следующий раз Саул напал на амаликитян, которых Господь повелел полностью истребить, не оставляя даже никакой военной добычи (об этом уже шла речь в 8-й главе). Но Саул и его армия поступили иначе: царь амаликитян был оставлен в живых, а из добычи было уничтожено лишь малоценное. Хороший скот и дорогие вещи воины предпочли оставить себе.

И тогда Самуил сказал: «неужели всесожжения и жертвы столько же приятны Господу, как послушание? Послушание лучше жертвы, и повинение лучше тука овнов; ибо непокорность такой же грех, что волшебство, и противление – то же, что идолопоклонство; за то, что ты отверг слово Господа, и Он отверг тебя, чтобы ты не был царем».

На самом деле Саул еще долго оставался на престоле. Но теперь уже не его сыну было суждено взойти на престол после него, да и сама жизнь Саула была лишена покровительства свыше. Как описывает это Библия, «от Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух». Чтобы успокоить своего властелина, придворные наши ему искусного музыканта – молоденького паренька по имени Давид. Никто тогда и не догадывался, что однажды он сменит Саула...

Саул, Давид и Голиаф

Так Давид стал оруженосцем и любимым музыкантом царя Саула, который уже знал, что отвергнут Богом, но еще не догадывался, что вместо него избран этот милостивый юноша, который теперь верно служит ему. Но Самуил, тайком ото всех, по велению Бога помазал Давида на царство, как помазал прежде Саула. Но ни воля Божья, ни даже обряд помазания еще не означали, что Давид сразу же станет править. Нередко дар Божий приходит к человеку только после того, как он сам приложит немало усилий, чтобы его получить. Так было и с Давидом.

А пока что израильтяне отправились на войну со своими постоянными противниками – филистимлянами. Как часто бывало в древности, те предложили провести

поединок между двумя богатырями и выставили своего бойца по имени Голиаф. Ростом этот боец превосходил всех остальных, его оружие и доспехи тоже не имели себе равных.

Разумеется, первым на брошенный вызов полагалось ответить царю, то есть Саулу. Но он не решался. И тогда на бой вызвался безвестный юноша – Давид. Саул даже предлагал ему свои доспехи, но тот отказался. Он вышел на бой с привычным оружием пастухов – пращой – и поразил соперника метким выстрелом еще прежде, чем тот приблизился к нему. Так Голиаф навсегда стал образом могучего, неповоротливого великана, которого побеждает легковооруженный, но гибкий и мобильный соперник. А может быть, дело не только в боевых качествах, но и в том, о чем Давид сказал перед боем: «ты идешь против меня с мечом и копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинств Израильских». Давид здесь уже выступил как будущий царь: защищавший свое стадо от зверей пастушок становится орудием Бога, чтобы защищать теперь Его стадо – народ Израиля.

После победы Саулу следовало наградить юношу. Как водится, царь решил выдать за него свою дочь Мелхолу. Но он очень хорошо почувствовал, что отныне Давид – его соперник. Ведь народ, празднуя победу, распевал: «Саул победил тысячи, а Давид – десятки тысяч!».

И тогда Саул решил послать Давида на задание, с которого тот не должен был вернуться. За свою дочь он назначил выкуп: жизнь ста филистимлян, злейших врагов Израиля. Но Давид сумел убить не сто, а двести неприятелей... Саул чувствовал, как царский престол буквально ускользает из-под него. Он даже порывался сам убить Давида, но ему не давали это сделать собственные дети, жена Давида Мелхола, а потом лучший друг – сын Саула Ионафан. Они предупреждали Давида об опасности, и в конце концов помогли ему бежать, к немалой злости Саула. Бежать помогли собственные дети Саула – Мелхола, которую Саул нехотя выдал за Давида замуж после победы над Голиафом, и Ионафан, ставший ему лучшим другом. Ионафан пытался переубедить отца, а когда это не удалось – стал разведчиком, доносившим Давиду о всех его замыслах и переменах его настроения. Можно только поразиться этой дружбе: Ионафан мог бы унаследовать престол отца, а вместо этого сознательно помогал своему сопернику Давиду. Впрочем, и против отца он тоже не стал ничего предпринимать, оставаясь рядом с ним как верный сын.

Итак, Давид бежал, и к нему стали стекаться бездомные бродяги, «огорченные душой», кому некуда было податься. А Саул со своими верными воинами безуспешно ловил теперь Давида по горам и пустыням. Дважды довелось им встретиться лично. Один раз Саул зашел облегчиться в пещеру, где как раз скрывался Давид со своим небольшим отрядом, но он не заметил воинов, притаившихся в глубине. Давид удержал своих воинов и, подкравшись, отрезал у Саула кусок одежды. А потом издали показал Саулу этот лоскут и прокричал: «Господь предавал тебя ныне в руки мои в пещере; и мне говорили, чтоб убить тебя; но я пощадил тебя и сказал: “не подниму руки моей на господина моего, ибо он помазанник Господа”. Убедись, что нет в руке моей зла, ни коварства, и я не согрешил против тебя; а ты ищешь души убить меня. Да рассудит Господь между мною и тобою, и да отмстит тебе Господь за меня; но рука моя не будет на тебе».

Саул раскаялся, но ненадолго. Вскоре его отряд снова гнался по пятам за Давидом. Однажды ночью тот прокрался в лагерь, поник в палатку царя и взял копье и кувшин с водой, стоявшие у него в изголовье – но не причинил вреда Саулу. Царь Израиля для него был неприкосновенен, даже если сам хотел его убить, даже если был отвергнут Господом.

Первый царь: бесславная гибель

Тем временем Саул отправился на очередную войну с филистимлянами. Он чувствовал, что его положение окончательно пошатнулось. К тому времени Самуил, когда-то помазавший Саула на царство, уже умер, но Саулу всё же хотелось получить от него совет и поддержку. И тогда он отправился к волшебнице.

Израильтянам было категорически запрещено заниматься оккультной практикой. Хранить верность Единому Богу – значит, прежде всего, не прибегать к помощи всевозможных божков и духов, как хранить верность супругу – значит не заводить мимолетных романов на стороне. Но если очень-очень хочется... Когда-то Саул сам изгнал всех волшебников и прорицателей из своего царства, теперь он обратился к одной такой женщине, чтобы она вызвала ему дух Самуила. Ему даже пришлось переодеться и притвориться, что это не он, грозный царь Саул, а какой-то посторонний человек. Царь окончательно утратил свое царское достоинство. Только тогда колдунья согласилась «вывести Самуила».

«И отвечала женщина: “Вижу как бы бога ... выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду”. Тогда узнал Саул, что это Самуил, и поклонился. И сказал Самуил: “Для чего ты тревожишь меня?” И отвечал Саул: “Тяжело мне очень; филистимляне воюют против меня, а Бог отступил от меня и более не отвечает мне; потому я вызвал тебя, чтобы ты научил меня, что мне делать”. И сказал Самуил: “Для чего же ты спрашиваешь меня, когда Господь отступил от тебя и сделался врагом твоим? Господь сделает то, что говорил чрез меня; отнимет Господь царство из рук твоих и отдаст его ближнему твоему, Давиду”».

Был ли то на самом деле Самуил? Мы не знаем точно; вряд ли духи мертвых являются к нам, как слуги, по первому вызову. Но дух в любом случае не обманул Саула. В бою, который состоялся на следующий день, погиб и он сам, и его сыновья. Он узнал всю правду о своей судьбе, только ничем она ему не помогла.

Врезка:

Отношение к **монархии** в древности было непростым. С одной стороны, люди обожествляли своих монархов; человек, обладающий абсолютной властью над страной, был в их глазах больше, чем человеком. Месопотамские цари нередко заявляли о себе как об избранниках и даже детях различных божеств, а египетский фараон и вовсе считался одним из главных богов Египта.

С другой стороны, сама природа царской власти требовала оправдания: почему именно этому человеку досталась вся власть и неземные почести? Так у многих народов возникали предания о царях, непосредственно избранных богами, а сами цари их охотно поддерживали и распространяли. Так, ассирийский царь Саргон рассказывал, что его мать была верховной жрицей, а его отец «обитал на вершинах». Вряд ли он имел в виду, что отец был диковатым и неотесанным горцем, скорее перед нами – намек на божественное происхождение. Свою юность он, как утверждала официальная биография, провел в саду Иштар, богини любви, в брачном союзе с ней.

Гильгамеш, Эдип, Парис, Ромул и Рем – эти герои древних преданий, основатели городов и правители народов тоже, согласно преданиям, выросли под присмотром высших сил. Царем невозможно стать просто так, им надо родиться – подчеркивают предания, и в них мы постоянно слышим, что сам институт монархии был установлен богами. Царь был нужен, чтобы поддерживать порядок на земле и выступать посредником между миром богов и миром людей. Не случайно в древности цари обычно также были верховными жрецами.

При всем сходстве деталей мы не видим в истории Израиля ничего подобного. Народ сам избирает монархический образ правления, в нем нет и намека на какую-то божественность. Более того, с самого начала проводится граница между царем и священнослужителем: царь не должен совершать никаких ритуалов, он – такой же человек, как и все остальные. С другой стороны, именно он представляет свой народ перед Богом, поэтому Господь лично избирает его, помогает ему, но и спрашивает с него особенно строго. По сути, земной царь избранного народа – наместник Господа как истинного Царя.

11. Давид – царь перед Богом

При дворе Саула

Настоящим царем Израиля мог быть только Господь – Тот, Кто создал этот народ, заключил с ним договор (завет), даровал ему землю и государственное устройство. Но когда израильский народ отказался от непосредственного подчинения Господу, избрав для себя монархический образ правления, Господь не оставил Свой народ. Отныне земным царям Израиля предстояло быть Его главными слугами, управляющими в Его народе. Первый царь, Саул, провалил свой экзамен – и однажды Господь отправил пророка Самуила в маленькое селение Вифлеем помазать нового царя над Израилем.

Самуил знал, в каком доме ему искать нового царя, но не знал, кто это будет. И когда хозяин дома, Иессей, провел перед ним своих сыновей, ни на одного из них Господь не указал. Только самого младшего не было в доме – он был еще слишком мал, его оставили следить за овцами... Это и был Давид – тот, кому предстояло стать лучшим и главным из всех земных царей Израиля. Самуил тогда помазал его на царство, но прежде, чем править, Давиду пришлось научиться подчиняться своему предшественнику, Саулу – он был его слугой и оруженосцем. Потом был поединок с Голиафом, зависть Саула и бегство Давида от его гнева – об этом шла речь в предыдущей главе.

Так начались странствования Давида.

В пещерах пустыни

Давид теперь был в пустыне – славный победитель Голиафа, а теперь изгой, поставленный вне закона. Чем оставалось ему жить, как не своим собственным мечом? К Давиду как к доброму разбойнику сходятся «все огорченные душой», и в результате Давид встает во главе маленького, но вполне боеспособного отряда, который старался выжить, лавируя между Саулом, простыми израильтянами, их врагами филистимлянами и другими окрестными народами.

Давид останавливается в разных городах – жители одних помогают ему, жители других доносят о нем Саулу. В безвыходной ситуации он даже ищет убежища у заклятых врагов, филистимлян, притворяясь, что вражда с Саулом заставила его стать перебежчиком. Филистимляне, конечно, рады получить в свое распоряжение такой диверсионный отряд, они отправляют его в набеги на израильтян. Но Давид остается верным своему народу: он совершает набеги на вражеские племена, а филистимлянам рассказывает, что их пожелания исполнены (приписки в отчетности – вовсе не изобретение нашего времени).

При этом люди Давида совсем не похожи на пацифистов. Например, они защищают интересы состоятельных людей, рассчитывая в ответ на их благодарность. Один из таких богачей носил имя Навал (на древнееврейском языке, кстати, оно означает «дурак»; надо полагать, что он толковал собственное имя как-то иначе, но оно оказалось пророческим). Когда настало время стричь овец, Давид отправил ему следующее послание: «Пастухи твои были с нами, и мы не обижали их, и ничего у них не пропало во всё время их пребывания на Кармиле; да найдем мы благоволение в глазах твоих, ибо в добрый день пришли мы; дай же Давиду, что найдет рука твоя».

Богач одарить посланных к нему людей Давида отказался, назвав его самого беглым рабом, и тогда отряд Давида выступил в поход. Судьба Навала, а с ним и всех мужчин в его доме, была бы незавидной... если бы не его сообразительная и миловидная жена по имени Авигея. Она сама собрала провизию для отряда Давида и вышла ему навстречу, тайком от мужа. Мудрая женщина отправила своих слуг с дарами впереди себя, чтобы заранее расположить к себе грозного вождя, а когда увидела его сама, сошла с осла, пала на землю перед Давидом и молила его о прощении.

Повинную голову, как известно, меч не сечет, а тем более такую красивую. Ответ был воистину царским: «Благословен Господь Бог Израилев, Который послал тебя ныне навстречу мне, и благословенна ты, что ты теперь не допустила меня идти на пролитие крови и отмстить за себя». После этой встречи Авигея вернулась обратно, отряд Давида – тоже.

Но история на этом еще не закончилась. Авигея рассказала Навалу об ожидавшей его страшной участи и о своей миротворческой миссии, и его хватил удар – десять дней он пролежал в параличе, после чего умер. Когда Давид услышал о таком развитии событий, он вспомнил о мудрой красавице и отправил к ней послов... Так у него появилась еще одна жена.

А первая его жена, дочь Саула Мелхола тем временем была отдана замуж за некоего Фалтия. Любили ли они друг друга? Вспоминала ли она о Давиде? Об этом мы ничего не знаем. Но Давид еще вспомнит о ней: незадолго до того, как окончательно взойдет на престол, он заберет ее у нового мужа, и тот с плачем будет провожать ее, пока его не прогонят прочь... О чувствах самой Мелхолы можно только догадываться, но, кажется, семейный мир так и не будет никогда восстановлен.

В Иерусалиме

Когда Саул вместе со своими сыновьями пал в битве с филистимлянами, Давид мог взойти на престол. Но свой собственный народ он любил больше своей карьеры, и потому он не радовался гибели врага и соперника, а оплакивал гибель своего царя Саула и своего верного друга Ионафана, сына Саула:

В любви и согласии жили Саул и Ионафан,
не разлучились он и в смерти своей;
быстрее орлов, сильнее львов они были.
Дочери Израильские! плачьте о Сауле,
что в украшенный пурпур вас наряжал,
золотые уборы вам дарил.
Как пали могучие на войне!
Скорблю о тебе, мой брат Ионафан,
как ты был дорог для меня!
Превыше женской любви была твоя любовь.
Как пали могучие, оружие погибло!

Так Давид стал царем, и ему нужно было выбрать столицу. Он обратил внимание на небольшую крепость на границе нескольких племен – идеальное место для столицы государства, объединявшего разные племена, отношения между которыми не всегда были гармоничными. Эта крепость называлась Иерусалим, и в ней жило враждебное израильтянам племя иевусеев. Давид осадил город, но иевусеи насмешливо утверждали, что даже слепые или хромы смогли бы отразить его штурм – такими надежными казались им укрепления. Но крепость была взята, а первый, кто поднялся на ее стены – Иоав – стал главным военачальником в войске Давида.

Иерусалим был перестроен. Для Давида, прошедшего полжизни в походных платках, а то и вовсе под открытым небом, был сооружен дворец из ливанского кедра (Хирам, царь ливанского города Тир, был союзником израильтян и снабжал их этим редким материалом, а для работы с ним присылал собственных ремесленников).

Со временем Давид перенес в Иерусалим и Ковчег Завета – главную святыню израильтян, которая выглядела как царский престол Бога, обитавшего среди своего народа. Библия так описывает поведение славного царя при перенесении ковчега: «Давид скакал изо всей силы пред Господом». Это было время, когда религия не обязательно сочеталась с угрюмой серьезностью, и пляска могла оказать самой благочестивой формой поведения перед святыней.

Но нашлись люди, которые сочли веселье Давида неподобающим. Его жена Мелхола упрекнула его, что он плясал, задрал одежду, «перед глазами рабынь рабов своих, как какой-нибудь пустой человек». Давид ответил ей: «Пред Господом играть и плясать буду! Я еще больше унижусь, и перед служанками, о которых ты говоришь, я буду славен». А Мелхола навсегда осталась бездетной – в те времена бездетность считалась тяжелым наказанием от Бога.

Грех и покаяние

Библия, которая заботится об Истине больше, чем об имидже, не стесняется говорить открыто не только о славных, но и о позорных страницах истории Давида. Вот что повествует Библия: «Однажды под вечер Давид, встав с постели, прогуливался на крыше царского дома и увидел с крыши купающуюся женщину; а та женщина была очень красива. И послал Давид разведать кто эта женщина. И сказали ему: “Это Вирсавия, дочь Елиама, жена Урии Хеттеянина”. Давид послал слуг взять ее; и она пришла к нему, и он спал с нею. Когда же она очистилась от нечистоты своей, возвратилась в дом свой. Женщина эта сделалась беременною и послала известить Давида, говоря: я беременна». Характерно, что повествователь ничего не сообщает о чувствах и мыслях самой женщины, она здесь – просто объект вожделения царя, который берет себе то, что ему приглянулось.

Так началась история, которую Библия описывает как главный грех Давида. Теперь перед ним стояла серьезная проблема. Муж Вирсавии, Урия, был одним из верных воинов Давида и в это время находился в походе. Беременность была бы обнаружена, и женщине пришлось бы всё рассказать мужу, ведь за прелюбодеяние, то есть нарушение супружеской верности, ее по ветхозаветному закону полагалось бы казнить...

Давид вызывает Урию из похода – якобы для того, чтобы разузнать о ходе военных действий. Дальше, казалось бы, всё просто: конечно же, Урия, вернувшись домой, приласкает жену, и в будущем беременность Вирсавии не вызовет никаких подозрений... Ничего подобного. Верный воин даже не зашел домой. Как и многие воины древности, он, видимо, считал, что поход требует от воина полной концентрации сил, и даже краткое свидание с женой лишило бы его необходимой мужественности. Как мог он наслаждаться домашним покоем и любовью красавицы-жены, когда его товарищи ночевали в палатках и рисковали жизнью в бою?

На следующий вечер Давид напоил Урию вином. Но и пьяный, он остался ночевать во дворце со слугами. Что оставалось делать Давиду? Раскрыть тайну и постараться примириться со своим верным воином? Приказать ему молчать? Казнить его? Но все эти варианты означали бы серьезную потерю лица, а что такое царь, которому не доверяет собственное войско? Тогда Давид пошел другим путем. На следующий день Урия отправился в обратный путь и вез секретный приказ полководцу: «поставьте Урию там, где самое сильное сражение, и отступите от него, чтоб он погиб». Так и было сделано. Его гибель была списана на превратности войны, овдовевшая Вирсавия – взята в царский гарем, а чувствами женщины по-прежнему никто не интересовался.

На этом бы всё и закончилось, если бы в Библии не было еще одного Действующего Лица – Бога. Он отправил к Давиду пророка Нафана, и тот, начав издали, рассказал ему такую историю: «Были два человека, один богатый, а другой бедный; у богатого было много скота, а у бедного ничего, кроме одной овечки, которую он купил маленькой и выходил ее вместе с детьми; от хлеба его она ела, и из его чаши пила, и на груди у него спала. И пришел к богатому человеку странник, и тот пожалел взять одну из своих овец или коров, а взял овечку бедняка и приготовил ее для гостя».

Разгневанный царь немедленно заявил, что тот безжалостный богач достоин смерти. И тогда Нафан ответил ему: «Ты и есть тот человек». Ожидавшее его наказание было под стать преступлению: «Так говорит Господь: вот, Я воздвигну на тебя зло из дома

твоего, и возьму жен твоих пред глазами твоими, и отдам ближнему твоему, и будет он спать с женами твоими. Что ты сделал тайно, Я сделаю явно пред всем Израилем».

Кроме того, новорожденный ребенок Вирсавии должен быть умереть. Давид постился и молился, стараясь отворотить беду. Но ребенок всё равно умер. Сегодня мы можем воспринимать это как несправедливость – ведь малыш не был ни в чем виноват. Но если задуматься – каково было бы жить человеку, над которым с самого рождения тяготело бы это клеймо блуда и убийства? Возможно, уход на заре своей жизни был для него благословением. Дальнейшая история одного из сыновей Давида, Авессалом, словно дает нам намек: иной сын вырастает на горе своим родителям и всё равно не доживает до старости.

Но пока что Давид молился, лежа на земле, а приближенные со страхом подошли к нему и сообщили ему, что сын умер. Тогда, ко всеобщему удивлению, он встал, умылся и поел. Изумленным слугам он ответил: «Доколе дитя было живо, я постился и плакал, ибо думал: кто знает, не помилует ли меня Господь? А теперь оно умерло; зачем же мне поститься? Разве я могу возвратить его? Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне».

А дальше Библия сообщает с удивительной краткостью и простотой: «Утешил Давид Вирсавию, жену свою, и вошел к ней и спал с нею; и она родила сына, и нарекла ему имя: Соломон». Бедная женщина, наверное, тоже плакала о своем первом сыне, но ее чувства по прежнему значили мало. А Соломону суждено было стать преемником Давида и самым успешным правителем на израильском престоле, чему немало поспособствует Вирсавия.

«Авессалом, сын мой Авессалом!»

Мы уже убедились: как и у многих восточных царей, у Давида было много жен и еще больше детей. Однако и платить за такое удовольствие ему приходилось недешево. Царевичи соперничали друг с другом за будущий престол, да и просто безобразничали, надеясь, что всё сойдет им с рук. Так, Амнон заманил к себе в дом и изнасиловал свою сестру Фамарь, дочь Давида от другой жены. За это брат Фамари, красавец Авессалом, выждав подходящий случай, убил Амнона на празднике, а потом бежал в чужую страну, подальше от царского гнева.

Со временем Давид простил Авессалома, но тот, кто однажды убил брата, захотел теперь свергнуть отца. Он вернулся в Иерусалим и стал вести умелую пропаганду среди израильтян: «если бы поставили меня судьей в этой земле! Ко мне приходил бы всякий, кто имеет спор и тяжбу, и я судил бы его по правде». Популисты во все времена обещают именно это: немедленное удовлетворение всех требований, счастье для всех с завтрашнего дня! Добившись расположения народа, Авессалом поднял открытый мятеж. Давиду пришлось бежать из Иерусалима с немногими приверженцами, а его собственный сын захватил его столицу и на виду у всех вошел в его гарем, что было для восточного царя наивысшим оскорблением. Так сбылось пророчество о наказании Давида за его грех с Вирсавией и Урией, а в стране началась гражданская война.

Здесь Библия повествует о тонкой спецоперации, проведенной сторонниками Давида. За Авессалома выступил мудрый советник Ахитофел. Он предлагал ему сразу погнаться за Давидом и покончить с ним одним ударом, пока он не успел собрать войско и подготовиться к сражению, ведь он бежал из дворца в сопровождении немногих сторонников и совсем не был готов к войне. Видимо, в таком случае шансы Авессалома были неплохими. Но Давид подослал к Авессалому еще одного мудреца, Хусия, чтобы тот стал агентом влияния во вражеском лагере. Он уговорил Авессалома сначала самому как следует подготовиться к битве – и так выиграл время для военных приготовлений Давида, а заодно и сообщил ему о всех планах мятежников.

Ветераны былых сражений сошлись к своему царю, и кто теперь мог устоять перед их натиском? В решающей битве они разгромили мятежников. Авессалом бежал с поля боя верхом на осле, но запутался своей роскошной шевелюрой в ветвях раскидистого

дерева, повис меж небом и землей и так попал в руки воинов Давида. Вопреки приказу царя, они немедленно убили главу мятежа. Но для Давида радость победы померкла перед известием о смерти любимого сына. Войско ликовало, Давид рыдал: «Авессалом! Сын мой Авессалом! О, кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом!»

К царю подступила старость. Теперь его дети боролись за его престол, его приближенные определялись, кто за какого претендента, а сам он уже даже не решал, с кем ему лежать в одной постели. Библия описывает, как старый царь постоянно мёрз, и приближенные решили: «пусть поищут молодую девицу, чтоб она предстояла царю и лежала с ним, – и будет тепло господину нашему, царю». Такую девушку по имени Ависага действительно нашли, и она стала прислуживать Давиду, но он так и не познал ее. Мы даже не знаем, как он отнесся к Ависаге, понравилась ли она ему, хорошо ли она за ним ухаживала: теперь он сам оказался в том положении, в которое некогда поставил Вирсавию. Зато именно Вирсавия теперь решала, кому быть царем после Давида...

Врезка:

Имя Давида носит самая большая книга Библии, **Псалтирь**. В этой книге, конечно, есть псалмы, которые сам Давид просто не мог написать (например, те, что говорят о вавилонском пленении иудеев), да и остальные не обязательно все написаны им. Вероятно, ему принадлежат лишь некоторые из псалмов, но «лирический герой» псалмов из всех героев Библии ближе всего именно к Давиду с его непростой судьбой и безграничной преданностью Богу. И каждый верующий, открывая «Псалтирь Давидову», вновь и вновь ставит себя на место этого царя и пророка, обращаясь к Богу:

Буду Господа восхвалять, доколе жив,
Богу моему петь, пока я есть!
Не надейтесь на знатных людей,
на сына Адама – в нем спасения нет.
Дух покинет его, вернется в землю он –
в тот день погибнут все замыслы его.
Блажен тот, кому в помощь – Иакова Бог,
кто надеется на Господа, Бога своего:
Он небо и землю сотворил,
море и всё, что наполняет их!

* * *

Господи, Боже мой! Уповаю на Тебя,
От гонителей спаси меня, избавь!
Не то, словно лев, разорвут меня,
будут терзать, и никто не спасет.
Господи, Боже мой! Если сделал я что,
если на руках моих – грех,
и зло я творил тому, кто мирен со мной,
или беспричинно недруга обирал –
пусть настигнет меня погоня врага
пусть втопчет он в землю мою жизнь,
славу мою повергнет в прах.

* * *

Как стремятся лани на водопой,
так душа моя рвется, Боже, к Тебе!
Стремится душа моя к Богу, к живому Богу,
когда же смогу я пред Богом предстать?
Были моей пищей слезы
день и ночь,

говорили мне что ни день:
«Где твой бог?»
Что изнываешь, душа моя,
что гнетет тебя? На Бога уповай!
Я и впредь буду славить Его,
Спасителя и Бога моего.

12. Соломон: золотой век Израиля

«Твой сын будет Мне сыном»

Еще задолго до того, как Соломон взошел на престол, уже было известно, чем прославится его царствование. Его отец Давид вел победоносные войны, покорял окрестные народы и раздвигал границы своего государства – но он лишь готовил золотой век Израиля, зенит его славы и могущества, который будут связывать с именем Соломона. Но не об этом говорило главное пророчество, которое Давид услышал о собственном сыне.

Когда были разбиты враги, а власть царя упрочилась по всей стране, Давид позвал к себе пророка Нафана и сказал ему: «я живу во дворце из кедра, а ковчег Божий находится в шатре». Действительно, почему бы не построить роскошный храм, отблагодарив Бога за все Его благословения? Пророк согласился с планом царя. Но, как говорили наши предки, «Бог не в бревнах, а в ребрах», и не всегда храмостроительство приближает к небу.

На следующую ночь Нафану явился во сне Сам Господь и передал для Давида такие слова: «Ты ли построишь Мне дом, когда Я не жил в доме с того времени, как вывел сынов Израилевых из Египта, и до сего дня? Где бы Я ни ходил со всеми сынами Израиля, говорил ли Я хотя слово тому, кого Я назначил пасти народ Мой Израиля: почему не постройте Мне кедрового дома? Давид, Я взял тебя от стада овец, чтобы ты был вождем народа Моего, Израиля; и был с тобою везде, куда ни ходил ты, и истребил всех врагов твоих, и сделал имя твое великим. И Я устрою место для народа Моего, для Израиля, и укореню его. Когда же исполнятся дни твои, и ты почиешь с отцами твоими, то сын Твой построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его на веки. Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном; и если он согрешит, Я накажу его, но милости Моей не отниму от него».

Бог напомнил царю, от кого на самом деле исходит инициатива: не человек создает Богу святыни, но Бог дает пространство для жизни человеку. Еще Он напомнил Давиду, что настоящий Царь Израиля жил не на земле. Любой человек на престоле был лишь наместником Бога, более или менее успешно исполняя Его волю. Давид не был ни безгрешным человеком, ни идеальным правителем, но он всегда оставался верен Богу. Отныне только его потомки могли быть законными царями Израиля, а в пророчестве «твой сын будет Мне сыном» звучит предвестие грядущего рождения Иисуса, Которого назовут сыном (то есть потомком) Давида и Сыном Божьим.

Как взойти на престол?

Но пророчество еще не означает, что всё произойдет само собой. Здесь пришлось потрудиться матери Соломона, Вирсавии. Операция «Преемник» потребовала от нее и ее союзников при дворе Давида немалого искусства, потому что другой сын Давида от другой жены, Адония, уже провозгласил себя царем, не дожидаясь даже смерти отца. Вирсавия, предварительно договорившись обо всем с военачальником Иоавом, вошла в спальню Давида, подошла к тому самому ложу, на которое ее когда-то увлек царь в расцвете своих сил. Теперь там лежал дряхлый старик.

Это он некогда забрал ее у первого мужа, Урии, не спросив, что она сама думает о том. Это он послал Урию на смерть, это он потом каялся в совершенном грехе, это он вымаливал у Господа их первенца, лежа без движения на земле, но так и не вымолил... А теперь у них был юный сын, Соломон, и Вирсавия твердо знала, что царем должен был стать именно он. И действовала теперь только она – как всё переменялось!

Она напомнила Давиду о былом обещании передать престол Соломону. Как же так – другой его сын от иной жены, Адония, уже принимает царские почести! Неужели старый, беспомощный царь так просто уступит ему свой престол?

Давид колебался. И тогда, по предварительному сговору, к нему вошел тот самый пророк Нафан, который когда-то обличил его во грехе. Он сказал: «Господин мой царь! Сказал ли ты: “Адония будет царствовать после меня и он сядет на престоле моем”? Потому что он ныне заколол множество скота, пригласил всех военачальников и священника Авиафара, и вот, они едят и пьют у него и говорят: “Да живет царь Адония!” Не случилось ли это по воле господина моего царя, и для чего ты не открыл рабу твоему, кто сядет на престоле?» И тогда царь принял решение. Он вызвал первосвященника и военачальника, велел им помазать Соломона на царство и провозгласить его царем прямо сейчас, еще при своей жизни.

Кстати, Адония, которому пришлось смириться с потерей царства, хотел после смерти Давида выпросить хотя бы утешительный приз – последнее приобретение Давидова гарема, молодую девушку Ависагу, которая так и оставалась девственницей. Но когда о его желании узнал Соломон, то приговорил наглеца к немедленной казни. Царский гарем всегда должен оставаться только царским. И где претенденты делят меж собой царский престол и женщин, там всегда льется кровь.

Наследник выбирает мудрость

Соломон взошел на престол, и он помнил: Господь обещал относиться к нему как к Своему сыну. Вскоре после этого Он явился юному царю во сне и сказал: «проси, что дать тебе». Соломон ответил так: «Господи Боже мой, Ты поставил меня царем вместо отца моего Давида, но я так молод; даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло». Это понравилось Господу, и Он обещал: «За то, что ты не просил себе долгой жизни, богатства, душ врагов твоих, но просил себе разума, – вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не будет. И то, чего ты не просил, Я даю тебе: и богатство, и славу».

Только одна история в Библии иллюстрирует мудрость царя Соломона. Интересно, что связана она с семейной драмой – вспомним, что семейная драма предшествовала и рождению Соломона. Но теперь решения самого славного царя ждут две женщины самого низкого положения – блудницы, живущие в одном и том же доме. У каждой из них родилось по младенцу, но внезапно один из них умер. Каждая утверждала, что в живых остался именно ее сын, а другая тайно подменила живого ребенка на мертвого.

Библия описывает решение Соломона так: «И сказал царь: подайте мне меч. И принесли меч к царю. И сказал царь: “Рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой”. И отвечала одна женщина: “О, господин мой! отдайте ей этого ребенка живым и не умерщвляйте его”. А другая говорила: “Пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите”. И отвечал царь: “Отдайте живое дитя первой, и не умерщвляйте его, она – его мать”. И услышал весь Израиль, как рассудил царь; и стали бояться царя, ибо увидели, что мудрость Божья в нем».

Кто любит, тот стремится любой ценой сохранить любимого. А кто ищет «справедливости», тому, на самом деле, всё равно. И это ничуть не изменилось с древних времен до наших дней.

Со временем весть о мудром царе распространилась далеко по окрестным странам, и однажды к нему пришла ради «культурного обмена» царица далекой южной страны Савы. Библия рассказывает только о том, как Соломон делился с ней своей мудростью, и как они, по обычаям восточных монархов, наделили друг друга роскошными дарами. Но людям свойственно придумывать романтические истории даже там, где их нет, и еще в двадцатом веке правящая династия Эфиопии возводила свое происхождение к тому ребенку, который, якобы, родился у царицы Савской через девять месяцев после этого визита на высшем уровне. На самом деле, мы даже не знаем, действительно ли Сава – современная Эфиопия, а уж о романе с иноземной царицей нам и вовсе ничего не известно.

Единый Храм Единого Бога

Главным делом Соломона, как и было предсказано, стала постройка Храма в Иерусалиме. Его отец Давид приготовил для постройки и планы, и материалы, но осуществить этот проект предстояло именно Соломону. И он взялся за дело...

Наверное, сегодняшнему человеку этот храм показался бы невзрачным: его размеры, не считая второстепенных и служебных помещений, составляли 30 на 10 метров – но для тех времен его сооружение было огромным событием. Поклоняться Единому Богу израильтяне должны были только в одном месте, чтобы множество святилищ и обрядов не привело к «размыванию» веры древнего Израиля на множество местных культов, как у языческих народов.

До сих пор таким центром была Скиния, переносной шатер Бога, который израильтяне даже после поселения в Палестине время от времени перемещали на новое место. Но отныне единым священным центром Израиля становилась его столица – Иерусалим.

На церемонии освящения Храма Соломон произнес молитву, которая предсказала дальнейшую историю Израиля: «Господи Боже Израилев! Нет подобного Тебе Бога на небесах вверху и на земле внизу. Небеса небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, но услышь моление раба Твоего и народа Твоего Израиля, когда они будут молиться на месте сем; услышь на небесах и помилуй. Воздай каждому по путям его, ибо Ты один знаешь сердце всех сынов человеческих. Если и иноплеменник придет из земли далекой помолится у храма сего, услышь с неба, чтобы все народы земли знали имя Твое. Когда выйдет народ Твой на войну, и будет молиться Господу, тогда сделай, что потребно для них. Когда они согрешат пред Тобою, – ибо нет человека, который не грешил бы, – и Ты прогневаешься на них и предашь их врагам, и отведут их в чужую землю, и обратятся они к Тебе всем сердцем своим в земле врагов, тогда услышь с неба молитву их и сделай, что потребно для них; и прости народу Твоему, в чем он согрешил пред Тобою. Ибо Ты отделил их Себе в удел из всех народов земли, Владыка Господи!»

Действительно, израильтянам предстояли и кровавые войны, и плен в чужой земле, но важнее всего та великая роль, которую им предстояло сыграть в истории человечества – донести до всех народов земли весть о Едином Боге.

Конец прекрасной эпохи

Правление Соломона было мирным и безмятежным. Но золотой век никогда не длится так долго, как хотелось бы... И в завершении этого золотого века снова ключевую роль сыграли женщины, как и в прочих эпизодах из истории Соломона. В его гареме их было примерно около тысячи, и, конечно, среди них встречались и язычницы. Царь не только кормил и ласкал их, он должен был как-то удовлетворять их религиозные потребности тоже... Нет, он не оставил Единого Бога, но слишком снисходительно относился к культу самым разных языческих божеств, процветавших в его гареме, и даже занялся обустройством святилищ для богов своих жен и наложниц...

Всё произошедшее после его смерти Библия трактует как наказание за этот грех. Ему наследовал сын Ровоам. Когда он вступил на престол, народ отправил к нему делегацию с просьбой уменьшить тяжкое бремя податей и налогов (оказывается, небывалая роскошь храма и царского двора обходилась народу достаточно дорого). Мудрые советники советовали Ровоаму внять просьбам трудящихся, но молодые товарищи царя посоветовали показать, кто тут хозяин. Так новый царь и объявил народу: «отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами».

Но ничего хорошего из этого совета не получилось. Народ восстал, и Ровоам сохранил власть только над своим родным племенем – коленом Иуды, занимавшим южную часть Палестины. Северные племена объединились в новом царстве, назвав его

Израильским. Так началась долгая история двух царств одного народа, которым уже никогда не суждено было воссоединиться...

Врезка:

Имя царя Соломона связывается с несколькими книгами Библии. Наверняка он не был их автором в том смысле, в каком Толстой был автором «Войны и мира» или Пушкин – «Евгения Онегина». Скорее всего, что-то он сочинил сам, что-то собрал у других мудрецов (в конце книги Притчей двое из них названы, это языческие цари Агур и Лемуил), а остальное дополнили или даже переработали в последующие века. Но еврейская традиция сохранила представления о том, что в молодости Соломон написал песнь Песней, в зрелом возрасте – книгу Притчей, а в старости – книгу Екклесиаста.

В этих книгах перед нами как будто проходят три времени человеческой жизни.

Песнь Песней – это гимн юной любви:

Как прекрасна ты, милая, как ты прекрасна!
Твои очи под фатою – голубицы,
Твои волосы – как стадо коз, что сбегает с гор гилеадских,
Твои зубы – как постриженные овцы, возвращающиеся с купанья,
родила из них каждая двойню, и нет среди них бесплодной.
Как багряная нить твои губы, и прекрасна твоя речь.
Как разлом граната твои щеки из-под фаты.

...

Положи меня печатью на сердце,
на руку твою печатью!
Ибо любовь – как смерть сильна,
ревность – как ад тяжка,
жаром жжет – Божье пламя она –
и не могут многие воды любовь погасить,
не затопить ее рекам.

Эта книга настолько переполнена сложными образами, что ее издавна старались истолковать символически, видя в ней, историю любви Бога и избранного народа, или Бога и человеческой души, или Христа и Церкви. А вот **Притчи** – это размышления зрелого человека о том, как устроен этот мир и как ведут себя в нем разумный и неразумный человек.

Женская мудрость возводит дом,
а женская глупость – сама его рушит.
Мудрый страшится и чурается зла,
зато глупец буянит, ничего не боится.
Сердце спокойно – тело здорово,
а зависть и ревность – что гниль для костей.
Кто притесняет бедняков, оскорбляет их Творца,
но кто заботится о нищих, прославляет Его.
Праведностью велик народ,
а грех подтачивает его.

Наконец, **Екклесиаст** – грустные размышления о бренности человеческой жизни, так созвучные преклонным годам...

Род уходит, и род приходит,
а земля остается навек.
Солнце всходит, солнце заходит
и спешит к месту восхода.
летит на юг, поворачивает на север –
кружится, кружится ветер,

вновь летит на свои круги.
Все потоки бегут к морю,
а море всё не полно.
Не насытитесь глаз, глядя;
не наполнится, слушая, ухо.
Что было – то и будет,
что случилось – то и случится.

13. Цари двух царств: Иерусалим и Самария

Цена независимости

Итак, после смерти Соломона единое израильское царство разделилось на две части. Южное царство, Иудея, сохранило за собой Иерусалим, главный город избранного народа, где находился и Храм. В Северное царство вошла большая часть племен, именно за ним осталось название Израиль, зато теперь оно нуждалось и в столице, и в собственном святилище. И если на юге твердо помнили об обещаниях Господа, что именно потомки Давида будут благословенными царями, то северяне основали собственную династию.

Но началось всё именно со святилища. Так рассуждал основатель Северного царства Иеровоам: «Если народ сей будет ходить в Иерусалим для жертвоприношения в доме Господнем, то сердце народа сего обратится к государю своему, к Ровоаму, царю Иудейскому, и убьют они меня, и возвратятся к Ровоаму, царю Иудейскому». Чтобы избежать этого, он сделал два святилища в двух крайних городах своего царства, в Вефиле, на самой границе с Иудеей, и в Дане, за которым уже начинались земли финикийцев и сирийцев. Там он поставил двух золотых тельцов и объявил: «Вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли Египетской». К откровенному язычеству его подтолкнул холодный политический расчет, такое бывает нередко. С тех пор не раз именно в Вефиле пророки будут обличать языческие обряды и обычаи, и первый такой пророк (Библия даже не называет его имени) пришел туда как раз вскоре после строительства жертвенника.

А столица была построена уже позднее, другим царем – Амврием. Как это часто бывает с молодыми государствами, он решил создать ее на пустом месте, и для этого купил у одного человека холм, на котором и заложил город. Человека звали Шемер, и по его имени город получил название Шомрон, на русском языке – Самария.

Но автор библейских книг Царств смотрел на деяния Амврия, как и большинства других царей Северного и Южного царства, очень неодобрительно: «И делал Амврий неугодное пред очами Господа, и поступал хуже всех бывших перед ним... Прочие дела Амврия, которые он сделал, и мужество, которое он показал, описаны в летописи царей Израильских. И почил Амврий с отцами своими, и погребен в Самарии. И воцарился Ахав, сын его, вместо него... И делал Ахав, сын Амврия, неугодное пред очами Господа более всех бывших прежде него...»

Царь и виноградник

С этим самым Ахавом и его женой Изевелью связано много историй, одна из них прекрасно показывает, как вели себя израильтяне со своими царями. Ахаву приглянулся виноградник, расположенный прямо у царского дворца. Ему очень хотелось заполучить этот участок, чтобы разбить на нем огород (цари тогда жили довольно просто). И что же, он конфисковал земельный надел, согнал с нее владельца? Ничуть. Он обратился к хозяину земли, Навуфею, с предложением обменять его на другой участок земли. Но Навуфей не согласился, ведь этот виноградник достался ему от предков, то бы его наследственный надел – и царь никак не мог заставить его уступить. Как бы ни была велика его власть, отобрать у своего подданного имущество он никак не мог. Даже не мог устроить принудительный выкуп вроде того, который практикуется сегодня при строительстве объектов государственной важности.

Чтобы получить вожделенный участок, царице Изевели пришлось пойти на прямой подлог: Навуфея ложно обвинили в богохульстве и побили камнями. Тогда Ахав смог заполучить землю, но и тут его сурово обличил пророк Илия: «ты убил, и еще вступаешь в наследство? Так говорит Господь: на том месте, где псы лизали кровь

Навуфея, псы будут лизать и твою кровь». Так оно и случилось; Ахав, вопреки предупреждениям другого пророка, Михея, отправился на войну, был там тяжело ранен и умер от раны. Колесницу, испачканную его кровью, действительно отмывали на том самом месте. Как далека эта картина от того, что мы привыкли называть «восточным деспотизмом»!

Кровавые перевороты

Впрочем, обстановка в царских дворцах была далека от идиллии. У Ахава, повествует Библия, было семьдесят сыновей. Когда против династии Ахава поднял успешное восстание новый претендент по имени Ииуй, все они были перебиты, вместе со всеми родными и близкими. Может быть, царь Ииуй был злым язычником? Вовсе нет, в отличие от Ахава. Напротив, он ревностно служил Господу – как понимал это служение. Он велел устроить огромное празднество в честь языческого божества Ваала, на которое должны были собраться все его служители. Что произошло дальше, нетрудно угадать: они все были убиты.

В Южном царстве, Иудее, тоже происходило нечто подобное. Иудейский царь Охозия вместе со своими сорока двумя братьями (да, при наличии огромных гаремов царям нетрудно было оставлять такое потомство) погиб во время того же переворота в Северном Царстве. Тогда власть узурпировала его мать Гофолия, не забыв перебить всех возможных претендентов на престол. Спасти удалось только младенца, сына Охозии по имени Иоас. Шесть лет царевича прятали в Храме. На седьмой год настало время для нового переворота – первосвященник Иодай, призвав на помощь храмовую стражу, провозгласил царем Иоаса, а Гофолию убил. На этот раз никто другой не был умерщвлен, а Иоас стал не только успешным, но и благочестивым царем. Именно при нем начат был ремонт обветшавшего Храма.

Что же это за народ Божий, уместно спросить, если он проливал такие реки крови, причем праведник нередко оказывался кровожаднее нечестивца? Просто в те времена это было нормой, да во многих странах эта норма сохранялась до недавних пор. В Османской (турецкой) империи новый султан, взошед на престол, считал своим долгом умертвить всех своих братьев как потенциальных конкурентов, и никто потом не упрекал его за это (правда, их душили, чтобы не проливать султанскую кровь). Израильтяне были народом Божиим не в том смысле, что по уровню своего духовно-нравственного развития они стояли выше прочих, но в том, что именно на их примере Бог учил и наставлял всё человечество, выводя его из первобытных дикости и жестокости.

Ассирийская осада

Было бы совершенно неверно думать, что царствовали в ту пору исключительно жестокие самодуры. Библия рассказывает нам и о царях, стремившихся исполнить волю Господню. Имя одного из них – Езекия, он правил в Иудее. Именно в его времена сильнейшая империя того времени, Ассирия, напала на оба царства. Северное было полностью завоевано. Ассирийцы не просто подчинили себе его жителей, они переселили значительную их часть в другие земли, а на их место, наоборот, прислали выходцев из других стран. Такая практика была для них вполне обычна: народ, лишенный родины, становился полностью зависимым от имперских властей и вряд ли смог бы поднять восстание против них. В свое время в такое же переселение жителей Южного царства отправят вавилоняне, а в XX веке опыт ассирийцев и вавилонян повторит в небывалых масштабах Сталин.

Угроза нависла и над Южным царством. Езекия укреплял городские стены Иерусалима, он даже повелел устроить подземный водопровод, чтобы провести в город воду от источника на случай осады (этот водопровод сохранился и по сей день, в нем по-

прежнему течет вода). Но вовсе не инженерные работы решали теперь судьбу его царства...

Ассирийское войско осадило город. Это была непобедимая армия, огнем и мечом прошедшая по всем окрестным странам – как могла ей сопротивляться маленькая Иудея? И вот ассирийский полководец обратился к жителям Иерусалима, собравшимся на городских стенах: «Пусть не обольщает вас Езекия, ибо он не может вас спасти от руки моей... Ибо так говорит царь Ассирийский: примиритесь со мною и выйдите ко мне, и пусть каждый ест плоды виноградной лозы своей и смоковницы своей, и пусть каждый пьет воду из своего колодезя, пока я не приду и не возьму вас в землю такую же, как и ваша земля... Не слушайте же Езекии, который обольщает вас, говоря: “Господь спасет нас”. Спасли ли боги народов, каждый свою землю, от руки царя Ассирийского?»

Итак, вызов был брошен – и не столько Езекии, сколько самому Господу. Езекии оставалось только молиться, что он и стал делать, отправив своих гонцов к пророку Исаяе. Победа была дарована; Библия описывает, что множество людей в ассирийском войске пали на следующую ночь от руки ангела. Была ли то внезапная эпидемия, вполне возможная в переполненном военном лагере, или же это действительно было сверхъестественное вмешательство, мы не знаем. Чудо в любом случае состоялось: непобедимое войско по непонятным причинам оставило в покое маленькую Иудею, а царь Ассирии, вернувшись домой, вскоре был убит собственными сыновьями во время дворцового переворота, как и предсказывал Исаяя.

Обретение закона

Но особенно тепло повествует Библия об одном из последних царей Южного царства, Иосии. На восемнадцатый год своего царствования он решил отремонтировать иерусалимский Храм, и тут его ждала удивительная находка: священники во время ремонта обнаружили забытую книгу Закона. Мы не знаем сегодня точно, что это было, ученые говорят, что, вероятно, нынешнее Второзаконие. Но дело не в том, какой именно текст это был. Дело в том, какой эффект он произвел. Книгу Закона прочитали царю... Он разорвал свои одежды: ведь он прежде даже не подозревал, до какой степени нарушали этот Закон он сам и его народ!

Это кажется удивительным: как могли они утратить Закон? Ведь Храм стоял на месте, богослужение в нем совершалось ежедневно, люди молились Богу, даже получали от Него чудесную помощь... Но разве не бывает так и в наши дни, что Библия стоит на полке, а человек, даже если он и молится Богу, и совершает обряды, на самом деле и не задумывается о том, что Бог говорит ему в Своем слове? А в те времена, когда не было ни печатных станков, ни библиотек, ненужный текст достаточно быстро терялся. И вот люди по инерции продолжали соблюдать обряды, которые обрастали языческими деталями, и сами, наверное, уже не понимали, где заканчивается вера отцов и начинаются языческие напластования.

Иосия, узнав истину, объявил язычеству настоящую войну. Он уничтожил языческих идолов, разрушил жертвенники, а после этого отпраздновал в Иерусалиме пасху – оказывается, этот главный праздник израильтян так и не отмечали с тех древнейших времен, еще когда в Израиле не было царей! Мы, наверное, даже и не представляем себе, до какой степени этот избранный народ умудрялся иногда забывать о своем избрании. Но даже реформы Иосии уже не могли изменить судьбу Иерусалима. При его сыне Иоакиме Иудея впервые попала в зависимость от новой империи, пришедшей на смену Ассирии – это был Вавилон. Именно вавилоняне в свое время и разрушат Иерусалим.

Но центром духовной жизни израильского народа в любом случае были в ту пору вовсе не царские дворцы. В пустынных пещерах, в домах бедняков и на городских площадях звучала новая проповедь – именно там к народу обращались пророки...

Врезка:

Израильское царство, иудейское царство... Как Северная и Южная Корея, как ФРГ и ГДР, они всегда ощущали свое единство. Но они так и не смогли воссоединиться, потому что человеческие расчеты и интересы постоянно оказывались выше этого единства. Никогда не угасавшая надежда на воссоединение двух частей разорванного народа звучит в одном из псалмов, 132-м:

Песнь ступеней. Давиду.

Как хорошо, как приятно

братьям жить вместе!

Так елей драгоценный с макушки стекает на бороду,

на бороду Аарона, на складки его одежды;

Так роса Хермона стекает по склонам Сиона.

Там Господь заповедал благословение жизни – навеки!

Всё это выглядит сплошной загадкой – и всё оказывается очень простым, если знать обстоятельства жизни того времени. «Песнь восхождения» – вероятно, песнь паломников, идущих в Иерусалим на праздник. А Иерусалим – это город Давида, и всё, что с ним связано, наводит на мысли о славном прошлом Израиля, когда народ был един. Хермон – самая высокая точка Святой Земли, расположенная на территории Северного Царства, а Сион – священная гора, центр Иерусалима, именно на ней и был построен Храм. Сион принадлежал южному Царству. Аарон, брат Моисея, был основателем священнического рода – только его потомки имели законное право приносить в этом храме жертвы. Центральный момент обряда посвящения – помазание будущего священника елеем, то есть оливковым маслом. Елей символизировал милость Божью, которая обильно изливалась на священника и на весь народ. А если говорить об образах из области природы, то наилучшим символом такой милости в засушливой Палестине могла быть утренняя роса и холодные горные источники... Пусть две горы отстоят далеко друг от друга, но им есть, что друг другу подарить: Хермон посылает Сиону росу, а Сион отвечает священническим благословением.

Всё это не нужно было объяснять древнему еврею, но приходится объяснять современному читателю. Но значит ли это, что псалом говорит лишь о давно прошедших временах? Конечно же, нет. Его поют и сегодня, когда хотят выразить это удивительное чувство братства и сопричастности: «как хорошо, как приятно братьям жить вместе!»

14. Илия – молниеносный пророк

Чудеса Илии

Говоря о ветхозаветных пророках, мы обычно имеем в виду тех из них, кто оставил после себя целые книги – это Исайя, Иеремия, Иезекииль, Даниил и другие. Но первым после Моисея пророком, о котором подробно рассказывает Библия, своего рода основателем этой традиции оказался человек, который совсем ничего не писал и очень мало говорил, зато действовал так, что запомнился людям навсегда. Его имя – Илия, оно означает «мой Бог – Господь», и это имя очень точно описывает его миссию. Любой пророк возвещает людям волю Божию. Но прежде, чем говорить о высоком богословии, пророкам предстояло напомнить израильтянам, что их бог – не одно из множества языческих божеств, как у окрестных народов, но Единый Бог, творец неба и земли.

Мы впервые встречаем Илию в год страшной засухи. Конечно, она понималась как наказание от бога за идолопоклонство, но Илия не спешит произносить проповедь. Он просто укрывается в пустыне, у сохранившегося ручейка, и туда, как описывает Библия, «во роны приносили ему хлеб и мясо поутру, и хлеб и мясо по вечеру». Прежде, чем учить других, он сам должен научиться беспредельно доверять своему Богу.

Но, наконец, пересох и этот поток, и Илия отправился к людям. Он пошел не во дворцы, где еще могла оставаться лишняя еда, а к бедной вдове, у которой ее заведомо не было – и попросил у нее пищи. Она ответила: «у меня только есть горсть муки в кадке и немного масла в кувшине; и вот, я пойду, и приготовлю это для себя и для сына моего; съедим это и умрем». Но Илия властно приказал ей сначала накормить его самого, а о дальнейшем не заботиться: «так говорит Господь Бог Израилев: мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю».

От безысходности, или от неожиданности, или всё-таки благодаря своей вере – вдова послушалась пророка и отдала то небольшое, что имела – и так спасла и себя, и сына. Вера может потребовать от человека риска полной самоотдачи – но и награда тогда будет полной. Отныне мука в кадке и масло в кувшине не истощались, так что семья была избавлена от голода.

Хорошо, когда святой человек входит в твой дом! Хорошо – но и страшно. Вскоре после этого сын вдовы заболел и умер. И тогда она, по сути, обвинила пророка в его смерти: «ты пришел ко мне напомнить грехи мои и умертвить сына моего». Это было совершенно несправедливо, ведь мальчика без Илии ждала бы еще более скорая и мучительная смерть от голода! Но вдова очень хорошо понимала одну вещь: когда ты живешь сам по себе, всё серо, не видно ни греха, ни добродетели. Но когда в твою жизнь врывается чудо, пророчество, весть о Боге – все твои грехи лежат у тебя как на ладони, и происходящие несчастья остаются только связать с этими грехами. Наверное, вдове было бы легче думать, что сын умер от естественных причин, чем мучиться сознанием своей виновности.

Но Илия не мог смириться с такой арифметикой: раз женщина греховна, ее сын должен умереть... «Господи, неужели Ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло?» – обратился он к Богу. К чему считать чужие грехи, когда есть Тот, Кто может их простить? Илия просит о милости, скорее даже требует ее – спасая других, пророк может быть очень дерзновенным. И ребенок вернулся к жизни. Пророк спас эту семью – и мог теперь идти ко всему израильскому народу.

Состязание пророков

В те годы Северным царством правили царь Ахав и царица Иезавель, по происхождению финикийка. Языческие культы и прежде практиковались среди древних

израильтян, но при этой паре они стали, по сути, новой государственной религией. И тогда Илия пришел к Ахаву, чтобы бросить вызов. Он предложил царю собрать на гору Кармил четыреста пятьдесят пророков языческого божества Ваала, чтобы там вступить с ними в состязание. Царь согласился.

В назначенный день Илия обратился к народу с такой речью: «Долго ли вам хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте». Но народ молчал, выжидая, чем кончится поединок. . . Илия предложил приготовить два жертвенника – Господу и Ваалу – положить на каждый из них по зарезанному тельцу, но не зажигать огня под дровами. Служители подлинного Бога, несомненно, должны низвести огонь с неба и зажечь свою жертву.

Пророки Ваала целый день плясали перед своим жертвенником. Библия даже донесла до нас издевательские слова Илии: «кричите громким голосом, ибо он бог; может быть, он задумался, или занят чем-либо, или в дороге, а может быть, и спит, так он проснется!» Но ничего не получалось, и тогда Илия приступил к своей жертве. Он всё приготовил, велел обильно полить ее водой, и после его молитвы молния с неба спалила жертву в одно мгновение.

Спор был решен, и судьба пророков Ваала оказалась незавидной – все они были убиты, вполне в духе того времени, когда за истину не полагалось щадить ни свою, ни чужую жизнь. Зато на горизонте показалось долгожданное облачко, которое скоро превратилось в огромную тучу, несущую дождь исстрадавшейся земле. . .

Пламя с небес и огненная колесница

Илии не всегда было просто жить среди своих соплеменников – точнее говоря, большую часть времени ему приходилось скрываться от них или идти на открытое противоборство. Ведь это он обличил Ахава, когда тот отобрал виноградник у простого человека по имени Навуфей – для этого его пришлось ложно обвинить и казнить. Он предсказал его смерть. Он постоянно обличал Ахава и его жену Иезевель, так что не раз ему грозила гибель от царской четы, и ему приходилось бежать от них в пустыни и горы.

Однажды царь послал за ним отряд в пятьдесят воинов – арестовать пророка мог только взвод спецназа, с его точки зрения. Но если уж речь зашла о демонстрации силы, надо было показать, на чьей стороне настоящая Сила. Командир отряда обратился к пророку с такими словами: «Человек Божий! царь говорит: сойди». Ответ пророка был прост: «Если я человек Божий, то пусть сойдет огонь с неба и попалит тебя и твой пятидесяток». Так оно и произошло. Потом история повторилась с другим отрядом. И только на третий раз посланный царем командир нашел правильные слова: «Человек Божий! Да не будет презрена душа моя и душа сих пятидесяти пред очами твоими!» И тогда ангел повелел Илии отправиться с ним к царю – только затем, чтобы возвестить и ему о грядущей смерти: «За то, что ты посылаешь послов вопрошать Веельзевула, божество Аккаронское, как будто в Израиле нет Бога, – с постели, на которую ты лег, не сойдешь с нее, но умрешь».

Впрочем, царям Илия не только грозил – он вымалывал у Господа дождь в засуху, он предвещал царям победу. Ведь он боролся не с царской властью и не с отдельными личностями, а с пороками и грехами богоизбранного народа, с его постоянными уклонениями в язычество. Всё решалось здесь и сейчас, и второй попытки сделать правильный выбор он никому не предлагал.

Время шло, и теперь уже и сам Илия, и его окружение (прежде всего, его ученик и продолжатель его дела Елисей) сознавали, что его земная жизнь подходит к концу. Но сам этот конец был очень непохож на смерть других людей. Вот как описывает его Библия: «Когда они перешли, Илия сказал Елисею: “Проси, что сделать тебе, прежде, нежели я буду взят от тебя”. И сказал Елисей: дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне”. И сказал он: “Трудного ты просишь. Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так, а если не увидишь, не будет”. Когда они шли и дорогою разговаривали, вдруг явилась

колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо. Елисей же смотрел и воскликнул: «Отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его!» И не видел его более».

Именно эта история давала нашим предкам повод думать, что пророк Илия разъезжает во время грозы на огненной колеснице по небу, мечя громы и молнии. Но на самом деле всё куда интереснее. Последняя из книг малых пророков, книга Малахии, заканчивается загадочным Божьим обещанием: «Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного. И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием».

Когда позднее в Палестине вышел на проповедь Иоанн Креститель, люди так и поняли: к ним пришел человек «в духе и силе Илии». Значит ли это, что впрямь Илия уже не придет? Или, напротив, перед концом света следует ждать пришествия этого неумиравшего пророка? Никто не знает точно. Его таинственная фигура так и остается на границе Ветхого и Нового Заветов, ведь недаром в этом пророчестве говорится, что он соединит сердца отцов и детей.

Веяние тихого ветра

Наверное, во всей истории Израиля не было столь грозного пророка, как Илия. Но рассказ о нем содержит один удивительный эпизод, который ясно показывает нам: сила и мощь тут – не главное.

Однажды, скрываясь от Ахава, Илия обратился к Богу с просьбой – он захотел увидеть Его. Очень смелая просьба для человека того времени, когда люди твердо знали: невозможно человеку увидеть Бога и остаться в живых. Но... Израиль совратился в идолопоклонство, царь искал смерти пророка – Илие было так нужно убедиться в реальности Бога, из-за Которого ему приходилось столько претерпеть! И Господь ответил ему: «выйди и стань на горе, и вот, пройдет ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, и там Господь».

Так и христиане после грозных и страшных страниц Ветхого Завета обращаются к тихой и неприметной истории о Младенце, лежащем в вифлеемском хлеву, и верят, что не в огне и буре, а именно там, в веянии тихого ветра» сошел на нашу землю Господь. Но может быть, чтобы его услышать и ощутить, людям действительно было нужно сначала пережить громы и молнии, которые низводил с неба Илия?

Врезка:

Однажды Илия проходил мимо человека, пахавшего на своем участке поля. Илия, не говоря ни слова, бросил на него свой плащ – и это означало, что он берет его в ученики. Пророчество ворвалось прямо в повседневность, и пахарь заколол своих волов и принес их в жертву – а сам пошел за Илией. Его звали **Елисей**, и ему предстояло стать учеником и преемником Илии.

Как проходило это обучение, мы точно не знаем. Библия неоднократно упоминает «сынов пророческих» – своего рода подмастерий при мастерах-пророках. Позднее, говоря об учениках Елисея, повествователь расскажет нам о целой пророческой школе, настолько многолюдной, что в какой-то момент ее ученикам стало тесно в их старом «общежитии», и пришлось им заняться постройкой новых помещений. Но у самого Елисея, видимо, всё было куда менее формально: он просто странствовал со своим учителем, перенимая его опыт и, главное, его пламенную веру и безграничное доверие Господу – ведь именно этому пророк и должен был научить всех израильтян.

Елисей стал учеником продолжателем дела Илии. Это был, по сути, первый пример такого преемничества среди пророков: до сих пор каждый из них был сам по себе. Но ведь

пророческое служение, как и избранничество патриархов, тоже раскрывалось в истории: каждое новое поколение, каждая новая личность раскрывали какие-то новые грани Божественного откровения, продолжая историю того же самого Завета.

О Елисее Библия приводит рассказы, вполне похожие на повествования об Илии. Как и его учитель, Елисей однажды спас от голода вдову с детьми и воскресил затем умершего ребенка. Но не пренебрегал он и самыми простыми повседневными нуждами людей: он помог своему ученику найти утонувший топор, а других учеников снабдил провизией во время голода. В его истории мы находим и первый пример ветхозаветного миссионерства: он исцелил от проказы сирийского полководца и так обратил его к вере в Своего Бога.

Илия, по сути, был первым великим пророком Израиля после Моисея – таким, который меняет судьбы целого народа. Елисей и его ученики позаботились о том, чтобы традиции такого пророчества не прервались со смертью Илии, и ждало их великое будущее.

15. Амос, Осия, Михей, Софония: пророки предупреждения

Амос, не пророк и не сын пророка

Итак, после правления Соломона Северное (Израильское) царство отделилось от Южного (Иудейского), устроило собственные святыни и зажило самостоятельно. Народ не просто разделился на две части, он, похоже, всё дальше и дальше удалялся от того образца, который был ему некогда явлен на горе Синай.

О политической и общественной жизни того времени Библия говорит очень скупой и нелестно. Имена сменяют друг друга, но суть остается прежней: «В тридцать восьмой год Азарии, царя Иудейского, воцарился Захария над Израилем и царствовал шесть месяцев. Он делал неуютное в очах Господних, как делали отцы его. И составил против него заговор Селлум, сын Иависа, и поразил его пред народом и убил его, и воцарился вместо него, и царствовал один месяц. И пошел Менаим, сын Гадия, и поразил Селлума, сына Иависова, в Самарии и умертвил его, и воцарился вместо него»...

Но на этом безрадостном фоне начинают звучать новые голоса – голоса пророков. Первым и самым известным из них был пророк Илия, он оставил учеников, в том числе и Елисея, все они были, что называется, профессионалами: прошли соответствующую подготовку, заняли соответствующее место в обществе. Но, видимо, этого было недостаточно...

Это произошло где-то в середине VIII века до н.э. в Вефиле, в одном из святилищ Северного царства. Местный священник по имени Амасия заметил, что народ не довольствуется простым исполнением ритуалов, он прислушивается не столько к привычным словам молитвы, сколько к тому, что говорит некий странный пришелец, кажется, и вовсе южанин по имени Амос. И что же он говорит? Предвещает царю гибель, а всему народу – плен в далекой земле! Нет, такое никак нельзя было потерпеть. «И сказал Амасия Амосу: “Провидец, ступай отсюда в землю Иудеи, там ешь хлеб, там и пророчествуй. А в Вефиле больше не пророчествуй, ведь это царское святилище”». Амос отвечал так: «Я не пророк, не пророческий сын, я ухаживал за скотом и собирал смоквы. Но Господь взял меня от стад и сказал: “Ступай, пророчествуй народу Моему, Израилю”».

Священник говорит на языке «канонических территорий»: дескать, тут у нас свои святыни, нечего тебе тут делать, ступай, откуда пришел. А пророк отвечает ему, что он не обучался пророческому ремеслу, он не профессионал. Он вообще никто – то ли пастух, то ли земледelec. Дело вообще не в нем, а в той весте, которая передана ему. И если есть что-то особенного в его личности – это неумение молчать, когда ему открыто Слово Господне. Сам он говорил об этом так: «Если в городе в рог трубят – разве не испугается народ? Если бедствие пало на город – разве не Господь его послал? Ведь не делает Владыка Господь ничего, не открыв замысла Своего служителям Своим – пророкам. Лев заревел – кто не устрашится? Владыка Господь заговорил – кто сможет не пророчествовать?

И о чем же он так пламенно возвещал израильтянам? Если особо не прислушиваться, то на первый взгляд как будто призывал их к неукоснительному соблюдению религиозных обрядов: «Хоть каждое утро приносите свои жертвы, хоть раз в три дня – десятины... повсюду кричите о дарах добровольных, вы же любите это, сыны Израилевы!» Да, эти люди были очень благочестивы... на свой лад. Чем больше религиозных обрядов, тем больше благочестия, не так ли? Тем угоднее они Богу?

Только Бог устами Амоса возвещал им совсем другое: «Мне противны, ненавистны ваши празднества, неуютны мне собрания ваши. Принесете всежжения и жертвы – не приму... Пусть потечет правосудие, как вода, праведность – как непересыхающий поток!» Оказывается, с Богом невозможно «договориться», принося Ему щедрые дары. Нужно

еще и праведно жить, причем эта праведность касается не только личного благочестия, но и отношений с другими людьми. Справедливость и милосердие намного важнее для Него, чем неукоснительное исполнение обрядов – тем более, что и обряды становятся всё более языческими там, где люди забывают о главном.

«Ибо так говорит Господь дому Израилеву: ищите Меня и будете живы!» – такой универсальный призыв обращает к израильтянам Амос. Закон предписывал, как совершать богослужение и как строить жизнь внутри общины, но никакой закон, конечно, не мог предусмотреть всех тонкостей и деталей. Вместо того, чтобы дополнять детали, которых нет у Моисея, пророки, начиная с Амоса, напоминают о главном принципе: неустанно искать Бога, стремиться к Нему, познавать Его. И только так может выжить народ Божий, только этим может жить человек.

Впрочем, Амос говорил не только об израильтянах. У него впервые прозвучала и весть о том, что Господу дороги все народы, что избранничество Израиля – вовсе не повод для гордости, а особая ответственность. Да, Господь некогда создал этот народ для Самого Себя, когда Он вывел толпу рабов из Египта и даровал ей Закон... но разве только об израильтянах его забота? «Сыны Израилевы, не то же ли вы для Меня, что и сыны Эфиопии? – пророчество Господа! – Израильтян Я вывел из земли египетской, а филистимлян – с Крита, а сирийцев – из Кира».

Вот еще одна очень важная тема пророческой проповеди: единство человечества, всеобщность спасения. Израиль играет особую роль в этом замысле Божьем, но замысел касается не одного только народа, а всех людей.

Осия, верный муж неверной жены

Младшим современником Амоса был пророк Осия, который тоже проповедовал в Северном (Израильском) царстве. Оно к тому времени уже попало в сферу влияния ассирийцев, его история клонилась к закату, но было еще время, чтобы предупредить народ об опасности и позволить им изменить свое будущее.

Но слов, видимо, было уже недостаточно. Осия не просто говорит – он действует. И что же, как мы могли бы ожидать, он ниспровергает языческих идолов, борется за политическую власть, чтобы железной рукой загнать свой народ к счастью? Нет. Пророк никогда и никого ни к чему не принуждает – он возвещает людям то, что хочет им сказать Бог, и оставляет каждого делать собственный выбор. Ценой бывает собственное спокойствие и даже жизнь пророка – и Осия по велению свыше делает нечто неслыханное, скандальное, нечто такое, что наверняка не останется незамеченным.

Он берет в жены блудницу, распутную женщину – и при этом заботится о ней, хранит ей верность. Он даже дает рожденным ей детям странные имена: мальчик Ло-Амми, что значит «не мой народ», девочка Ло-Рухама, то есть «не помилованная». Зачем всё это? Господь говорит Осии: «Ступай, по-прежнему люби ту женщину – любовницу другого, прелюбодейку, как любит Господь сынов Израиля, а они глядят на чужих богов». И всё, что рождается от такого блуда, не похоже на народ Божий, и не вправе ждать милости от Него.

Но семейная жизнь Осии – всего лишь подобие, всего лишь иллюстрация чего-то гораздо более значительного. Союз Бога с Его народом подобен союзу мужа и жены. Но народ изменил своему Богу, он живет, как считает нужным, и поклоняется при этом языческим божествам. А от своего Бога думает откупиться жертвоприношениями – так ведут себя и в Северном царстве (его еще иногда называли Ефремом, по имени самого большого племени), и в Южном, Иудейском. «Что Мне делать с тобой, Ефрем? Что Мне делать с тобой, Иуда? Верность ваша – как утреннее облачко, как роса, что тает на заре... Я требую верности, а не жертвы, познание Бога – выше всеожжаний!»

Вновь и вновь звучат слова о том, что никакое познание Бога невозможно без соблюдения элементарных законов человеческого общежития, без социальной справедливости, без милости к слабому. Язычество израильтян, их неверность Богу – не

только в том, что они приносят жертвы идолам, но и в том, что они не почитают образа Божьего в своем ближнем. «Слушайте Слово Господне, сыны Израиля: у Господа тяжба с народом этой земли; нет ни милости, ни истины, ни богопознания в этой земле! Проклятия и обман, убийство, воровство и блуд – вот что в ней процвело».

Но как бы ни были суровы пророческие обличения, пророк всегда дает и надежду. Смысл не в том, чтобы рассказать людям, какие они плохие, а в том, чтобы сделать их лучше – и однажды всё обязательно изменится, уверен пророк. «И будет в тот день – пророчество Господа! – ты назовешь меня мужем, и не будешь больше звать господином... Я в тот день заключу для вас завет со зверями полевыми, небесными птицами, с живностью ползучей, с мечом и луком – прогоню войну от этой земли, и дам вам почивать безопасно. Обручусь тогда с тобой навек, обручусь с тобой в праведности и справедливости, в милости и милосердии, обручусь с тобой в верности – и познаешь ты Господа».

Михей, бедняк Господень

Пророк Михей обычно теряется в тени своего великого современника и, возможно, даже учителя – пророка Исайи. В самом деле, их пророчества созвучны меж собой вплоть до буквальных совпадений. Но если Исайя (о нем – следующая глава) был священником иерусалимского Храма, то Михей, судя по всему, был человеком простым и незнатным. От того особую остроту обретали в его устах обличения богачей, грабящих народ по собственному произволу:

«Горе тем, кто замышляет преступления, готовит злодейство, лежа на постели, чтобы совершить его утром, при свете, потому что сила у них в руках! Приглянулось им поле – заберут, понравился дом – захватят; лишают человека собственного дома, отбирают наследие отцов». Он, видимо, слишком хорошо знал, каково это – оказаться жертвой подобных махинаций с недвижимостью.

Мы ничего толком не знаем о нем, как и о многих других пророках, чьи книги читаем в Библии. Но имя его нередко связывают с «бедняками Господними» – простыми, незнатными людьми, которые не могли приносить обильные жертвы во Храме уже просто потому, что приносить им было нечего. Но значит ли это, что они никак не могли послужить Господу? Совсем нет!

«С чем же предстану я пред Господом, как поклонюсь Вышнему Богу? Предстану ли пред Ним со всесожжениями, принесу в жертву годовалых тельцов?... Сказано тебе, человек, что есть добро и чего ждет от тебя Господь: поступать справедливо, хранить верность, смиренно ходить пред Богом твоим». Пожалуй, именно здесь впервые прозвучала эта мысль: смирение, умаление себя перед Богом – не меньшая, а даже большая жертва, чем животное, сожженное во дворе Его храма. И эта жертва всегда доступна человеку, она не стоит никаких денег – и в то же время стоит так дорого, что лишь самое благородное, самое чистое сердце может добровольно смирить себя перед Богом.

А где смирение, там и надежда на милость свыше, на то, что Бог примирится с человеком не потому, что человек заслужит Его доброе отношение своей безупречной жизнью, или соблюдением правильных ритуалов, или еще каким-нибудь способом – а просто потому, что Бог Сам желает этого примирения и не хочет, чтобы человек погиб. «Есть ли бог, подобный Тебе, который прощал бы вину, отпускал бы грех остатку наследия своего? Не всегда силен Его гнев, милосердие радует Его!»

А потому, говорит пророк, однажды наступит такое время, когда исчезнет не только вражда человека с Богом, но и войны народов между собой. «Рассудит народы меж собой Господь, споры могучих дальних народов решит, и перекуют они мечи на плуги, копья – на садовые ножи, не поднимут народы друг на друга меча, и не будут впредь учиться воевать».

С этим чудным временем Михей связывает некое очень важное событие: «А ты, Вифлеем-Эфрафа, хоть и мал среди родов Иудеи, из тебя произойдет Тот, кто будет править в Израиле – происхождение его издревле, от дней вечных». Когда через несколько веков волхвы на Востоке увидели чудесную звезду и пришли в Иудею, чтобы поклониться новорожденному Царю, придворные тогдашнего правителя Ирода вспомнили именно это пророчество и сказали волхвам, что младенца надо искать в Вифлееме. Туда они и отправились – и туда же, к месту рождения Христа, долгим и трудным путем шла вся традиция ветхозаветных пророчеств. И не просто шла, а вела за собой народ Израиля, а за ним – и все остальные народы мира.

Софония и День Господень

Но было бы неверно думать, что приход этого замечательного времени был связан лишь с радостными и светлыми ожиданиями. Софония – пророк из круга того же Исаяи, возможно, его ученик, говорил о наступлении Дня Господнего. Это выражение было вполне привычно израильтянам того времени, они связывали с этим днем самые радужные ожидания: вот тогда Господь накажет всех нечестивцев, установит Свое правление на земле, и, конечно же, избавит Свой народ от бедствий.

Накажет всех нечестивцев? А не предостережение ли это для нас, спрашивает Софония... Его книга начинается страшными словами: «Положу конец всему, что есть на земле, – пророчество Господа, – положу конец и людям, и зверям, птицам небесным и рыбам морским, искушениям вместе со злодеями – смету с лица земли род людской!» Впоследствии именно о таком будет говорить новозаветная книга Откровения, и не только она – пророчества о конце времени, о завершении земной истории звучат так страшно, потому что зло глубоко проникло в саму человеческую природу. Окончательная победа над злом будет означать, по сути, уничтожение этого мира, каким мы его знаем. «Близок Господень День великий, близок он, спешит, не медлит!... Этот День – день гнева, день скорби и печали, день пагубы и гибели, день тьмы и мрака, день черной тучи; день трубного зова, битвы против крепостей могучих, против башен высоких!... Не спасет ни серебро, ни злато в День гнева Господня; огонь ревности Его всю землю опалит, и постигнет страшный конец всех, кто обитает на земле».

Но тут же звучат и слова надежды. Беда вовсе не предопределена, грозное предупреждение дается именно затем, чтобы беды можно было избежать. Пророк продолжает: «Соберитесь, соединитесь, народ беспечный, пока не настал еще срок, пока пролетают дни, словно пыль – пока не постигла вас ярость гнева Господня, пока не настиг вас день гнева Господня! Ищите Господа – все, кто смирен в этой стране, кто следует справедливости Его! Ищите правды, ищите смирения – может быть, минует вас день гнева Господня».

Не жалея красок, пророк расписывает грядущую гибель Ассирии, самой могучей державы того времени. Ассирия действительно скоро падет под ударами иной великой державы, вавилонской. Но едва ли Вавилон будет лучше... Да и вообще, дело вовсе не в геополитике и не в национальности. Ниневия, столица Ассирии, гибнет из-за собственной надменности и развращенности – и нетрудно представить себе, как такая же судьба может постичь совсем иные города: «Вот он, праздничный город, что ныне живет так беззаботно, говорит в сердце своем: “Вот я, и никто, кроме меня!”... Горе городу притеснителей – грязному, оскверненному! Слов он не слушает, упрекам не внимает, на Господа не уповаet, к Богу своему не приближается. Князья в нем – что львы ревушие, судьи – что ночная волчья стая, до утра добычу не оставят! Пророки его наглы и вероломны, священники оскверняют святыню и Закон извращают. Но в нем праведен Господь, не творит Он разврата, утро за утром производит суд, правоту Его освещает заря».

И слова, которые звучат сначала о Ниневии, поневоле начинаешь относить к Иерусалиму, где стоит Храм, место видимого присутствия Господа. Впрочем, что в этом

удивительного? Если иерусалимская знать хочет подражать знати ассирийской – ее судьбу она, наконец, и разделит.

Впрочем, и этот конец совсем не будет завершением всей истории Израиля. Софония, предсказывая бедствия своему народу (если он только не одумается!), говорит и о его грядущем восстановлении, хотя не знает, как именно оно произойдет: «Господь, твой Бог, теперь с тобою, Он могуч, и за ним победа; веселясь, Он о тебе ликует... В то время Я вас поведу, в то время, Я вас соберу, и будут вас восхвалять и почитать среди всех народов земли».

Всё, что встречаем мы у ранних пророков: обличение греха, призыв к справедливости и милосердию, угрозу страшных разрушений и надежду на грядущее восстановление, и в особенности пророчество о грядущем чудесном рождении великого Царя, – всё это с особой яркостью и полнотой выражено в книге Исаяи. О ней – следующая глава.

Врезка:

Израильтянам был дан Закон, у них существовал Храм, возникло у них и собственное государство. Казалось бы, всё самое главное у них уже было, и для общественной, и для духовной жизни. Зачем же были нужны еще и **пророки**?

Во многих религиях, даже в самых примитивных, существуют своего рода посредники между миром богов и миром людей – они возвещают людям волю высших существ, открывают тайны, предсказывают будущее. Некоторые из упомянутых в Библии пророков и относились к числу таких провидцев, только в Библии не сохранилось книг, которые носили бы их имена. Этих пророков были десятки и сотни, они были профессионалами своего дела, но после смерти каждого из них едва ли люди хранили о нем память.

Но в Израиле сохранилась память о совсем иных пророках. Они совсем не были профессионалами, как сказал о себе Амос, но они не могли молчать, если Бог открывал им то, что Он хотел сказать Своему народу. Они не работали «по заказу» царей или простых людей, напротив, они часто вступали с ними в конфликт, потому что открывали людям волю Божью – а она редко совпадала с тем, что хотели услышать сами люди. Эти пророки – обличители и наставники своего народа.

Они не просто предсказывали будущее, но скорее приподнимались над потоком времени, и с точки зрения вечности оценивали историю своего народа и поступки окружавших их людей, а потому могли сказать, что ждет их дальше. Это был не столько взгляд в будущее из настоящего, сколько взгляд на настоящее с точки зрения вечности. Именно поэтому слова пророков не утратили своего значения и по сей день – ведь вечность не может устареть, да и человек с тех пор мало изменился.

Пророки действовали и говорили от имени Единого Бога. Именно в такой последовательности: действовали и говорили, ведь у ранних пророков, прежде всего у Илии, мы видим в основном действия. Вдохновенная поэзия Исаяи, тонкие переживания Иеремии, таинственные видения Иезекииля – всё это придет немного позже, сначала были яркие, парадоксальные поступки: выбить людей из среды привычных представлений, чтобы сообщить им нечто новое.

Да, у них были Закон и Храм, но сами по себе ни текст, ни здание, ни распорядок богослужений еще не обеспечивали общения с Богом, еще не давали гарантии, что воля Божья будет понята правильно и полно. Применить эту волю к себе самому и так изменить свое будущее и будущее своего народа – вот какую задачу решали пророки, и помогали решить ее тем, кто их слышал.

16. Исаия – Пророк с большой буквы

Призвание Исайи

Как в русской литературе есть главный поэт – Пушкин, – так и в Ветхом Завете есть главный пророк – Исаия. В былые времена, если приводилось некое пророчество из Ветхого Завета, то по умолчанию считалось, что принадлежит оно непосредственно Исаие, особенно если в этом пророчестве мы видим указание на Христа. Конечно, Исаия не был первым, из чьих пророчеств была составлена целая книга – как минимум Амос был старше его, а возможно, и не один он. Но, пожалуй, никто из пророков не говорил ярче Исаии, никто не затрагивал столь разных и глубоких тем. И в этом смысле он действительно первый из пророков.

Сам Исаия был из числа священников иерусалимского храма – тех самых людей, которые должны были говорить с людьми о Боге. Но не всегда у них это получалось, не всегда этого и хотелось – многим достаточно было совершать привычное богослужение. Именно во время богослужения получил призыв свыше и Исаия. Ему по жребию довелось зайти внутрь святилища, в место таинственного присутствия Бога, называемое «Святое святых». И там...

«Видел я Господа: он восседал на высоком, вознесенном престоле, а полы Его одеяния наполняли Храм. Перед Ним парили серафимы, у каждого по шесть крыльев: двумя прикрывали они лица, двумя – ноги, а на двух летали. Они зывали друг ко другу: “Свят, свят, свят Господь Воинств, земля исполнена славы Его!”... Тогда я сказал: “Горе мне, я погиб! Я человек с нечистыми устами, и живу среди народа с нечистыми устами, а мои глаза видели Царя, Господа Воинств” Но один из серафимов подлетел ко мне, держа щипцами горящий уголь с жертвенника. Он коснулся моих уст и сказал: “Теперь, когда это коснулось твоих уст, твоя вина удалена, твой грех прощен”. И я услышал, как Господь говорил: “Кого послать? Кто пойдет за Нас?” Я отозвался: “Вот я, пошли меня!” Он ответил: “Иди и передай этому народу: слушаете, слушаете – да не понимаете, смотрите, смотрите – да не понимаете! Очерствело сердце этого народа, уши оглохли, глаза закрылись не услышат ничего, не увидят, сердцем не уразумеют, не обратятся ко Мне за исцелением”».

Обратим внимание: Исаия – доброволец, он сам вызвался на проповедь, прекрасно осознавая при этом свое недостойство. Но в чем же состояла его весть? Жители Иерусалима продолжали соблюдать Закон, приносили положенные жертвы, заботились о святилище. Но многие из них предпочли забыть, что Бог ждет от человека не только исполнения религиозных обрядов, но и праведного поведения. Бог не принимает молитв человека, который угнетает своего ближнего. С самого начала своей проповеди Исаия передает народу слова Господа, и в этом он продолжает традицию других пророков: «К чему мне множество ваших жертв, – говорит Господь, – пресытился Я сожженными баранами и жиром отборного скота, не угодна мне кровь тельцов, баранов, козлов! Вы приходите предстать предо Мной – но кто требует от вас во дворах Моих топтаться? ... Новомесечия ваши и торжества Мне ненавистны; для Меня они – бремя, устал его нести! Простираете ко Мне руки – Я тогда отвожу глаза; множите молитвы – Я не слышу: руки ваши полны крови. Омойтесь, очиститесь! Удалите злодеяния свои прочь с глаз Моих, прекратите творить зло; научитесь творить добро, ищите правды, порицайте угнетателей, окажите справедливость сироте, правый суд подайте вдове. Вот тогда приходите, и рассудим!»

А еще Исаия рассказывал своим слушателям притчу о винограднике: Хозяин насадил его на тучном холме, обнес оградой, сделал всё, чтобы получить отборный урожай. Но виноградные лозы принесли ему только дикие, кислые плоды. Что станет он делать с таким виноградником? Конечно, забросит его, чтобы прохожие его опустошили.

И этот виноградник – не что иное, как избранный Богом еврейский народ... Какой шок должна была вызывать эта весть среди его слушателей! Пройдут века, и уже Иисус будет рассказывать новую притчу о винограднике потомкам слушателей Исайи, и они точно так же будут удивляться и возмущаться Его словам.

Таинственное рождение

Но в книге Исайи мы находим не только грозные предупреждения. Вот он встречается с царем Ахазом, который боится нашествия врагов – Северное (Израильское) царство вступило в союз с Сирией и готовится напасть на Иудею. Но пророк говорит царю: «не бойся». И тут же произносит слова, которые вызывают споры богословов вот уже две тысячи лет: «Сам Господь даст вам такое знамение: Дева понесет во чреве и сына родит, нарекут ему имя Эммануил... Прежде, чем научиться мальчик отвергать дурное и выбирать доброе, придет в запустение страна, двух царей которой ты страшишься».

Что имел в виду пророк? Возможно, указывал на стоящую поодаль молодую женщину или на жену царя, и имел в виду, что не успеет подрасти ее сын, которого она должна была родить, как союз двух царей распадется. Но, с другой стороны, имя *Эммануил* означает не что иное, как «с нами Бог»... Еще до Рождества Христова евреи стали верить, что здесь имеется в виду некое чудесное рождение особенного младенца – ведь политические события времен царя Ахаза уже ничего не значили для них.

Когда у Девы Марии в Вифлееме родился Младенец, она – а следом за ней и евангелист Матфей, и все христиане – увидела в Нем исполнение пророчества Исайи. Казалось бы, детали не совпадают – младенца назвали не Эммануил, а *Иисус* (это имя означает «Господь спасает»). Но здесь при несовпадении имен совпадают их смыслы: Господь приходит к Своему народу и спасает его.

Пророчество всегда неоднозначно, ведь это не метеорологический прогноз и не расписание движения поездов, которые очевидным образом сбываются или не сбываются в конкретный отрезок времени. Пророчество причудливым образом соединяет вместе различные пласты исторического бытия и говорит одновременно о временном и о вечном.

Другой Исаия?

Здесь перед нами встает очень интересный вопрос: а всю ли книгу Исайи написал иерусалимский священник VIII века? Он жил более, чем за сто лет до того, как Иерусалим был разрушен и значительная часть его населения была уведена в вавилонский плен. И тем не менее, вторая часть его книги, начиная с сороковой главы, сообщает радостную весть: вавилонское пленение скоро закончится, евреи вернутся домой, Иерусалим будет заново отстроен!

Конечно, пророк мог предвидеть всё это заранее. Но имело ли смысл говорить об этих вещах людям, которые даже не доживут до падения Иерусалима? Представим себе, что кто-то в России во время войны с Наполеоном стал бы пророчествовать о скором падении советской власти... Да его бы просто не поняли, пророчество было бы полностью лишено смысла! Примерно так бы выглядело пророчество о скором окончании вавилонского плена для тех, кто еще и не думал о вавилонской угрозе.

Именно поэтому мы можем считать, что на самом деле эти слова произносил другой пророк, наследник Исайи Иерусалимского, который добавил свои слова к пророчествам великого предшественника – произносил их уже во времена плена, когда это пророчество было действительно актуально. Дело в том, что в древности иначе относились к вопросам авторского права. Людям того времени было не так важно знать, кто впервые произнес те или иные слова, гораздо важнее было понять, какую духовную традицию эти слова продолжают. И в этом смысле отсылка к Исайе совершенно верна: это действительно пророчество в его духе, его силой – так же, как Иоанн Креститель в Евангелии был своего рода новым воплощением пророка Илии, хотя, конечно, он был

совершенно отдельным человеком. Иногда этого нового автора называют Второисайей. Впрочем, не все согласны с этим подходом, да и не так важно, кто именно сказал эти слова. Важно, что Ветхозаветная Церковь приняла их как свое Писание и включила в книгу пророка Исайи.

О чем же говорит это пророчество? Прежде всего – о возвращении иудеев домой, которое должно стать свидетельством Божьей славы и величия: «Приготовьте в пустыне Господень путь, распрямите степные тропы для нашего Бога! Всякая долина возвысится, всякая гора или холм понизятся, неровное разгладится, и выпрямится кривое. И явится слава Господня, и увидят ее все люди – так сказали уста Господни! ... Как прекрасен гонец, по горам бегущий, несущий добрую весть о мире, благу весть о спасении! Кричит Сиону: “воцарился твой Бог!” Вот и голос твоих дозорных, с ликованием все вместе возглашают – видят своими глазами, как Господь возвращается к Сиону». Сионом здесь называется город Иерусалим, центр которого был на горе с названием Сион.

Отрок Господень

С возвращением всё понятно. Но пророчество второго (?) Исайи не ограничивается этой радостью. Она сменяется удивительными словами об Отроке Господнем, который претерпел множество мучений за других людей. О ком идет речь? Как связано это с возрождением Иерусалима? Трудно сказать однозначно. Давайте сначала прочитаем эти строки:

«Кто поверил тому, что от нас услышал? Кому открылась сила Господня? Он вошел перед Ним как росток, как корень из сухой земли, неприметен он, не величествен, посмотрели мы на него – не разглядели ничего привлекательного. Он был умален, пред людьми унижен, человек-страдалец, изведавший боль, отворачивали от него лица, ни во что мы его не ставили. А он понес на себе наши раны, нашу боль на себя принял; мы-то думали, что это он Богом поражен, уязвлен и унижен. Он был за грехи наши ранен, за пороки наши претерпел, он наказан – и мир нам дарован, его страданиями мы исцелились!»

Одни толкователи говорят, что здесь подразумевается весь израильский народ, который должен был привести к Богу всё человечество, не знавшее в те времена Единого Бога. Такие слова, видимо, могли обратиться к Израилю язычники. Но здесь недвусмысленно сказано, что Отрок не был ни чем виновен, тогда как грехи израильтян – постоянная для всех пророков тема.

Другие полагают, что здесь пророк имеет в виду себя самого. Да, мы знаем, как часто верная проповедь навлекала на пророков гонения и даже мученическую смерть, и церковное предание действительно рассказывает, что за свою проповедь Исайя много пострадал при царе Манассии. В конце концов, царь приказал убить его, перепилив деревянной пилой, чтобы причинить как можно больше мучений. Но всё же... не слишком ли громко звучит такое заявление о себе самом? Не имеет ли пророк в виду кого-то другого?

Уже в древности среди иудеев возникла надежда на приход великого царя, который установит царство праведности и справедливости на земле. Такого царя из числа потомков Давида называли Помазанником – на древнееврейском это слово звучит как «Машиах» (отсюда русское «мессия»), а на древнегреческом как «Христос». И поэтому можно согласиться с теми, кто видит здесь указание на приход такого царя. Но именно Исайя говорит об удивительных вещах: славе Мессии будет предшествовать страдание за грехи других людей! Его победа не будет легкой прогулкой, ему придется пройти через боль и даже смерть. Но всё окончится его победой, которая принесет благие плоды и другим людям.

Стоит ли удивляться, что через пять с лишним веков эти слова сочли пророчеством о судьбе Иисуса из Назарета? Конечно, тот, кто произнес их, не знал и не мог знать

историю Его жизни. Но ведь пророк говорит не только от себя, он передает ту весть от Бога, которую порой и сам не понимает до конца.

Новый мир

В особенности это касается таких страниц книги, где пророк описывает некий новый мир, в котором всё будет иначе, чем теперь: «Я творю новое небо и новую землю, а о прежних и память исчезнет, на ум они никому не придут. Вечными будут радость и ликование о сотворенном Мною; Я творю Иерусалим радостным, народ его – веселым!... Не успеют они позвать, как Я отвечу, еще не кончат говорить, как Я услышу. Будут вместе пастись волк и ягненок, будет лев, как вол, питаться травой, а пищей змею будет прах. Не будет на святой Моей горе ни пагубы, ни гибели, – говорит Господь».

О чем же это? Конечно, трудно ожидать, что волки и львы в буквальном смысле когда-нибудь станут вегетарианцами. Можно понимать эти слова в духе басен дедушки Крылова: хищные и кровожадные люди, которых можно уподобить волкам, больше не будут губить своих безответных соседей, похожих на ягнят.

Но можно увидеть здесь описание иного, лучшего мира, где не будет ни старости, ни болезней, ни смерти, даже среди животных. На что будет похож этот мир? И как будет выглядеть лев, которому не нужно никого грызть? Об этом можно только догадываться – даже в наше время мы ничего не знаем наверняка об этом мире.

Пророк уверен только в одном: этот лучший мир будет предназначен не для одних иудеев, но для всего человечества. Сейчас эти народы могут быть слепцами, не ведающими Бога язычниками, но настанет время, когда жители Иерусалима вернутся в свой город, а все люди обратятся к своему Творцу: «Не бойся, Я с тобою! С востока приведу твое племя, с запада его соберу; северу скажу: “Отдай их”, – и югу: “Не держи у себя!” Приведи сыновей Моих издалека, дочерей Моих с краев земли, – всех, кто именем Моим назван, кого для славы Своей Я сотворил, создал и устроил».

В чем же смысл религии?

Но пока люди живут на прежней земле, и их отношения с Богом облекаются в форму конкретной религии с ее устоявшимися формами: обрядами, молитвами, постами. Поэтому и теперь пророку приходится говорить и о том, зачем нужна эта религия, что дает она человеку. Пророк изображает диалог между верующими, которые гордятся тщательным исполнением всех предписаний, и Богом, Которому они думают послужить. «Что ж Ты не видишь, как мы постимся, знать не хочешь, как смиряем свои души?» – спрашивают они. И Господь отвечает:

«Да вы в день поста творите, что пожелаете, угнетаете работников своих! Поститесь вы для ссор и раздоров, кулаки распускаете от злобы. Будете поститься, как сейчас – голос ваш в выси не услышат. Такой ли пост Я избрал – день, когда смиряет себя человек, голову склоняет, как тростник, ложится на рубище среди пепла? Это ли зовете вы постом, днем, угодным Господу? Вот какой пост Я избрал: разбей оковы неправды, сними ярмо угнетения, измученных отпусти на волю, уничтожь всякое ярмо! Раздели с голодным твой хлеб, нищего странника введи в свой дом, а увидишь нагого – одень его, ведь от собственной плоти не отвернешься! Тогда как заря, воссияет твой свет, исцеление к тебе поспешит, праведность твоя пойдет пред тобою, а слава Господня – по твоим стопам. И вот тогда позовешь, и Господь ответит, ты возопишь, и Он отзовется».

Религиозность, которая не обращает внимания на стоящего рядом с тобой человека, совершенно бесполезна. Отношения с ближним – школа твоих отношений с Богом, непременное их условие. Об этом долго и подробно будут говорить авторы Нового Завета. Но об этом уже знал Исайя из Иерусалима, знали те, кто пошел по его стопам, и знал тот пророк, который продолжил его книгу. Может быть, ее продолжал даже не один человек.

Пророк Исайя действительно сумел подняться над временем, и потому его книга оставалась новой и актуальной во времена Вавилонского плена и во времена земной жизни Христа. Такой остается она для нас и сегодня.

Врезка:

Предположение, что не всю книгу Исайи писал один и тот же человек, многим кажется скандальным. То ли Библия теперь – недостоверная книга, то ли, напротив, современные ученые – безбожники, которые хотят ее таковой выставить.

Но прежде, чем давать такие оценки, мы можем посмотреть на еще одну книгу – Притчи Соломона. Кто написал ее? Первый ответ, который сам напрашивается – конечно же, царь Соломон! Но если вчитаться, мы увидим: сама книга свидетельствует, что она не была написана Соломоном в том виде, в каком мы ее сейчас знаем. Во-первых, она содержит слова и других мудрецов (по именам названы Агур и Лемуил, но там могли быть и другие). Во-вторых, даже притчи собственно Соломона окончательно собрал не он – часть его изречений передавалась из уст в уста и была записана спустя несколько веков, как сообщает нам и сама эта книга. 25-я глава начинается словами: «это притчи Соломона, которые собрали мужи Езекии, царя Иудейского». Значит, эту главу точно не записывал Соломон, и мы даже не можем быть уверены, что все его изречения вошли в нее точно в том виде, в котором он их произнес – всё-таки между ним и этой записью сменились поколения.

Примерно то же самое мы видим и в Псалтири, которую привычно связывают с именем царя Давида. Но вот псалом о том, как израильтяне тоскуют на реках вавилонских, сочинил явно не он: при нем был еще не был построен Храм, о разрушении которого скорбел автор псалма. Очевидно, что перед нами целая поэтическая традиция, и Давид – самый яркий в ней поэт, как и Соломон – главный мудрец среди прочих мудрецов Ветхого Завета. Нечто подобное можно сказать и об Исайе как о самом главном пророке.

Но **авторитетность** этим книгам придает вовсе не чье-то личное **авторство**. Их читают и почитают не потому, что они были написаны какими-то особыми людьми, ведь великие герои веры Ной или Авраам не оставили нам никаких книг, а автор или авторы книг Руфи и Царств – своего имени. До нас дошли книги, которые были отобраны общиной верующих, и именно эта община признала их своим Священным Писанием, сохранила и передала нам. Имена в заглавиях этих книг – не обязательно указание на авторство в современном смысле слова, а скорее напоминание о тех великих людях, чьи жизни стали эпизодами Священной Истории, чьи слова легли в основу Священного Писания.

17. Иоиль, Аввакум, Наум, Иона: пророки разрушения

Иоиль, очевидец нашествия

Пророки долго и упорно предупреждали израильтян: если они не изменят свой образ жизни, их ждут самые настоящие бедствия. Но тогда людям, как, впрочем, и сегодня, совсем не хотелось думать о неприятном, а еще меньше хотелось отказываться от привычного образа жизни и связанных с ним удовольствий. Может быть, как-нибудь проскочим?

Не получилось, и в речах других пророков зазвучали уже иные мотивы. На оба царства, Израильское и Иудейское, нападали враги, они страдали от природных катастроф – но это была не бессмысленная жестокость врага, не слепая мощь природы. За всем этим стоял замысел Божий, и если люди готовы были услышать его и принять, они могли прекратить постигшее их бедствие. И более того, даже в самый мрачный час Господь не оставлял Свой народ, Он напоминал, что новое начало всегда возможно.

Одним из таких «пророков разрушения» был Иоиль. Никто точно не знает, когда он жил и проповедовал. Мы даже толком не понимаем, о чем именно он говорил: то ли о нашествии саранчи, которая сожрала все посевы, то ли о вторжении безжалостных врагов, погубивших страну еще хуже саранчи... А может быть, о том и другом сразу? И если о врагах, что это были за враги: ассирийцы, вавилоняне или кто-нибудь еще?

Зато мы знаем, где звучала его проповедь: в Иудее, причем в те времена, когда в ней стоял Храм. Правда, и тут мы не уверены: тот ли Храм, который был построен Соломоном, или же Второй, восстановленный после возвращения израильтян из вавилонского плена?

Точно не известно, ведь история, увы, имеет свойство повторяться, и повторяется, как правило, не самое радостное и светлое в ней. «На землю Мою вторгся народ могучий, неисчислимый, зубы у него, как у льва, клыки у него, как у львицы. Лозу Мою он опустошил, смоковницу Мою ободрал, донага ее обнажил и бросил, ветви ее побелели. Рыдай, как одетая в рубище дева рыдает о юном женихе! Прекратились в доме Господнем хлебные приношения и возлияния, в трауре священники, служители Господа».

Этот народ захватчиков так могуч, что пророк даже как будто любит им: «Распространился как заря по вершинам, народ многочисленный и мощный, какого не бывало издревле и уже не будет впредь... Перед ним земля – как Эдемский сад, позади – разоренная пустыня, и ничто не укроется от него... Бегут они, как богатыри, как воины, всходят на стены, каждый идет своей дорогой, не сбиваясь с пути». Мы привычно воспринимаем любое бедствие как нечто черное и страшное, не видим в нем ничего такого, чем можно любоваться... Но оказывается, своя красота, свой порядок, свой смысл есть и в разрушении. И в чем же может заключаться этот смысл?

«Но и теперь не поздно – пророчество Господа! Обратитесь ко Мне от всего сердца с постом, и с плачем, и с рыданием. Разрывайте свои сердца, а не свои одежды, обратитесь к Господу, вашему Богу, ибо Он благ и милосерд, Его гнев медлит, а милость велика, и о бедствии Он сожалеет». Отчего пророк не звал сограждан к оружию (если это вражеское войско), или на борьбу с вредителями (если всё-таки саранча?). Можно дать простой ответ: при нашествии ассирийцев, вавилонян или саранчи бороться бесполезно, можно только стараться что-то укрыть от жадного полчища. Но напрашивается тут и другой вывод: все эти разорители действуют не сами по себе, они – своего рода орудие Божьего гнева, и только Бог может их остановить.

Это вообще основной принцип пророческой проповеди: что бы ни происходило с тобой и твоим народом, всё это происходит между тобой и Богом. Именно поэтому даже те пророки, кто долго и подробно говорит о разрушении, находят и слова надежды, обещают возрождение и процветание. Иоиль говорит о них как уже о чем-то

состоявшемся. Полчища действительно ушли? Или это его яркая вера в то, что однажды так оно обязательно и произойдет, и потому он говорит о желанном как о состоявшемся? «Возревновал Господь о Своей земле, пожалел Свой народ... Не бойся, земля, ликуй и веселись: великое совершил Господь! Не бойтесь, звери полевые: зеленеют пастбища в степи, приносят плоды деревья – смоковница и виноград дают свою силу. Ликуйте и радуйтесь, сыны Сиона, о Господе, вашем Боге – Он дарует вам Учителя Праведности, ниспошлет на вас дожди, и осенние, и весенние, как прежде. Переполнятся тогда гумна зерном, потекут в давяльнях через край сок лозы и масло оливы».

Как и в пророчествах Исаяи, как и у многих других пророков, здесь звучат намеки на некоего совершенно особого человека, которого Бог пошлет к Своему народу, чтобы вернуть его к Себе. И потому Иоиль предсказывает не просто примирение Бога со своим народом, но, по сути, дарование пророческого призвания каждому человеку из этого народа: «И будет после того: изолью Мой Дух на всякую плоть, будут пророчествовать ваши сыны и дочери, ваши старцы увидят вещие сны, ваши юноши – видения». И в самом деле, зачем нужны пророки? Чтобы показать людям то, чего они сами по каким-то причинам не замечают. А когда они прозреют – пророком станет, по сути, каждый, это и есть нормальное состояние для верующего человека. Только мы этой нормальности еще не достигли.

Аввакум, дозорный на башне

О жизни пророка Аввакума мы тоже не знаем практически ничего – его книга не сообщает нам никаких биографических деталей и не содержит никаких отсылок к конкретным историческим эпизодам. Есть нечто удивительное, но вместе с тем и значимое в том, что пророчества-предупреждения датируются куда легче, чем, пророчества, говорящие о наступившем бедствии. Казалось бы, должно быть наоборот: предостережения всегда актуальны, а вот всякое новое вражеское нашествие неповторимо. Почему же те, кто сохранил книги этих пророков и донес их до наших дней, не указали, что же произошло?

Может быть, дело в том, что для пророческого слова, в отличие от исторической летописи, важно не передать конкретику событий, а указать на их духовный смысл? И если бы пророки точно указывали, куда именно двинулись войска врагов и под чьим предводительством, какие города захватили, какие потери при этом понесли их соплеменники – всё это оттеснило бы на задний план главное, ради чего и писались их книги. И потому, оставляя летописцам детали, пророки говорят о сути.

Впрочем, одну деталь из книги Аввакума мы знаем точно: он описывает нашествие халдеев, т.е. вавилонян. Господь через него объявляет: «Вот, я поднимаю халдеев – народ суровый и упорный, который пройдет по всей земле, отнимая чужие дома. Страшен он, ужасен, сам себе он – и власть, и суд. Быстрее барсов его кони, проворней ночной волчьей стаи; скачут всадники, издалека налетают, как орел, достигают свою добычу». Собственно, в этом и есть основное различие между Израилем и язычниками: есть ли над ними Царь и Судия, или кто силен, тот и господин.

А кто же тогда пророк? Аввакум называют себя дозорным, который стоит на башне и напряженно вглядывается вдаль... Что это за облако пыли, что за дымы там, вдали? Не вражеское ли нашествие? Он должен первым всё заметить и предупредить свой народ... Он должен подняться над повседневной суетой, чтобы разглядеть вдали то, чего не хотят или не могут увидеть другие. И самое главное – он должен уловить сигнал от Того, Кто только и решает судьбу этого народа.

«Я заступил на стражу, стою на башне, смотрю, что будет. Что Он скажет мне? Как на мою жалобу ответит? Ответил мне Господь и сказал: “Запиши свое видение, ясно изложи на табличках, чтобы мог их гонец доставить. Это видение – для своего часа, сбудется до конца, без ошибки. Если медлит оно, подожди – сбудется, не запоздает”».

Но у пророка есть одно очень важное отличие от дозорного: дозорный не жалуется на то, что видит. Он просто наблюдает и сообщает остальным, что увидел. Пророк же вступает с Богом в диалог, даже в спор – позднее мы услышим такой спор в книге Иеремии. Но у Аввакума он тоже есть: «Доколе, Господи, я буду взывать, а Ты – не слышать? Я кричу о насилии, а Ты не спасаешь. Для чего же мне видеть зло, смотреть на несчастье? Предо мной – грабеж, насилие, растут раздор и вражда».

Пророк – не просто дозорный или посредник. Он принадлежит своему народу, разделяет его радости и горести – и не может принять происходящее равнодушно. Впрочем, звучат у Аввакума и другие мотивы, которые развернутся в полный рост в книге Иова. Дело не только в том, что его народу плохо, а еще и в том, что в мире вообще слишком много зла и неправоты. Почему же Господь не вмешается и не исправит всего?

Но всё же дозорный разглядел со своей башни и что-то иное... «Идет от Теймана Бог, Святой – от горы Фаран! Покрыло небеса величие Его, и славой Его полна земля; сияние от Него – как свет дневной, лучи исходят от руки Его, почивает на ней сила Его. Перед Ним шествует чума, по стопам Его – болезнь. Он встал – и земля затряслась, посмотрел – и народы затрепетали, вековые горы содрогнулись, древние вершины пали, потому что пути Его – издревле».

Значит, чума и болезнь, или вражеское нашествие – тоже атрибуты величия Божьего, инструмент в Его руках? Значит, Его пришествие – не только радость, но и шок, потрясение, для кого-то – и гибель? И величю гор и мировых империй здесь противопоставлено не просто еще большее величие, но таинственные пути, которые «издревле». Трудно перевести эти пророческие слова на наш язык... Может быть, Аввакум, как и Иов, разглядел во всех этих несчастьях некий замысел, непостижимый для человека и нежеланный для него. И, возможно, настанет время, когда другой дозорный разглядит его смысл и раскроет его людям.

Наум, обличитель Ниневии

Имя еще одного пророка, Наума, означает «утешение», и жил он в VII веке до н.э., когда самой могущественной державой на Ближнем Востоке была Ассирия. Но и она была не вечна – именно об этом и говорит пророчество Наума. Он тоже возвещает бедствие и разорение, но не своим соотечественникам, а жестоким захватчикам ассирийцам. Наверное, так в начале сороковых годов прошлого века проклинали гитлеровскому Рейху и желали ему скорейшей гибели. Но как же можно было такое ожидать, если Ассирия, обладала величайшей военной мощью и долгое время не знала поражений – совсем как Рейх?

«Велико терпение Господа, огромна сила, виновного не оставит Он без наказания: в буре и вихре идет, облака попирает, как пыль!... Кто устоит пред Его негодованием? Кто выдержит Его пылающий гнев? Ярость Его разливается, как огонь, и скалы разрушаются пред Ним. Благ Господь! Он – убежище в скорбный день, знает Он прибегающих к Нему. Но Ниневию – сметет потопом навсегда».

Ниневия – последняя из нескольких столиц этого государства, она была расположена на севере нынешнего Ирака. Она пала в 612 г. до н.э. под ударами своих бывших подданных, прежде всего, вавилонян, которым было суждено создать следующую великую империю на древнем Ближнем Востоке. «Поднимается разоритель на Ниневию... Красны щиты воинов его, одеты в пурпур его богатыри, сверкает металл его колесниц в день, когда выступает он, древками копий потрясая. По улицам проносятся колесницы, мелькают на площадях, подобно факелам и молниям блестящим! Вызывает царь знать свою, но спотыкаются они по пути, к стене спешат оборону готовить. Тут открываются речные врата – и сметен дворец!»

Эта картина вполне обычна и для других пророчеств о других странах и городах: вражеская армия врывается в город, всё круша на своем пути... Но что это за «речные врата» и причем они здесь? Ниневия была огромным и хорошо укрепленным городом с

большим гарнизоном и обильными запасами. Когда к стенам города подошли войска разных племен во главе с вавилонянами, им предстояла, казалось бы, долгая и изнурительная осада с неясной перспективой. Но всё вышло совсем иначе. Ниневия стояла на берегу реки Тигр, и осаждавшее войско прорыло канал, чтобы подвести речную воду прямо под стены города. А затем хлынул небывалый ливень, русло переполнилось, и большой участок городской стены – прямо возле царского дворца! – был подмыт бурным потоком и рухнул. Следом за водой в город через эти «речные ворота» устремилось и осаждавшее его войско. Город пал в одночасье.

Сегодня толкователи спорят: неужели Наум действительно угадал, что так всё и произойдет? Или он сочинил свое пророчество «задним числом», уже зная, что произошло с Ниневией? Ведь не мог же он предвидеть такой неожиданный поворот событий! Трудно говорить с уверенностью, кто что понимал без малого три тысячи лет назад, но если бы Наум просто описывал события, которые уже произошли, наверняка он сделал бы это красочнее и ярче. Нет, туманные «речные ворота» похожи как раз на пророчество, смысл которого мог в тот момент не понимать даже сам пророк – а когда всё так и случилось, открылась стоявшая за этими словами картина. А вот свидетельств очевидцев, как пала ненавистная Ниневия, в Библии мы не найдем. Это не так интересно, как сбывшееся пророчество.

Но главное в книге – вовсе не детали гибели Ниневии, а ее причины. «Это за множество блудодеяний блудницы, на вид приятной, в чародействе искусной: с помощью блуда народами торговала, с помощью чародейства – племенами... Нет исцеления ране твоей, тяжела болезнь твоя, и все, кто слышат о тебе, в ладони бьют: над кем же не тяготела жестокость твоя?» Господь обличает Свой избранный народ, когда тот впадает в грех, и наказывает его, если не слушает обличений. Но это совсем не значит, что преступления других народов и стран Ему безразличны. Он – Судия всей земли, и эта весть одна из главных, какие принесли человечеству библейские пророки.

Самария, Северное Царство, погибла прежде Ниневии. Но для Иудеи гибель очередной империи означала избавление от страшной угрозы... как окажется дальше, не очень надолго. Но пока что слова Наума полны светлой радости. Он не торжествует по поводу гибели противника, он ликует о том, что Господь избавил Свой народ: «Вот, бежит вестник по горам, возвещает мир! Празднуй, Иудея, праздники свои, исполняй свои обеты, потому что не пройдет по тебе нечестивый вновь, сгинул он насовсем!»

Иона, неправильный пророк

О гибели Ниневии было еще одно пророчество, только оно очень не походило на сказанное пророком Наумом. Это было пророчество Ионы, и книга с его именем вообще очень странно смотрится среди прочих пророческих книг – в ней всё наоборот. Начать можно с имени пророка – оно означает «голубь», и эта птица имела особое значение еще в библейские времена (голубь с масличной веточкой в клюве, которого сегодня принято изображать как символ мира, вернулся к Ною после окончания потопа и так показал, что вода покидает сушу). Но весть, которую Иона должен был принести Ниневии, была вовсе не мирной.

Иона слышит призыв Господа отправиться в Ниневию и объявить ей, что чаша Господнего терпения переполнена. Чтобы понять чувства Ионы, представим себе, что году этак в 1943-м с подобной миссией кого-нибудь отправляют в Берлин... И поэтому нет ничего удивительного, что Иона бежит от полученного задания в противоположную Ниневии сторону, на Запад, через Средиземное море в неведомый город Таршиш (скорее всего, это была финикийская колония где-то на Иберийском полуострове, самая окраина тогдашнего мира).

Но Господь насылает бурю, кораблю грозит скорая гибель... Все моряки молятся своим языческим богам и только Иона крепко спит в трюме. Не слишком-то правдоподобная версия: как уснешь в жестокий шторм, когда корабль вот-вот

развалиться? Может быть, это не столько физический сон, сколько духовное оцепенение: он прячется от Бога небесного, отправляется в другую страну, спускается в трюм корабля, проваливается в забытие, только бы не исполнять Его волю. Но Иону будит капитан корабля: все молятся своим богам, помолись и ты.

Молитва не помогает, буря всё усиливается. Тогда моряки кидают жребий, чтобы понять, кто стал причиной бедствия. Жребий падает на Иону, он просит, чтобы его бросили в море, оно они всё-таки пытаются выгрести к берегу, не желая лишать жизни ни в чем перед ними не виновного человека. Но всё напрасно, корабль вот-вот разобьется, и тогда они решаются исполнить просьбу Ионы. Книга здесь явно противопоставляет богобоязненность этих иноземных моряков-язычников и категорическое нежелание пророка исполнять свое предназначение.

Он оказывается в море, его глотает огромная рыба, и в ее чреве Иона проводит три дня и три ночи. Звучит этот эпизод совершенно невероятно, и многие считают, что он лишает книгу всяческого правдоподобия, но не будем пока что торопиться с выводами. Лучше вспомним, что и в Евангелии Христос говорил о «знамении Ионы пророка»: как Ионе в морскую пучину, ему предстояло спуститься в преисподнюю и на третий день подняться из нее живым и невредимым.

Только ли сроки совпадают здесь? Едва ли, особенно если учесть, что «три дня и три ночи» и «на третий день» не совсем одно и то же. Евангельское Воскресение напоминает нам и о молитве Ионы, которая тоже приведена в этой книге: это слова человека, который погиб, уничтожен и не имеет никакой надежды – но всё же Господь выводит его на свет: «Ты вверг меня в глубину, в сердце вод, в сплетенье потоков; все волны Твои и валы прошли надо мной. Сказал я, что изгнан теперь с глаз Твоих прочь, но только бы снова взглянуть на храм Твоей Святой! К ноздрям подступила вода, и бездна вокруг меня, повит травой мой лоб, я сошел к основаниям гор, навеки сомкнула земля свои врата надо мной. Но Ты выводíš меня из могилы, Господи, Боже мой!»

Так оно и вышло: Иона был выброшен на сушу и отправился проповедовать в Ниневию. И тут произошло чудо еще более удивительное, чем с рыбой: «Ниневитяне, от мала до велика, поверили Богу, объявили пост и надели рубища... По всей Ниневии объявляли указ царя и его придворных, гласивший: “Пусть не вкушает ничего ни один человек и ни одно животное, ни корова, ни овца. Пусть никто ничего не ест и даже не пьет воды. Пусть люди и животные покроются рубищем, пусть изо всех сил взывают к Богу. И пусть каждый сойдет с пути зла, откажется от насилия, которое творил прежде. Может быть, переменится Бог и пожалеет нас, отвратит от нас дыхание Своего гнева, и мы не погибнем”. Бог увидел всё, что они в самом деле сошли с пути зла, сжалился и не стал причинять им того несчастья, которое обещал причинить».

Казалось бы, полный триумф? Но только не для Ионы! Ведь теперь получалось, что пророчество его не сбылось! Да, Господь простил ниневитян – но сам Иона совершенно не собирался этого делать. Он сидел неподалеку от города и ждал его гибели, а к Господу на сей раз он обратил такие слова: «Потому-то я и бросился сначала бежать в Таршиш, ведь я знал: Ты Бог благой и добрый; Твой гнев медлит, а милость Твоя велика, и зла Ты людям не желаешь. А теперь молю: возьми мою жизнь, потому что смерть мне милее жизни». Милосердие Божье – повод для самого горького отчаяния, если оно направлено на людей, которые, по мнению праведника, этого совсем не заслуживают. Казалось бы, уж кто бы говорил...

И тут Господь преподал Ионе очень важный урок. Погода стояла жаркая, ждал он гибели города долго и упорно – и Господь в одну ночь произрастил некое растение, под тенью которого Иона укрылся от палящего солнца. А на следующую ночь растение погибло, и Иона, истомившись от зноя, снова стал просить себе смерти. И Господь ответил ему: «Ты жалеешь деревце, над которым не трудился и которого не растил, в одну ночь оно возникло и в одну ночь пропало. Так Я ли не пожалею Ниневию, город великий,

в котором больше ста двадцати тысяч человек не отличают правой руки от левой, да и скота немало?»

Нет границ для милосердия Божьего, нет ничего невозможного для покаяния человека – задолго до Евангелия рассказала нам эта книга. И есть в ней еще одна важная деталь – это упоминание домашних животных. Они разделяют судьбу людей, которые их приручили, их постигают такие же несчастья и беды... но значит, и Господь тоже милует их, не желая погибели ни малейшему из сотворенных Им существ.

врезка:

Немало споров возникает вокруг **буквальной точности** книги пророка Ионы. В ней есть немало чудес, которые кажутся невероятными: человек провел трое суток во чреве огромной рыбы и остался жив, а большое дерево, способное дать тень, выросло в одну ночь и на следующую ночь погибло. Разве такое бывает? Наверное, перед нами сказка, – говорят одни. Нет, отвечают им другие, это чудеса, а для чудес нет ничего невозможного. На то оно и чудо, чтобы нарушать законы природы.

Но главная проблема с этой книгой вовсе не в чудесах. Ниневия, столица ассирийской империи, никогда не каялась в совершенных злодеяниях и в результате погибла, как и описывал пророк Наум. Перед нами – своего рода альтернативная история (популярный ныне жанр), а говоря библейским языком – притча. А что было бы, если бы израильские пророки пришли в Ниневию и проповедовали бы там покаяние? А как бы они сами отнеслись к результату своей проповеди, если бы она «подействовала»?

И тогда получается, что это не история одного единственного человека, но своего рода размышление об исторических судьбах всего израильского народа, которому была открыта истина о Едином Боге. Он привык воспринимать Бога как свою защиту, и был в этом прав – но этого мало. Израильтяне должны были донести весть о Боге до других народов и племен, даже если им и казалось, что те этого недостойны. Рассказывая о «неправильном» пророке, который всё делал наоборот, эта книга указывает на те же идеи, что и другие пророческие книги, но делает это в яркой форме, в виде притчи.

А как же относиться к тому, что на нее ссылается Христос? Он тоже любил рассказывать притчи о сеятелях, виноградарях или рыбаках, о сорняках, монетах или зернах. Это были не истории о конкретных людях и предметах, но вечные истины, облеченные в форму притчи. Чтобы понимать Писание верно, не обязательно всегда понимать его строго буквально.

18. Иеремия – печальный пророк

Пророк как воин

Как и большинство пророков, обличал своих соплеменников и призывал их к покаянию священник по имени Иеремия, проповедовавший в Иерусалиме и его окрестностях во второй половине VII века до н.э. Его призвание произошло в очень сложное для израильского народа время: Северное царство было уже разрушено, а в Южном, то есть Иудейском, царь Иосия проводил свои религиозные реформы (о них речь шла в 13-й главе). Собственно, он не придумал ничего нового, а только уничтожал идолов и утверждал поклонение Единому Богу, которое в народе давно смешалось с суевериями и языческими культами.

Слова Закона были в небрежении, а повседневность была невероятно далека от его требований. Язычество пустило крепкие корни в народе и знати, так что решительные действия царя Иосии были не очень популярны, а после его смерти всё вернулось к прежнему. Многие и не видели в том никаких проблем: ну да, поклоняемся Господу, а на всякий случай еще и другим божествам, мало ли кто поможет, что окажется полезнее: жертва в Храме или в святилище Ваала, праздник Пасхи или языческий обряд? Потому и наказание, о котором издавна предупреждали пророки, становилось неотвратимым: народу была нужна действительно хорошая встряска, чтобы прийти в себя и отказаться от разврата.

Собственно, в словах Иеремии было немного нового. Почему же тогда его имя носит большая книга? Новой оказалась сама его трагическая фигура – фигура пророка, который сам не рад своей миссии, но не уклоняется от нее, как Иона, а принимает удар на себя. О не противится Богу – но и не умалчивает о своем несогласии, горечи, даже негодовании перед лицом грядущей катастрофы. Да и как можно иначе нести ему такую весть? Вот как Иеремия сам говорил об этом:

«Было мне слово Господне:

– Что ты видишь?

Я ответил:

– Вижу котел кипящий, с севера он нависает.

И сказал мне Господь:

– С севера беда нахлынет на всех жителей земли этой! Ибо я призову все народы северных царств, придут они, престолы свои поставят возле ворот Иерусалима, у всех городов Иудеи. Над нею я суд устрою за все ее злодеянья, за то, что Меня оставила, богам иным воскуряла».

Именно с севера всегда приходили на землю Палестины завоеватели – ассирийцы, вавилоняне, а впоследствии греки и римляне. С запада Обетованную Землю омывало море, с востока простиралась пустыня, а на юге был Египет, некогда могущественная империя, которая ослабела и теперь сама становилась жертвой чужеземных нашествий. Иудейские цари временами обращались к Египту за помощью, но дожидаться ее так ни разу и не смогли – и об этом их тоже предупреждали пророки, в том числе и Иеремия. Подлинная надежда для народа не в том, чтобы выбрать себе могущественную державу-покровительницу, а в том, чтобы обратиться к Господу, Который некогда вывел этот народ из Египта и хранил его доселе во всех бедствиях.

«Вернись, изменница, дочь Израиля! – говорит Господь, – гнева моего на тебя не обрушу, лишь признай свое преступление: против Господа, Бога твоего, ты грешила, ласки свои чужакам расточала под каждым деревом ветвистым». Израильский народ сравнивается здесь с неверной женой, чужие боги, которым поклонялись израильтяне – с ее любовниками (как и в книге Осии). Это обычный для пророческой речи образ: Завет понимается здесь как брак, отношения между Богом и народом уподобляются самому

тесному человеческому союзу. Потому и поклонение идолам есть не просто некое запретное действие, но настоящая измена Тому, Кто бесконечно любит Свой народ.

Легко ли было объявлять такое людям, привыкшим и к плотскому, и к духовному блуду? Бог посылал Иеремию на проповедь так, как командир посылает солдат на штурм крепости, которая выглядит неприступной... Впрочем, нет. Это сам пророк выглядит крепостью, которую пытаются взять приступом все окружающие, чтобы заставить замолчать упрямого пророка. Господь говорит Иеремии: «Я сегодня тебя поставил неприступным градом, столпом железным, стеной медной – против всей земли этой, против царей и вельмож Иудеи, против священников, против народа земли этой».

Иеремия противостоит и царю, и знати, и простонародью, и даже своим собратьям-священникам, им ведь так не хотелось никого обличать, им так легко было договориться с властями, и тут этот неудобный пророк... Но и один в поле воин, если с ним Бог.

Пророк как узник

Обличения не прошли даром. Нет, Иерусалим не внял предостережениям пророка, но власть решила избавиться от самого обличителя. Иеремия был избит, закован в колодки и брошен в тюрьму – и всё это было сделано по приказу благочестивого священника, надзиравшего за порядком в Храме. На следующий день он освободил пророка, по-видимому, полагая, что тот получил хороший урок. Но пророк и тут был верен себе: он предсказал, что и сам охранитель спокойствия, и его довольные слушатели окончат жизнь в плену, на чужбине.

А затем Иеремия обратился к Богу и высказал Ему, наверное, самые пронзительные жалобы из всех, которые обращали к Богу Его слуги, за исключением, разве что, страдальца Иова. Вот они: «Обманул ты меня, Господь, и я обманут. Одолел ты меня – ведь Ты сильнее. День-деньской надо мной смеются, все надо мной глумятся. Что ни слово мое – то стоны, я кричу: “Насилье, грабеж!” Слово Господне мне приносит унижение, насмешки с утра до ночи. И сказал я: “Напоминать о нем не буду, говорить во имя Его – не стану!” Но вот, в моем сердце будто огонь пылает, в костях моих струится!»

Библейские пророки – не просто вестники, которые пересказывают людям волю Бога или записывают продиктованные свыше слова. Нет, они – живые люди со своими радостями и печалью. Они могут в чем-то не соглашаться с Богом или даже возражать Ему. Но они, в отличие от большинства, не могут обходить Его безразличным молчанием.

Их разум, их сердце вступает в прямой разговор с Богом, с высшей реальностью, от которой им негде укрыться. Это непросто, это не всегда радостно, но это всегда приводит к тому, что человек начинает видеть окружающую действительность в особенном свете. Он говорит людям вокруг него то главное, что им нужно услышать, чтобы измениться к лучшему. Этим пророк и отличается от лжепророка, который говорит людям то, что им приятно слушать, чтобы *не* меняться.

Таких лжепророков бывает достаточно во все времена, и эпоха Иеремии не была исключением. Отныне судьба Иеремии будет во многом зависеть именно от них. Его будут бросать в тюрьму, или даже в жидкую грязь опустошенного водосборника, и держать там «до исправления». Иеремия будет страдать, молиться, просить выпустить его из тюрьмы, он далеко не всегда будет вести себя героически – но он уже никогда не будет молчать, он этого просто не умеет.

«Согните шею под ярмом царя вавилонского! Служите ему и его народу – и живите! Зачем тебе и народу твоему погибать от меча, от голода и мора?» Разве не кощунственно говорить такое царю? Как это непатриотично! Конечно, за такие пророчества полагались самые строгие наказания, ведь они подрывали боевой дух армии, насаждали капитулянтские настроения в тылу, да и вообще, Иеремия явно был иностранным агентом. Воля Божья – ее не пощупаешь, не проверишь, а вавилонское войско вот оно, уже у ворот.

И всё же слова Иеремии не пропадут даром – самое яркое свидетельство тому связано с первым в Библии упоминанием пророческой книги. До сих пор мы видели только пророков-проповедников, их слова были записаны за ними кем-то другим, порой спустя многие годы. Но Иеремия стал пророком-писателем. Он диктовал своему помощнику Варуху пророчества, которые тот записывал в свиток. Иеремии было запрещено приходить в Храм, поэтому от его имени там должен был выступить Варух. Он прочитывал грозные слова при стечении народа, и так слова Иеремии разносились среди людей.

Наконец, Варуха с его свитком вызвали во дворец к царю Иоакиму. Стояла зима, царь сидел перед жаровней с раскаленными углями – так тогда обогревались богатые дома. Писец развернул свиток... «и как только писец зачитывал три-четыре столбца, царь отрезал их ножом и бросал в огонь, пока весь свиток не погиб».

Но Иеремия получил от Господа повеление восстановить прежний текст, и это было исполнено. М.А. Булгаков был далеко не первый, кто понял: рукописи не горят... Слова, некогда брошенные царем в огонь, мы и по сей день читаем в книге Иеремии. Но никто не знает сегодня ни слова из «пророчеств» во славу властей и на потеху народу, которые так легко произносили придворные прорицатели.

Жесты пророка

Еще одна характерная особенность Иеремии – его любовь к символическим поступкам. Бывает так, что слова теряют свою цену и перестают восприниматься. Тогда, и чтобы донести до окружающих свою весть, пророку приходилось шокировать публику скандальными поступками.

Вот пророк одевает себе на шею ярмо, какое носят непокорные рабы, и в таком виде разгуливает по городу. Так он показывает жителям Иерусалима, что всех их уведут в плен. Вот Господь отправляет его зарыть набедренную повязку в некое место – текст оригинала можно понять как указание на реку Евфрат, в тысяче километров от Иерусалима, а можно – как указание на небольшой поток Фара рядом с родным городом пророка, Антатотом. Через некоторое время он должен вернуться к набедренной повязке и убедиться, что она сгнила в сырой земле подле реки, пришла в полную негодность, как и развращенный народ. Этот народ и отправится в скором времени в изгнание на реку Евфрат, в чуждую землю Вавилонии.

О чем идет речь, Евфрат или Фара названы в тексте? Странно было бы думать, что пророк дважды предпринял многодневное путешествие, чтобы закопать на речном берегу свое нижнее белье, а потом проверить его сохранность – тем более, что никто из израильтян там бы его не увидел. По всей видимости, речь всё-таки идет о вадии (пересыхающем потоке) Фара. Но сходство двух географических названий не случайно: отправляясь к Фаре, Иеремия пророческует о грядущем выселении народа на Евфрат. В языке оригинала от обоих этих названий образуется одна и та же наречная форма «к Евфрату/Фаре».

Однако не все подобные поступки Иеремии предвещали беду. Когда войско вавилонян уже осаждало Иерусалим, Господь велел Иеремии купить поле, расположенное рядом с городом. Насколько безумным казался этот поступок, можно понять, если представить себе, как москвич покупает в ноябре 1941-го года дачный участок где-нибудь под Можайском. Какая дача, какой участок, когда враг захватил эту землю и вот-вот ворвется в город? Всё рушится! Но этот поступок ясно показывал жителям города: жизнь не кончается, всё вернется. Люди снова будут вспахивать поля и насаждать сады, они соберут следующий урожай сами, потому что эта земля останется за ними.

Надежда пророка – Новый Завет

Иеремии довелось увидеть самое страшное – свершение своих пророчеств. В начале шестого века до н.э. после изнурительной осады Иерусалим и Храм были разрушены, многие люди были убиты, а другие – уведены в плен в Вавилонию. Это означало не просто военное поражение, но крах всей истории Израиля. Ветхий Завет, то есть договор, заключенный между Богом и избранным Им народом, не состоялся, народ пришел к катастрофе. Бог наказал Свой народ за непокорство. Точка?

Вовсе нет! Пророческие книги полны обличений, но есть в них и надежда. Прежний Завет, то есть договор, показал избранному народу, что есть праведность и что есть грех, но сам по себе он еще не изменил человеческих сердец. Для этого требовалось что-то новое, неслыханное прежде... Иеремия предчувствовал это, как и другие пророки. Но только он, один из всех, назвал эту новую надежду Новым Заветом. Он сказал:

«Настанут дни, – говорит Господь, – когда я заключу с потомками Израиля и Иуды Новый Завет – не такой завет, какой я заключил с их отцами, когда взял их за руку и вывел их из Египта. Тот Завет они нарушили, хотя Я был их Владыкой, – говорит Господь, – иной завет заключу я тогда с потомками Израиля, говорит Господь. Я вложу Закон мой им в сердце, Я буду их Богом, они будут Моим народом!»

Когда через шесть с лишним столетий в небольшой комнате в Иерусалиме Учитель разделил хлеб и вино с двенадцатью учениками и сказал им, что так заключается Новый Завет между Богом и человеком, они уже знали, что это должно произойти, потому что именно об этом пророчествовал Иеремия, именно в эту тихую пристань надеялся он привести свой народ в годину бедствий.

Врезка:

Помимо большой пророческой книги, имя Иеремии в Библии носит еще одна, маленькая – это пронзительный **Плач** о завоеванном Иерусалиме. Названия городов на древнееврейском языке – женского рода, поэтому в Плаче Иерусалим предстает перед нами прекрасной царицей, которая подверглась поруганию:

О горе! Как опустела столица, что была многолюдной!

Вдовой она стала, а была госпожой народов.

Владычица земель рабыней стала.

Во тьме ночной она плачет, бегут по щекам слезы.

Никто ее не утешит из тех, кто любили ее когда-то.

Друзья ее вероломны, врагами ей стали.

...

У ворот городских не сидят старцы, не поют юноши.

Умерла в сердце радость, хоровод сменился плачем.

Упал венец с главы нашей! горе нам! Мы грешили!

О Господь, Ты царствуешь вовеки! Престол твой – из века в век!

О Господь! Дай нам к тебе вернуться, и мы вернемся!

Дай нам вновь прежние дни!

неужели ты совсем отверг нас, и нет предела Твоему гневу!

Впоследствии горькие слова Иеремии вспоминали жители других городов, подвергшихся такому же разорению – например, такой же плач в подражание древнему пророку сложил один из жители Константинополя, взятого в 1453 году турками. Ведь пророчество всегда обращено к вечности, и потому люди последующих веков вновь и вновь видят, как сбывается оно в их настоящем.

19. Иезекииль – пророк надежды

Слава Божья на реках вавилонских

Иерусалим, как и предсказывали многие пророки, и прежде всего, Иеремия, был разрушен в 586 г. до н.э. (впрочем, некоторые историки предлагают несколько иные датировки, но точный год тут не важен). Город и его святыня лежали в развалинах, Иудея опустела – жестокие вавилонские завоеватели увели значительную часть населения в плен. Национальная катастрофа? Безусловно. Но и новое начало. Как это часто бывает в истории, жестокое поражение заставило народ задуматься о себе и своем предназначении на этой земле. Из плена евреи вернутся другим народом – теперь они твердо будут помнить о том, что само их существование как народа всецело зависит от веры в Единого Бога. Одним из тех, кто произвел этот переворот в сознании людей, был пророк Иезекииль.

Он родился на земле Израиля и был священником, но был уведен с прочими пленниками в Вавилонию за десяток лет до разрушения Храма. Да, Иерусалим еще стоял, жертвы еще приносились, но страна уже окончательно утратила независимость, ее судьба зависела от прихоти вавилонян. Это было уже совсем не то царство, что при Давиде, и совсем не тот народ.

В Вавилонии Иезекииль жил в местечке под названием Тель-Авив (уже в наши дни такое же имя было дано городу в государстве Израиль), что означает «весенний холм», и это неприметное место действительно стало первым вестником возрождения. Но о каком же возрождении можно было говорить в таких условиях? Иерусалим и Храм должны были исчезнуть через считанные годы, народ был отчасти изгнан со своей земли и рассеян, а отчасти влачил жалкое существование на родине... Очевидно, речь не могла идти о победоносных войнах, как во времена Давида, или о процветании, как при Соломоне. Тогда о чем же? Или Господь окончательно отвернулся от Своего народа?

Пока главной святыней израильтян оставалась Скиния, а затем Храм, пророки постоянно призывали народ приносить Богу жертвы только перед ними. Единый религиозный центр показывал людям, что и Бог Един, он отучал их от поклонения разнообразным духам и божествам на «высотах» (то есть холмах) и под раскидистыми деревьями. Именно в Скинии и Храме израильтяне наблюдали видимое явление Славы Божьей, которое обычно описывалось как свет или даже пламя. Так Господь подтверждал Свое присутствие среди людей, Свое участие в земной истории.

Но как же быть теперь, в Вавилонии, вдали от Земли Обетованной, без Города и Храма? Ответ на этот вопрос и был дан иудеям через пророка Иезекииля. Однажды он вышел погулять и встретился со... Славой Господней. Оказалось, что там, в чужой земле, где поклонялись идолам, буквально в чистом поле Господь является людям так же, как являлся в Храме, ведь для Творца Вселенной не существует преград, Он не замкнут в стенах Храма или в границах Святой Земли. Иезекииль описывает это явление как нечто страшное и непонятное, что не имеет никакого соответствия в повседневном опыте человека: «И видел я: с севера надвигается буря, огромная туча, пронизанная огнем. Сияние окружает ее. А там, внутри огня, – словно бы янтарь; там виднелись очертания четырех существ. И подобны они были человеческим фигурам, но у каждого по четыре лица и у каждого по четыре крыла».

Образы этих удивительных существ навсегда вошли в нашу культуру. В свое время символами четырех Евангелистов станут именно человек, лев, телец и орел, да и в наши дни, благодаря А. Хвостенко и Б. Гребенщикову, стала популярной старинная итальянская песня про небесный «город золотой», где живут лев, вол и орел. Впрочем, эти существа в видении играли всего лишь роль свиты.

Далее Иезекииль описывает колесницу Господа, и описание это невозможно ни понять, ни пересказать. Например, он говорит о колесах, «полных глаз», которые при этом двигались во все четыре стороны. Разумеется, с точки зрения техники такую колесницу сделать невозможно. По-видимому, пророк видел нечто, превосходящее человеческое воображение, скованное тремя измерениями нашего мира. Кстати, средневековые иудейские толкователи, готовые часами обсуждать малейшие детали священного текста, принципиально отказывались толковать только одну главу Библии – ту, где описывается эта колесница. Слова здесь – лишь бледная тень мистического опыта, пережитого пророком. Точно так же они отказывались обсуждать, что было до сотворения нашего мира.

Но один вывод, несомненно, мы вправе сделать. В описании Иезекииля Бог не сидит на престоле в Своем Храме – Он перемещается на колеснице, направляясь не просто в любую сторону, куда пожелает, но *одновременно* во все стороны. Он открывается людям, Он возвещает им свою волю, и нет такого гиблого места на земле, нет такого отчаянного положения, в котором человек не мог бы встретиться с Ним. Не так ли должны были и евреи, рассеявшиеся по разным странам, распространить во все стороны познание Единого Бога?

Цивилизация перед судом

Но пророчество Иезекииля было обращено не только к иудеям. Как и многие другие пророки, он говорил о судьбах других окрестных народов, значит, и о судьбах человечества в целом. Между прочим, в Вавилоне евреи выглядели убогими провинциалами – относительно маленький народ, не добившийся ни высокого уровня жизни, ни политического могущества, ни культурных достижений, ни технических новинок, которыми можно было бы похвастаться перед соседями. Примерно так смотрим мы сегодня в больших городах на приезжих рабочих с далеких окраин.

Даже Геродота, выходца из просвещенной и славной Эллады, в свое время ошеломил Вавилон, крупнейший политический, экономический, религиозный и научный центр Ближнего Востока – так какое же впечатление он должен был произвести на увиденных туда в плен иудеев! Примерно такое же, как и Нью-Йорк на новых иммигрантов из захолустных местечек. Впрочем, не только Вавилону могли они позавидовать. Точно так же иудеи во многом уступали финикийцам, своим давним соседям и союзникам, которые вели морскую торговлю по всему Средиземноморью, накапливая богатства. Но земное величие обманчиво, и потому к финикийскому городу Тиру пророк обращает слова Господа: «О Тир! Ты, называющий себя прекраснейшим кораблем! Владения твои – среди морей, строители твои сделали тебя прекрасным и совершенным. Борты твои они сделали из кипарисов с Сенира, ливанский кедр взяли для мачты... Из узорчатых льняных тканей египетских был сшит твой парус, по которому тебя узнавали... ты возомнил, что равен Богу, за это Я пошлю против тебя чужеземцев, самые жестокие народы. Они обнажат свои мечи против блистательной твоей мудрости и величие твое растопчут. Они низвергнут тебя в преисподнюю, ты погибнешь лютой смертью среди морей. Что, и перед лицом убийц всё будешь твердить: “Я – бог”?»

Нечто подобное говорит пророк и о другой великой цивилизации того времени: «Так говорит Господь Бог: Я иду против тебя, фараон, царь Египетский, огромный крокодил! Ты лежишь среди рукавов Нила и говоришь: “Нил принадлежит мне! Я создал его для Себя!” ... Я брошу тебя в пустыне – и тебя, и всех рыб твоей реки. На открытом поле вы будете лежать, никто не подберет вас, не похоронит. Диким зверям и птицам небесным Я отдам вас на съедение».

Если цивилизация становится самодостаточной, обожествляет свой успех, свое влияние, свое богатство – так она сама подписывает себе приговор. Ее губят не столько враги, сколько собственная самонадеянность – и тогда разочарование бывает особенно горьким.

Избранный народ должен был пойти к своему возрождению другим путем.

Кости сухие

Но как вообще возможно такое возрождение? На что надеяться иудеям? Казалось, всё погибло. На это отвечает еще одно видение Иезекииля, и оно очень хорошо знакомо всем, кто бывает в православных храмах на Страстной седмице.

«Простер Господь надо мной Свою руку – и унес меня Духом Своим и опустил посреди долины. И была та долина полна костей. Он стал водить меня вокруг костей – их было несметное множество в той долине, и были они совершенно сухими. Он сказал мне: “Человек! Могут ли эти кости ожить?” Я ответил: “Господь Бог! Это знаешь Ты один”. Он сказал мне: “Произнеси пророчество этим костям, скажи им: Кости сухие! Слушайте слово Господа! Так говорит Господь этим костям: Я вложу в вас дух, и вы оживете. Я прикреплю к вам сухожилия, наращу мясо и покрою вас кожей. Я дам вам дух, и вы оживете. И тогда поймете вы, что Я – Господь”».

Кто обожествляет себя, тот гибнет, а кто погиб, тот возрождается к жизни по воле Бога. Иезекииль далее поясняет: речь идет о грядущем возрождении израильского народа. Похоже, что в те времена евреи не имели еще ясных представлений о жизни после смерти, какие будут у них в новозаветные времена. Это пророчество понималось ими как весть о том, что к национальному возрождению их приведет Господь, неведомыми и непостижимыми путями, вопреки всем обстоятельствам.

Но пророчества всегда глубже своего непосредственного исторического контекста, и сегодня эти слова читаются в Православной Церкви на службе великой Субботы накануне Пасхи. Они звучат для нас вестью о грядущем воскресении мертвых, о том, что для Бога ничего нет невозможного, что наша судьба Ему далеко не безразлична.

И сегодня, когда мы, оглядываясь вокруг, видим свой собственный народ, его нынешнюю жизнь, его нравственное и духовное состояние, мы можем перечитать это пророчество теми же глазами, что и древние евреи. Важно только, оживляя плоть, не остаться без духа, и к целым народам это относиться не в меньшей степени, чем к отдельным людям.

Новый Иерусалим

Когда Иезекииль говорит о грядущем возрождении, земное у него неразрывно переплетено с небесным. На месте разрушенного города и святилища будут построены, говорит он, новый Иерусалим и новый Храм, гораздо более величественные и прекрасные. Заключительные главы книги Иезекииля посвящены их подробному описанию, вплоть до конкретных размеров отдельных строений – но мы знаем, что за минувшие два с половиной тысячелетия на этом месте никогда не был построен точно такой город. Да и вряд ли можно представить себе его строительство в будущем...

Здесь перед нами не детальный план, а некая идеальная картина, которая символически изображает то самое главное, что должно присутствовать в жизни Божьего народа. Толщина и высота каменных стен сама по себе не важна, но рассказ о них приоткрывает завесу над некоей тайной. Позднее, в Откровении Иоанна Богослова, речь пойдет о том же прекрасном городе для Божьего народа, и он будет назван небесным Иерусалимом – и любой земной город может лишь отражать малую частицу его красоты.

И как же выглядит этот город у Иезекииля? В его центре стоит новый Храм, куда возвращается Слава Господня. Отныне не только небольшое внутреннее помещение, но и весь храм, и всё пространство вокруг него становятся местом присутствия Бога (в Библии оно обозначается словами «Святое Святых»). Прежде для евреев было очень важно отличать чистое от нечистого, священное от обыденного, но в новом городе эти различия будут стерты: священным и чистым будет буквально всё, вплоть до кухонной посуды. И христиане слышат в этом пророчество о Церкви, где были уничтожены различия между

бывшими язычниками и иудеями, где уже никакая пища не считается нечистой, а к святости призван каждый верующий.

Из Храма вытекает поток, который орошает пустынные земли, делает гнилые озера здоровыми. В водах этого потока в изобилии водится рыба, а по его берегам растут плодовые деревья. Для жителей Палестины, где так мало рек и постоянно ощущается нехватка пресной воды, это был очень яркий и понятный символ Божьей благодати, преображающей весь мир на благо человека.

В этом городе уже нет человека-царя (его правитель называется «князем»), потому что его настоящий царь – сам Господь, а любой земной правитель служит лишь Его наместником-администратором. Словом, Иезекииль говорит нам о Царствии Божьем.

Мечта о новом Иерусалиме отныне навсегда останется с еврейским народом, да и не только с ним. Когда в XVII в. патриарх Никон решил создать под Москвой идеальный монастырь, новый центр православного мира, он назовет его именно так – и Новый Иерусалим по сю пору присутствует на карте Московской области. И это далеко не единственный пример того, как это название использовалось христианами.

Иезекииль не давал своим современникам указаний, как следует им поступать, как это сделал Исая; он не разделил с Иерусалимом бедствия осады и горечь поражения, как Иеремия – но он дал людям надежду. Может быть, она звучала слишком неконкретно и не отвечала на нетерпеливые вопросы людей «когда же?», но она объясняла им нечто очень важное и нужное, особенно в эпоху бедствий и разрушений. Жизнь Божьего народа вовсе не прекращается с гибелью царств и городов, новое начало всегда возможно, потому что главное в жизни этого народа – не политика, не экономика и даже не внешние формы религии, вроде храмовых жертвоприношений, а встреча с Живым Богом.

Израильский народ, а затем и христиане, еще не раз будут строить города и храмы, будут создавать царства и видеть их разрушение, но это уже не будет самым главным. Поиск дороги в Небесный Иерусалим – вот для чего они живут, и впервые так ясно показал это пророк Иезекииль.

Врезка:

О том, как жилось **еврейским изгнанникам в Вавилоне**, мы можем судить по некоторым псалмам:

При реках Вавилонских – там мы были,
там рыдали, о Сионе вспоминая;
мы на ветви повесили арфы,
на тополя земли вавилонской.
Пленившие нас петь приказали,
угнетатели велели веселиться:
«Песни Сионские нам пойте!»
Как нам петь на чужбине песнь Господню?
Если тебя, Иерусалим, забуду, –
пусть забудет меня моя десница;
пусть присохнет язык к гортани,
если тебя не буду помнить,
если главной радостью моей
Иерусалим уже не будет!
Попомни, Господи, сынам Эдома
день бедствия Иерусалима,
как говорили: «Разрушайте,
разрушайте его до основания!»
Дочь Вавилона, ждет тебя гибель –
блажен, кто воздаст тебе по заслугам!
Блажен, кто твоих младенцев схватит,

размозжит их о камень!

Этот текст прекрасно знаком многим – он звучал в моем детстве на пионерских дискотеках в исполнении популярной группы Boney M. Но, сегодня, как правило, последние строки пропускаются: они дышат ненавистью к врагам, слушать их как-то неудобно. Отцы Церкви часто трактовали последние две строки этого псалма так: Вавилон – это сатана, его дети – это дурные помыслы, и блажен человек, который сумеет убить их в себе прежде, чем они доведут его до греха. Но в древности эти слова явно понимали буквально. Между Ветхим Заветом с его ненавистью к врагам и евангельской проповедью о любви к ним – немалое расстояние, и пророки были среди тех, кто помогал человечеству его преодолеть.

20. Даниил – пророк изгнания

Плен и верность

Исайя предупреждал свой народ о возможной катастрофе, Иеремия свидетельствовал о ней и оплакивал участь пострадавших, Иезекииль давал надежды на возрождение, когда Храм и Иерусалим были разрушены, а большая часть народа переселена в Вавилонию. Но время вавилонского плена вовсе не было черной дырой – люди по-прежнему жили, верили, надеялись и любили, пусть и вдали от родной земли. Как складывалась их жизнь на чужбине? Об этом повествует книга пророка Даниила.

Эта книга не очень похожа на другие пророческие книги, не случайно евреи даже не относят ее к пророческим, а считают частью «писаний», особого раздела в их библейском каноне. Действительно, в ней нет того, что составляет самую главную часть остальных пророческих книг – слов Господа к Своему народу, которые передает пророк. Книга состоит из двух частей: первая приводит рассказы из жизни уведенных в вавилонский плен иудеев, а вторая состоит из видений Даниила, в которых раскрывается смысл исторических событий тех далеких веков... но и не только их.

Вавилонский плен вовсе не был для иудеев заключением в концлагерь – ведь вавилоняне стремились не истребить, а подчинить другие народы. Юношей из знатных родов со всех окраин империи воспитывали в полном комфорте при вавилонском дворе, чтобы иметь в дальнейшем надежных правителей для покоренных провинций. Простые крестьяне не смогут поднять восстания, – рассчитывали вавилоняне, – если их не возглавят знатные и образованные люди, поэтому нужно было, прежде всего, приручить и поставить себе на службу элиту покоренных народов.

Такая же судьба была уготовлена четверем еврейским юношам – Даниилу, Анании, Мисаилу и Азарии. Но, в отличие от многих других, они не забыли о Боге своих отцов и оставались верными Ему и на чужбине. Началось это с малого: четверо мальчиков просто отказались от блюд, доставляемых с царской кухни – ведь съев их, они неизбежно нарушили бы строгие предписания Моисеева закона о недозволенной пище. В те времена, как и в любые другие, наверняка находилось немало любителей полакомиться с царского стола, держа при этом кукиш в кармане, но эти мальчики были предельно честны. Они ели одни овощи и пили простую воду, но к удивлению воспитателей оказались здоровее своих сверстников, всласть отъедавшихся мясом под царские вина. Может быть, такая диета и в самом деле полезнее? Более того, по итогам экзаменов они оказались первыми учениками и получили высокие должности.

Возможно, нам соблюдение этих пищевых ограничений покажется чем-то малозначительным, но в те времена к таким вещам относились очень серьезно. Вера, которая остается только теорией, стоит немногого. «Бытовая религиозность», связанная с обрядами, пищей, одеждой и прочим – не самое главное в жизни человека, но она на свой лад может выражать его верность Богу. И очень скоро последовало более значительное испытание...

У каждого государства есть свои идолы, и относиться к ним непочтительно никому не рекомендуется. Только в древности эти идолы были более наглядными – в Вавилоне это был золотой истукан высотой в 20 с лишним метров, перед которым надо было падать ниц. Друзья Даниила отказались это сделать, их по приказу царя бросили в раскаленную печь. Но юноши не погибли в пламени. Более того, все окружавшие их увидели, что в пламени ходят не три, а четыре фигуры и, как заметили вавилоняне, «вид четвертого подобен сыну Божию». И сегодня в православных храмах постоянно звучат слова и образы из песни трех отроков в печи: именно ей подражают седьмая и восьмая песни любого канона, звучащего на утрени.

Кстати, этот библейский сюжет всегда был особенно любим на Руси, именно его разыгрывали во время так называемого «пещного действия», которое показал в фильме об Иоанне Грозном и С. Эйзенштейн... может быть, дело в том, что и в нашей истории время от времени случалось нечто подобное?

Пророк при дворе

Итак, Даниил стал высокопоставленным чиновником при царском дворе. Вавилон тогда был крупнейшим культурным, религиозным и экономическим центром. Среди прочего, вавилонские мудрецы занимались астрологическими исследованиями, стремясь понять ход небесных светил и уразуметь знаки, которые посылало им небо. Но единственным мудрецом, который был в состоянии проникнуть в тайны и истолковать загадочные образы, раз за разом оказывался именно Даниил – не потому, что он особенно преуспевал в этих науках, но потому, что с ним был Бог.

Однажды царю Навуходоносору приснился сон про колоссальную статую с головой из золота, грудью из серебра, животом из меди, голеньями из железа и ступнями из глины (именно отсюда пошло наше выражение «колосс на глиняных ногах»). Даниил объяснил это так: сам Навуходоносор подобен золотой голове, после него настанет иное царство, серебряное, затем медное, железное и глиняное. С одной стороны, перед нами обычная история о смене эпох, от лучшей к худшей. Но с другой стороны – это некоторое пророчество о судьбах мировых империй. Вавилонян сменили персы, персов – греки, греков – римляне, но каждая империя, казавшаяся вечной и непобедимой, так или иначе рушилась. Возможно, два-три тысячелетия так же будут вспоминать нынешние «незыблемые» империи с глиняными ногами...

С книгой Даниила связано и другое хорошо известное выражение – «Валтасаров пир». Валтасар был одним из правителей Вавилона (хотя, строго говоря, сам был тогда лишь наследником престола), а правители во все времена любили пышные пиры. Но Валтасару было недостаточно кушанья, питья и веселья – ему было нужно утвердить свое величие, показать, что никто и ничто в мире не может быть важнее его развлечений. И тогда он велел подавать вино в сосудах, которые были вывезены из Иерусалимского Храма – это было уже прямое оскорбление Бога. Вскоре на стене появилась странная надпись: «Мене мене текел упарсин». Никто был не в состоянии понять смысла этих слов, и только Даниил дал им толкование:

«Мене – исчислил (по-арамейски *мана*) Бог твое царствование и положил ему конец. Текел – взвешен (*текилта*) ты на весах и оказался слишком легким. Перес – разделено (*перисат*) твоё царство и отдано мидянам и персам (*парас*)».

Начертание таинственных слов становится как бы скелетом, к которому Даниил добавляет «плоть» новых смыслов. Третье из этих слов даже пишется по-разному и толкуется тоже двояко: «разделено» и «персы». Пророчество как единое целое обретает значение только тогда, когда соединяются оба эти смысла. Для того и нужен пророк, чтобы сложить элементы единой картины вместе.

Надо отдать должное Валтасару – он не казнил Даниила за дурную весть, а щедро наградил его. Но сам он был убит той же ночью, а Вавилон был взят войсками персов и мидян. Есть некий предел гордыни и превозношения правителей, за которым их государство ждет окончательная гибель.

Впрочем, находится рядом с царем – сомнительная привилегия. Всегда кто-то будет завидовать, подсиживать, выискивать слабые места. И у Даниила действительно было одно очень слабое место – его вера. Он не мог вести себя, как прочие верные вельможи его господина хотя бы уже потому, что они почитали царя божеством (для язычников достаточно обыденное явление) и были готовы исполнить любую его прихоть. Даниил – только ту, которая не противоречила его религиозным убеждениям. Раз за разом повторялись истории, подобные той, когда четырех юношей хотели кормить с царского стола, а они отказались.

Однажды придворные подговорили царя: «если кто-нибудь в течение тридцати дней обратится с мольбой к богу или к человеку – к кому бы то ни было, кроме тебя, о царь, – бросить его в яму на съедение львам». Приятно, когда тебя ставят выше богов! Царь согласился. Мы не знаем, все ли в его царстве соблюли этот нелепый запрет, но в нарушении объявили одного Даниила (да, и в те времена законы и указы нередко принимались только для того, чтобы в режиме «ручного управления» устранить неугодных). Как ни печалился царь, а Даниила ему пришлось-таки бросить в яму на съедение львам, ведь в Персии даже царь не мог отменить действие собственных указов. И то сказать, если он бог, то он непогрешим, а всё сказанное им должно в точности исполняться. Трудно быть богом...

Но Господь сохранил Даниила и во рве львином – а царь, недолго думая, бросил туда его обвинителей. Классическая иллюстрация к поговорке про яму для другого – кстати, она ведь тоже пришла к нам из Библии.

Звериные царства и Сын Человеческий

Но главное в книге Даниила – не истории из жизни царского двора (тут перечислены далеко не все из них), а удивительные пророчества о «конце времен». Они довольно сложны для понимания, и до сих пор часто спорят о том, что именно имеется в виду под тем или иным образом. Перед нами проходит череда диких и кровожадных зверей: лев, медведь и барс сменяли друг друга, а последним в этой череде оказался непонятный зверь с десятью рогами. Самое вероятное толкование – это великие империи, сменявшие друг друга на Ближнем Востоке: ассирийская, вавилонская, персидская и, наконец, царство Александра Македонского, разделившееся после его смерти на несколько самостоятельных государств.

Действительно, могучие правители древности (да и только ли древности?) любили изображения страшных хищников – сегодня в музеях стоят статуи и рельефы из их дворцов, на которых огромных и небывалых зверей: например, быков с человеческими головами и орлиными крыльями. Обычный человек, оказавшись перед такой статуей, чувствовал всю свою ничтожность и никчемность в сравнении с великой государственной машиной. Только и он знал: ни одно земное государство не вечно. Кстати, книга Даниила рассказывает, как тот же царь Навуходоносор, ослепленный собственным величием, на время утратил человеческий разум и вел совершенно звериный образ жизни, пока не пришел в себя и не прославил Единого Бога. Сегодня гербы тоже несут на себе изображение львов, орлов и других хищников... и нередко человек приносится им в жертву.

Но в самом конце этого звериного парада произошло что-то совершенно особенное: «вот, с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его – владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится».

Здесь Даниил явно говорит о еще одном царе, который никого не будет устрашать и угнетать, а станет вести себя так, как подобает человеку. Само выражение «сын человеческий» встречается в этой книге несколько раз, оно относится ко всем людям вообще и к Даниилу в частности. То есть этот новый царь ничем, по сути, не будет отличаться от простых людей, никак не будет превозноситься перед ними – и при этом он приблизится к «Древнему днями», то есть к Богу, Который неизмеримо старше всех империй и царств, Который Один властен изменить их судьбу. И все они будут положены под ноги этого человека...

Когда через несколько веков простой плотник из Назорета назовет себя Сыном Человеческим, это выражение, с одной стороны, будет самым скромным титулом, который только можно найти. Есть священники, есть книжники, а вот Он – просто Человек. Но с другой стороны, люди услышат в этом наименовании намек на пророчество

из книги Даниила: Он и есть тот самый долгожданный Царь! Поверить в это будет нелегко, и пойти за Ним отважатся немногие...

Но пока что до этого еще было далеко. Даниил записывал свои удивительные видения и размышлял о судьбах своего народа. Народ был угнетен, унижен, подавлен, и Даниил всей душой жаждал его восстановления. Но он не бранил врагов, не предавался мечтаниям о славном будущем, а молился о прощении грехов – своих и всего народа:

«Молю Тебя, Господи Боже великий и дивный, хранящий завет и милость к любящим Тебя и соблюдающим повеления Твои! Согрешили мы, поступали незаконно, упорствовали и отступили от заповедей Твоих и не слушали рабов Твоих, пророков. У Тебя, Господи, правда, а у нас на лицах стыд, у царей наших, у князей наших и у отцов наших, потому что мы согрешили пред Тобою... И ныне, Господи Боже наш, изведший народ Твой из земли Египетской и явивший славу Твою, услышь, Боже наш, молитву раба Твоего и воззри светлым взором на опустошенное святилище Твое. Воззри на опустошения наши и на город, на котором наречено имя Твое; ибо мы повергаем моления наши пред Тобою, уповая не на праведность нашу, но на Твое великое милосердие. Господи, услышь! Господи, прости!»

Эти слова произнес не кто иной, как Даниил – великий мудрец и пророк, добившийся признания у своего народа и высокого положения в Вавилонской, а затем и в Персидской империях, муж, прославленный многими чудесами и видениями. Но он, в отличие от правителей Вавилона, не гордился своей славой или даже праведностью, а лишь надеялся на милость Божью к Его униженному народу и всему человечеству. Чтобы принять Сына Человеческого, нужно прежде всего самим оставить звериный облик и стать людьми – и об этом книга Даниила напоминает многим поколениям своих читателей.

врезка:

Великие империи на древнем Ближнем Востоке сменяли друг друга – и их отношение к маленькому народу, жившему между славными торговыми городами Финикии и еще более знаменитым Египтом, было не одинаковым. Первой державой, завоевавшей Ханаан (а не просто подчинившей его себе, как делали египтяне), стала *Ассирия*. К концу VIII в. до н.э. ей удалось уничтожить северное (Израильское) царство. Ассирийцы первыми стали практиковать насильственные переселения: народом, лишенным родины, было куда легче управлять. Поэтому значительная часть десяти северных колен Израиля была выселена из Палестины, а на их место были пригнаны другие народы. Потомки этого смешанного населения со временем стали называться самарянами – они с иудеями привыкли смотреть друг на друга как на врагов.

В VII в. Южное (Иудейское) царство выстояло под ударами ассирийцев, а затем и сама Ассирия распалась. В начале VI в. новой великой империей становится *Вавилон* – именно его войска разрушили в 586 г. Иерусалим и храм, а затем, по примеру ассирийцев, увели в плен значительное число иудеев. Прошло чуть более полувека, и в 539 г. город Вавилон был взят войском персов и мидийцев, создавших новую великую империю. *Персидские* правители относились к своим подданным куда мягче, чем вавилоняне – они понимали, что власть легче удержать, когда подданным эта власть не кажется слишком тяжелой. Поэтому персы, в частности, разрешили евреям вернуться на родину и отстроить заново Иерусалим вместе с Храмом. При этом вернулись домой далеко не все евреи, часть их осталась в Вавилонии, Египте и других краях – с тех пор и существует еврейская диаспора, не менее многочисленная и влиятельная, чем евреи, живущие в Земле Обетованной.

Но не вечна никакая империя – и персидская тоже пала под ударом фаланг *Александра Македонского* в 330-х годах до н.э. На месте империи после смерти Александра возникло несколько *эллинистических* государств – в частности, Палестина

отошла Селевкидам, и тогда евреям снова пришлось бороться за независимость – об этом будет рассказано в 24-й главе, посвященной Маккавеям.

21. Эсфирь – царица из народа

Женская история успеха

Может быть, и не стоила бы эта библейская книга отдельного разговора, особенно если учесть, как много книг и героев, о которых мы тут вообще не успели упомянуть. Но всё же есть в книге Эсфири (или Есфири, как пишется ее имя в старой орфографии) нечто такое, чего не найдешь в других библейских повествованиях. Поэтому поговорим немного и о ней.

Как и книга Даниила, книга Эсфири говорит о жизни иудеев в рассеянии. Только здесь не идет речь о восстановлении Иерусалима, о возрождении былого величия и т.д. – нет, перед нами история людей, которым, может быть, и не нравится положение изгнанников, но они с ним вполне смирились. Живут в разных городах и местностях огромной Персидской империи, участвуют во всем, что происходит в этом государстве, не забывая и о собственной традиции.

Действие разворачивается во время правления царя по имени Артаксеркс – по-видимому, речь идет об Артаксерксе I. Его долгое царствование пришлось на середину V в. до н.э., то была эпоха расцвета персидского государства – на границах огромной империи (от Эгейского моря до Индии, от Средней Азии до Египта) шли войны, но еще не родился тот, кто мог бросить персам серьезный вызов. Так что царь мог предаваться роскошеством и удовольствиям в своем дворце, расположенном в городе Сузы – одной из его резиденций. Он «устроил на третий год своего правления пир для всех вельмож и приближенных. Военачальники персидские и мидийские, знать и правители областей предстали перед царем, и он показывал им богатство и славу своего царства, пышность и блеск своего величия. Длилось это целых сто восемьдесят дней. А по прошествии этих дней царь устроил всему народу, какой был в твердыне города Сузы, и знатным и простым, пир на семь дней в саду царского дворца... царь велел всем управителям своего дворца: пусть люди пьют, сколько пожелают».

Можно представить себе эту картину! Не удивительно, что царица в конце концов устала от бесконечных празднований и отказалась явиться к пирующим по зову своего господина. Какое это было тяжкое оскорбление! Теперь жена самого последнего из царских подданных могла отказаться, по примеру царицы, исполнять повеления своего мужа. Стерпеть такое было никак невозможно, и царь прогнал супругу, разослав по всему царству указ на всех языках своей империи, гласивший: «Пусть мужчина будет господином в своем доме», – вместе с указом и объявление о том, что при дворе открылась вакансия царицы.

Среди прочих красавиц, собранных ко двору, оказалась и Эсфирь, молодая еврейка, которую воспитывал ее близкий родственник Мардохей. Он тоже служил при дворе и даже некогда оказал царю важную услугу, предупредив его о заговоре. Конкурс красоты тогда проходил неспешно: в течение целого года красавицы натирались и умащались всяческими маслами и благовониями, а потом их посылали к царю на одну ночь. После этого девушки отправлялись в особые покои – но большинство из них уже никогда не видели царя, если только он сам не желал вновь встретиться с ними. А кто сказал, что быть наложницей великого царя – это сплошные удовольствия?

Эсфирь, однако, выиграла этот конкурс и осталась при дворе в звании царицы. Казалось бы, ну что такого в этой истории, чтобы вносить ее в состав Священного Писания? Но всё главное еще только было впереди...

Женская история спасения

Первая в истории попытка поголовного истребления евреев, как гласит Библия, была задумана как раз при дворе Артаксеркса. Даже египетский фараон в свое время вовсе

не хотел евреев уничтожить, он только собирался ограничить их рождаемость. Теперь же при дворе обнаружился некий Аман, который предложил царю такой проект: «Есть один народ, рассеянный по всем областям твоего царства среди других народов, но чуждый им. Законы у этих людей совсем не такие, как у прочих народов, и законов царя они не соблюдают. Не подобает царю с этим мириться. Если царю угодно, пусть он издаст указ о том, чтобы истребить их, и тогда казначеи получат от меня для царской казны десять тысяч талантов серебра».

Надо полагать, что Аман вовсе не собирался быть «спонсором» этих погромов: он, напротив, хотел поживиться имуществом тех, кого удастся перебить – и часть добычи заранее обещал отдать царю. Собственно, произошло примерно всё то же, что было и в истории с Даниилом, только уже в других масштабах: народ, у которого есть Царь выше всех земных царей, потенциально опасен для любого правителя. Артаксеркс согласился, решение об истреблении евреев было принято, дата выбрана при помощи жребия, и по всему царству был разосланы указания к наместникам и начальникам, как именно следует осуществить это мероприятие.

Мардохей как приближенный к царю не мог не узнать об этом приказе. Что же делать теперь? С одной стороны, его воспитанница стала царицей... А с другой – что она решала? Даже войти к царю не могла без его особого приглашения. А Мардохея, соответственно, не пускали к ней. Пришлось придворному прибегнуть к помощи слуг, чтобы передать царице весть о том, что их самих хотят в ближайшем будущем убить. Восточные дворы могут быть роскошными и славными, но жизнь при этих дворах всё же не так привлекательна, как кажется на первый взгляд.

И тогда эта молодая женщина, от которой не зависело ничего, которая была просто очень красивой и ценной игрушкой самого могущественного человека в мире, решила действовать сама. Для начала она попросила всех евреев царского города Сузы объявить строгий трехдневный пост. Воздерживаясь от пищи, или, говоря библейским языком, «смирив себя», люди показывали Богу свою полную зависимость от Него, готовность принять Его волю. Надежды на собственные силы у них уже не оставалось.

Повествователь тем временем мастерски нагнетает напряжение – и в то же время показывает, как ненадежны расчеты Амана, как рушатся один за другим его планы. Во-первых, он так хотел расправиться с ненавистным Мардохеем, что даже не был готов ждать дня, назначенного для истребления всех евреев. Он приготовил высокий столб, на котором собирался повесить своего недруга.

Но вышло всё не так. Царю на следующую ночь не спалось, он велел принести и читать дворцовые хроники – и так ему напомнили о былых заслугах Мардохея. И оказалось, что верного служителя никак не наградили! Царь поспешил исправить эту несправедливость и для начала посоветовался с Аманом: как наградить самого верного слугу? Аман ответил: «пусть принесут одеяние царское, в которое облачается царь, и приведут увенчанного царским убором коня, на котором ездит царь. Пусть передадут это одеяние и коня кому-нибудь из самых знатных царских вельмож, а тот облачит человека, которому царь желает воздать почести, посадит его на коня и проведет коня под уздцы по городской площади». Аман-то был уверен, что все эти почести предназначены ему... но они достались его злейшему врагу Мардохею, Аману же пришлось вести коня под уздцы.

Казалось бы, можно было отступить, понять, что планам его не суждено было сбыться. Но Аман настаивал на своем – и так шел к собственной гибели, как до него и после него поступали слишком многие, кто был ослеплен ненавистью и собственным высоким чином.

А что же царица Эсфирь? После поста она устроила роскошный пир и пригласила на него супруга-царя и недоброжелателя Амана. Когда царь на пиру пришел в доброе расположение духа, он, как водится у царей, пообещал исполнить любую просьбу Эсфири. Она ответила: «Если я снискала милость твою, о царь, если царю угодно, пусть сохранят жизнь мою – вот о чем я прошу! Пусть сохраняют народ мой – вот о чем я молю!»

Потому что проданы мы – и я, и мой народ – преданы на истребление, на избиение, на гибель!» И ошеломленный царь выслушал историю о страшном враге, который хотел уничтожить и ее саму, и преданного царю Мардохея. Приговор был вынесен тут же, на месте: Амана повесили на том самом столбе, который он приготовил для Мардохея.

Однако на том история еще не закончилась: ведь приказ об истреблении евреев уже был разослан по всей огромной Персидской империи, а отменять однажды отданные приказы, как мы видели и по истории Даниила, у персидских владык было не принято. Тогда от имени царя был издан другой указ: теперь уже евреям дозволялось и даже прямо предписывалось постоять за себя, отомстить всем своим врагам и перебить. Книга Есфири добавляет: «И в какую бы область, в какой бы город ни приходил этот указ с повелением царя, везде начинались у иудеев радость и веселье, пир и праздник. И многие люди из народов этой страны перешли в иудейство, потому что их объял страх перед иудеями».

Богословие без слов о Боге?

Иудеи не преминули воспользоваться такой возможностью и действительно уничтожили всех своих врагов – в одних Сузах их обнаружилось пять сотен, в том числе повесили десятерых сыновей Амана. Этот день решено было отметить как праздничный, и по сей день он сохраняется в календаре еврейских праздников под именем Пурим – это слово переводится как «жребий». Некогда враги еврейского народа бросали жребий, определяя день, когда нужно евреев перебить, но в результате погибли сами. Такой уж им выпал жребий.

И всё-таки относиться к этой книге спокойно у христиан часто не получается, порой ее даже предлагали исключить из состава Библии. Что же это выходит? Избранный народ не просто избавился от гибели, но и отплатил врагам той же монетой? Разве нельзя было иначе? Разве они не понимали, что народ Божий не должен уподобляться своим гонителям?

Трудно сказать, можно ли было в ту эпоху обезопасить врагов, не причиняя им при этом ни малейшего вреда. Отнять у них оружие? Заключить под стражу? А если они откажутся (а ведь точно не согласятся), тогда что?

Но самое главное, что слова о любви к ненавидящим в том мире еще не прозвучали. Как и в случае с Исходом и с завоеванием Ханаана вопрос был один: «кто кого». И горе побежденным! Глядя на мир, изображенный в книге Эсфири, где убийство одного человека или целого народа – такая же обыденная вещь, как царское пиршество, мы лучше понимаем, что Новый Завет стал действительно новым, революционным для своего времени.

Но есть у христиан и еще одна причина относиться к этой книге с осторожностью... В ее еврейском тексте ни разу не упомянут Бог. Если бы она не входила в состав Библии, у нас не было бы особых оснований думать, что она вообще имеет какое-то отношение к вопросам веры. Это захватывающая история из жизни персидского двора, с конфликтами, интригами, напряженным действием и неожиданной развязкой. Но действуют в ней во всех случаях люди и только люди.

Именно по этой причине в греческую версию этой книги были добавлены целые абзацы, излагающие богословский взгляд на ту же историю. Вот, к примеру, как молится Мардохей, узнав об опасности: «И ныне, Господи Боже, Царю, Боже Авраамов, пощади народ Твой; ибо замышляют нам погибель и хотят истребить изначальное наследие Твое; не презри достояния Твоего, которое Ты избавил для Себя из земли Египетской; услышь молитву мою и умиласердись над наследием Твоим и обрати сетование наше в веселие, дабы мы, живя, воспевали имя Твое, Господи». И повествователь добавляет, что горячо молился не только он, но и все евреи. Но эти строки явно были добавлены в текст позднее, как раз для того, чтобы его сделать более назидательным для верующих.

Но даже если отказаться от них – история не теряет своего смысла. Бог в любом случае действует в истории, только не всегда в виде огненного и облачного столпа, как

при исходе израильтян из Египта. Его воля может твориться руками людей – даже если они при этом и не говорят о Нем перед другими людьми.

И, в конце концов, глядя на эту месть врагам, на многие другие эпизоды этой истории, понимаешь: далеко не каждое конкретное действие было предопределено Богом. Люди сами принимали решения, сами исполняли их, Бог не водил их на ниточках, как марионеток. И может быть, иной раз действительно стоит воздержаться о того, чтобы перекладывать на Него ответственность за собственные действия, говоря на каждом шагу «такова воля Божья»? Какова она, мы в конечном счете обязательно увидим, но за свои собственные решения можем и должны отвечать сами.

Врезка:

На книгу Эсфири очень похожа другая книга, которая не входит в канон Писания, но публикуется в православных и католических изданиях Библии – это **книга Иудифи**. Это тоже история женщины, спасшей свой народ от жестокого истребления.

Иерусалим, как повествует эта книга, был осажден огромным вражеским войском под началом жестокого полководца по имени Олоферн (в исторических книгах Библии мы не найдем никаких упоминаний этой осады, так что это может быть некий собирательный образ). Народ молился об избавлении, но в городе свирепствовали голод и жажда, сил для борьбы не оставалось и было принято решение сдаться врагам через пять дней.

И тогда прекрасная молодая вдова по имени Иудифь, женщина горячей веры и самого строгого благочестия, решила действовать сама. Помолившись Богу и поговорив с городскими старейшинами, она вышла из города и направилась во вражеский лагерь, попросив проводить ее к полководцу. Молодую красавицу пустили туда без малейших подозрений.

Через несколько дней Олоферн устроил пир и пригласил на него Иудифь. Он надеялся этой же ночью овладеть ей, и она не отвергла его ухаживаний, но пошла к нему в шатер. И вот когда пьяный полководец повалился на кровать, она выхватила его собственный меч и отсекала ему голову. Спрятав ее в мешке своей служанки, она вернулась в осажденный город – и следующим утром голова вражеского полководца красовалась на городской стене Иерусалима. Враги в страхе отступили от города.

Две эти книги, Эсфири и Иудифи, показывают, какими разными путями люди могут послужить своему народу и Богу, в зависимости от обстоятельств, да и характера. А кроме того, они ясно говорят: роль женщины в истории избранного народа не тождественна роли мужчины – но и ничем не ниже ее. Она просто другая.

22. Аггей, Захария, Авдий, Малахия: пророки возвращения

Аггей: время строить Храм!

Вавилонское пленение израильтян длилось не вечно. Вавилон пал, вся его территория попала под власть других правителей, персов и мидян, а они гораздо мягче относились к покоренным народам, в том числе к иудеям. Ассирийцы и вавилоняне старались предупреждать мятежи жестокостью, выселяя народы из родных краев, а персы предпочитали создать для них такие условия жизни, при которых незачем будет бунтовать. В 538 г. до н.э. царь Кир издал приказ, позволяющий иудеям возвращаться на родину и отстраивать разрушенное (об этом говорят некоторые главы из книги пророка Исаяи), а на пасху 515 г. в Иерусалиме был освящен заново отстроенный Храм. Именно тогда появились последние по времени пророки Ветхого Завета, возвещавшие волю Бога относительно народа Израиля.

Подробнее об этих событиях рассказано в книгах Ездры и Неемии, но именно в пророческих книгах мы находим объяснение – а почему вообще нужно было возвращаться к руинам? Разве нельзя было жить и дальше в изгнании, как жила Эсфирь и многие ее соплеменники? Зачем было тратить столько сил и средств на святыни, когда народу не хватало подчас самого необходимого?

Да и в чем суть такого возвращения? Непросто восстановить разрушенные стены – но хотя бы понятно, как это сделать. Но куда сложнее возродить жизнь государства и религиозной общины после того, как всё было разрушено до основания. Что здесь главное, а что – временное, преходящее? Об этом и говорили с народом последние по времени ветхозаветные пророки. Первым из них был пророк Аггей, его пророчества – уникальный случай! – точно датированы. Он начал проповедовать 29 августа 520 г. до н.э. и закончил проповедь 18 декабря того же года. Еще одна уникальная особенность этого пророка: его проповедь имела успех, люди выполнили всё, что повелел им через Аггея Господь. Собственно, потому Аггей и не стал продолжать.

Предмет его проповеди очень прост: люди, вы уже вернулись домой, вы построили себе жилища, распахали и засеяли поля, собрали первый урожай, а за ним и второй, и третий... Не пора ли задуматься о том, что важнее пахоты и жатвы? И можно ли ждать успеха в житейских делах, если вы пренебрегаете святыней? Жизнь, конечно, была трудной, иудеи едва сводили концы с концами, соседние народы были настроены враждебно... До Храма ли было им?

«Этот народ говорит: “Не настало еще время строить Храм Господень!” На это есть слово Господне, что пришло через пророка Аггея: “А вам самим – время жить в разукрашенных домах, когда Храм разрушен?” Ныне так отвечает вам Господь Воинств: “Посмотрите, как вы живете! Сеете много, да мало жнете, едите, да не досыта, пьете, да не допьяна, одеаетесь, да не согреваетесь, а что заработали – всё в дырявый кошель... На гору взойдите, дерево носите, храм стройте – в том Моя воля, в том Моя слава!” – говорит Господь».

У Аггея мы не найдем высокого богословия, да, видимо, людям было тогда не до него. Им бы семью прокормить – вот и показывал он прямую и непосредственную связь между достатком и благочестием. И это подействовало, строительство едва заложенного Храма было возобновлено. И тогда пророк произнес другие слова: «Как бывало у вас? Приходил кто к копне на двадцать мер зерна – а выходило десять; приходил кто к давилльне, где пятьдесят мер винограда – а выходило двадцать... Поразмыслите: есть ли еще семена в амбарах? И лоза, и смква, и гранат, и олива не плодоносили, но с этого дня Я благословлю их».

И всё же Аггей не сосредоточен только на материальном достатке. Главное, что он говорит своим соплеменникам, это вовсе не расчет урожайности. «Я с вами – таково пророчество Господа!» А значит, всё получится.

Захария: видения нового Храма

Современником Аггея был пророк Загария, чье имя означает «Господь помнит». Его имя напоминает содержание книги Аггея: Господь остается со своим народом, не оставляет его, но ждет, что и народ, в свою очередь, будет исполнять Его волю.

Но вот пророчества Захарии совершенно не похожи на те, которые произносил Аггей. У Захарии нет и в помине разговоров об урожае зерна и винограда, зато у него много самых загадочных видений – многие из них потом перейдут в новозаветную книгу Откровения. Некие загадочные кони несутся по всей земле, некий ангел с измерительным шнуром обходит новый, прекрасный Иерусалим, как в книге пророка Иезекииля... А затем ангел облачает в белое первосвященника по имени Иисус, который и будет служить Богу в этом прекрасном и удивительном городе. Конечно, это имя носили многие иудеи, в том числе и первосвященник времен Захарии, но не удивительно, что христиане видят в этом пророчестве указание на Новый Завет. В конце концов, и в новозаветном послании к Евреям ясно сказано, что храмовое служение ветхозаветных первосвященников – только прообраз того, что совершит в свое время Христос, принеся Себя в жертву единожды и за всех людей.

Но Захария говорит не только о таинственном и далеком. Основная часть его проповеди говорит о состоянии, в котором находятся его современники и соотечественники. Да, они восстанавливают Храм, и это очень важное и нужное дело – но разве дело только в Храме? Простое храмовое здание было разрушено захватчиками, оно не уберегло дедов и отцов от язычества, разврата и жестокой несправедливости – и новое здание, каким бы важным оно ни было, само по себе ничего не гарантирует. Израильский народ нуждается действительно в новом начале, а не в повторении той же самой истории падения и разрушения.

«Обратитесь ко мне! – пророчество Господа Саваофа, и Я тогда обращусь к вам, говорит Господь Саваоф. Не будьте подобны вашим отцам, к которым зывали прежние пророки, передавали им слова Господа: “сверните со злых ваших путей, отвратитесь от злых ваших дел” – но не послушали они, Мне не вняли. Таково пророчество Господа! Где же теперь отцы ваши? Да и пророкам – жить ли вечно? Но что сказал Я, что определил, что заповедал пророкам, Моим слугам – разве не постигло всё это отцов ваших?»

С одной стороны, урок был хорошо усвоен. День начала вавилонской осады и день падения Иерусалима запомнились всем иудеям, они отмечали их строжайшим постом как самые черные дни своей истории. А как же быть им теперь, когда разрушенное восстанавливается? У народа возник закономерный вопрос: «надо ли нам скорбеть и поститься в пятый месяц, как делали мы уже много лет?» Захария передал слов Господа «вы уже семьдесят лет скорбите и поститесь в пятом и седьмом месяце – для Меня ли этот пост? А когда вы едите и пьете, разве не сами по себе вы едите, не сами пьете? Да и не говорили ли Господь то же самое через прежних пророков, еще когда Иерусалим был населен и спокоен». Иными словами, пост нужен не Богу. Это напоминание о скорбном дне для самих людей, и если они находят такое напоминание правильным и полезным – пусть постятся. Но решать, насколько это уместно, им и только им.

И дальше Захария уточняет, чего действительно ждет от своего народа Господь: «судите по справедливости и правде, и каждый пусть поступает с другим дружелюбно и милосердно. Не притесняйте ни вдов, ни сирот, ни иноземцев, ни бедняков; не замышляйте в сердцах ваших зла друг против друга». В этом его слова созвучны словам Исаяи, который точно так же определял смысл любого поста. И тогда, говорит пророк, «пост четвертого, и пост пятого, и пост седьмого, и пост десятого месяца превратится для дома Иуды в радость и ликование, в доброе празднество. Только любите правду и мир!»

Это блаженное состояние нового Иерусалима, когда печали просто не останется, и не будет причин для поста, ярко описано в книге: «Так говорит Господь Саваоф: вернусь на Сион, поселюсь в Иерусалиме, и будут звать Иерусалим – Градом Правды, а гору Господа Саваоф – Горой Святыни... вновь сядут мужи и жены преклонных лет на улицах Иерусалима, и у каждого в руке посох – так велик их возраст! Наполнят город мальчишки и девочки – будут играть на площадях. Так говорит Господь Саваоф: те дни покажутся удивительными сохраненному народу, но что удивительного в том для Меня?»

Но всё это коснется далеко не только одних иудеев. В проповеди Захарии вновь звучит идея универсализма, представление о том, что Господь хочет привлечь к себе все народы. Роль Израиля заключается именно в том, чтобы привести их к Нему: «Придут в Иерусалим многие племена, могучие народы, чтобы искать Господа Саваофа... в те дни десять человек разноязыких, разноплеменных ухватятся за полу одежды иудея, и скажут: “мы пойдем с тобой, ведь мы слышали, что с вами Бог”».

Но пока что ситуация далека от идеальной. Захария описывает происходящее метафорически, говоря об израильском народе как о стаде овец, которое пасут его политические и религиозные вожди (позднее именно эти образы будет постоянно использовать Христос). Пока что пастухи озабочены только собственным благополучием: режут овец или продают их скупщикам, лишь бы только получить прибыль. Пророк, исполнив свое служение, в конце концов, переходит и сам на этот коммерческий язык. «Я сказал им: “Если хотите, дайте мою плату, а если нет – то не надо”. И отвесили они мне тридцать серебряников. Господь сказал мне: “Брось их горшечнику – высокую же цену они за Меня дали!” Я взял и бросил их в доме Господнем для горшечника».

В историческом контексте эти слова легко можно понять как рассказ о пренебрежительном отношении к пророку: он долгие месяцы и годы верно нес свое служение, а за это ему дали ничтожную пригоршню серебра. Что было делать с ней? Разве что в Храме оставить для какого-то горшечника (мало ли, по какой причине, но деньги, видимо, горшечнику были очень нужны).

И всё же эти слова приводят на память евангельские события – точно такую же плату получил Иуда за свое предательство, и всё же не выдержал, пришел в Храм, швырнул деньги на пол, а на них потом купили земельный участок у какого-то горшечника, о котором мы тоже ничего не знаем. Случайное совпадение? Да, если не учитывать общий контекст книги – и единая нить событий, если смотреть на все пророчества Захарии как на единое целое.

Авдий: наказание за злорадство

Этот пророк, чье имя переводится как «раб Господень», самый неизвестный и самый малый (если судить по размеру книги, носящей его имя) из двенадцати т.н. «малых пророков». О его личности и времени служения нам ничего, по сути, не известно. Ясно только одно: ему уже было известно о катастрофе, постигшей Израиль.

Содержание его проповеди тоже очень простое – Авдий передает слова Господа эдомитянам, ближайшим родственникам евреев: «если ты и взлетел, как орел, если свил себе гнездо среди звезд – и оттуда тебя низвергну!»

За что же эдомитян ждет такое наказание? «Не смотрел бы ты на день своего брата, на день его беды, не радовался бы в день гибели сынов Иуды... Не стоял бы на перекрестках, убивая беглецов; не выдавал бы уцелевших в день беды! Близок День Господень ко всем народам – как ты поступал, так и с тобой поступят; что творил, к тебе и вернется!» Предком эдомитян был Исав, брат-близнец Иакова, от которого произошли израильтяне, и два этих народа действительно считали друг друга ближайшими родственниками. Только, как показывает и новейшая история, ссоры между такими братскими и соседскими народами запоминаются надолго и служат источником черной зависти и злобы.

Датировать точно это пророчество невозможно, но вполне вероятно, что оно прозвучало во время возвращения иудеев на Родину, к чему окрестные народы отнеслись с большой опаской. Как, зачем? Они уже распорядились тем, что осталось после переселения иудеев, и вот, теперь придется потесниться, отдавать всё обратно? Авдий дает ясное предупреждение, что ждет Эдом за его недоброжелательство и злорадство.

Можно считать, что это предсказание окончательно сбылось в конце II в. до н.э., когда Идумея (так тогда назывался Эдом) была завоевана иудеями, а ее жители были обращены в иудаизм, в основном насильно (кстати, это единственный пример такого рода). С тех пор об Эдоме-Идумее как о самостоятельном государстве уже никто не слышал, а скоро и само это название вышло из употребления.

Малахия: грядущий Вестник

Книга пророка Малахии идет последней в списке двенадцати «малых пророков», и он вероятно, и в самом деле был последним из них по времени жизни – а стало быть, вообще последним ветхозаветным пророком, чья книга дошла до нас. Его имя означает «Вестник Господень», и оно очень подходит к содержанию его пророчеств. Когда точно он жил, сказать трудно, но, скорее всего, он был современником Эзры и Неемии, о которых пойдет речь в следующей главе – это вторая половина V века до н.э.

Малахия говорил прежде всего об отношениях Бога со Своим народом, и начинает он с самого главного: «“Я люблю вас”, – Господь сказал, – а вы спрашиваете: “в чем любовь Твоя?” Разве Исав – Иакову не брат? Но вот что изрек Господь: Иакова Я возлюбил, а Исава отверг». Вся логика этих отношений основана на том, что Господь особым образом возлюбил израильский народ. Тот может задаться вопросом: в чем же это проявляется, чем доказывается? И Малахия вспоминает историю из книги Бытия, которая рассказывала о близнецах Иакове и Исаве. Господь действительно избрал Иакова, а значит, и его потомков, хотя был свободен в выборе. Очевидно, видя судьбу эдомитян (о которой пророчествовал и Авдий) израильтяне очень ясно должны были увидеть, в чем заключается разница между ними и потомками Исава. Один народ прошел через все испытания и сохранился, второй неуклонно двигался к своему концу. Сегодня нет человека, который не слышал бы про Израиль – но кто помнит про Эдом?

Однако отеческая любовь Бога – не просто приятный бонус, но и высокое требование. «Сын почитает отца, и раб – господина своего. Если Я Отец – то где же почет? Если ваш Господин – уважение где? Так говорит Господь Воинств вам, священникам, что презирают имя Мое. Скажете: “как презираем мы имя Твое?” Приносите на жертвенник Мой пищу, что в жертву не годна... Приносите, что отняли у других, хромое или больное – вот ваш дар. Приму ли благосклонно его от вас?»

Помимо жертв, люди обязаны были приносить в Храм десятую часть своего урожая и доходов – эти средства шли на содержание Храма, на жизнь священников и левитов, а так же на помощь нуждающимся. И Малахия предельно категоричен и в этом: что положено отдать Богу, то уже не принадлежит человеку. «Может ли человек красть у Бога? А вы обкрадываете Меня! Спросите: “что мы крадем?” Десятины и приношения! Проклятием прокляты вы, Меня обкрадываете вы – весь народ! Принесите все десятины в хранилище, чтобы в доме Моем была пища, и так испытайте Меня, говорит Господь Воинств. Разве не открою для вас окон небесных, не изолью благословение в избытке?»

Но дело не только в десятинах, приношениях и жертвах. В качестве жертвы отвергаются не только увечные животные, но и те, которые были отняты у других людей. Это ведь вечная тема пророческих обличений: невозможно выстроить верные отношения с Богом, если ты несправедлив к ближнему, и Малахия дает этому самое простое и ясное объяснение: «Не один ли у всех нас Отец? Не один ли нас Бог сотворил? Зачем же мы строим козни друг другу, нарушая отеческий Завет?»

Малахия особо называет и еще одну причину, по которой Бог может не принять жертву от Своих почитателей: «не смотрит Он на ваш дар, благосклонно не принимает из

ваших рук. Спросите вы: “За что?” Вот за что: Господь был свидетелем меж тобой и женой юности твоей, которой ты изменил – а ведь она подруга тебе и законная жена». Речь идет о ситуациях, когда мужчины бросали своих жен просто потому, что те им надоели. Верность Богу неизбежно подразумевает и супружескую верность, иначе не получится.

Отношение к Богу как к Отцу, обличение разводов – всё это прозвучит и в Евангелии. И не случайно в конце книги Малахии предсказан приход чего-то нового, небывалого, что должно перевернуть представления людей того времени... А точнее, не чего-то, а Кого-то: «Вот, Я посылаю вестника Моего предо Мною, он приготовит путь для Меня, и внезапно придет в Свой храм Владыка, Которого вы ищете, и вестник Завета, который так дорог вам». И немного далее он продолжает: «Вот, я посылаю к вам пророка Илию перед приходом Господнего дня, великого и страшного. Он обратит сердца отцов к детям и сердца детей – к отцам, чтобы, придя, Я не поразил проклятием землю».

Пророк Илия был, как верили иудеи, взят на небо живым, а значит, однажды мог и вернуться живым на землю. Впрочем, такого пока что не произошло. Но когда в Иудейской пустыне прозвучала проповедь Иоанна Крестителя, он говорил «в духе и силе Илии», как об этом говорится в Евангелии. Это было не физическое пришествие с неба древнего пророка, не его перевоплощение, но возрождение той самой пророческой традиции, к которой принадлежали и Илия, и Малахия, и Иоанн.

врезка:

Действительно ли **ветхозаветные пророки предсказали евангельские события?** Или речь идет о цепочке совпадений? Захария, например, говорил: «на дом Давида и на жителей Иерусалима Я изолю дух благой и милосердный, и воззрят они на Того, Которого пронзили, и оплачут его, как оплакивают единственное дитя, и будут горевать о нем, как о первенце горюют».

Конечно, всё совпадает с описанием смерти Иисуса, Которого римский воин пронзил копьем, чтобы убедиться в Его смерти. Но, с другой стороны, скольких людей за долгие века пронзили и затем оплакали в Иерусалиме! Разве не могут эти слова относиться к любому из них? А ведь таких отдельных пророчеств очень много, они находятся едва ли не к каждой детали рассказа о смерти и воскресении Иисуса. Но каждое из них можно в принципе объяснить и как-то иначе. Многие детали находим мы и в псалмах: например, что одежду казненного делили по жребию и давали ему пить уксус.

Каждое из подобных пророчеств можно было бы разбирать долго и подробно, но можно предложить и краткий общий ответ. Если бы речь шла всего лишь об этих внешних совпадениях, ни одно из них не выглядело бы достаточно убедительно. Но пророки с самых древних времен говорили о приходе какого-то особого человека, или даже Самого Господа – и чем дальше, тем яснее и полнее они говорили об этом. Самое развернутое описание такого прихода содержится в последней по времени пророческой книге Малахии. Этот приход будет означать победу над злом и примирение Бога со своим народом, он будет означать заключение нового Завета и послужит спасению израильского народа и всего человечества.

В Евангелии мы находим, прежде всего, исполнение этих надежд – и только потому маленькие детали обретают особое значение. Засушенный в книге цветок дорог нам не потому, что на поле не было других цветов, или стоит он огромных денег – а как напоминание о важном для нас человеке или событии. Точно так же и эти маленькие детали ценны не сами по себе, а потому, что указывают на самое Главное.

23. Эзра и Неемия: новое начало

На пепелище

Итак, во второй половине VI в. до н.э. иудеи находили в вавилонском плену, их родная земля лежала в запустении, отчасти заселенная людьми из других народов, а Иерусалим был разрушен. Но в 539 году Вавилон был захвачен войском мидян и персов – так на смену Вавилонской пришла другая, Персидская. Как уже говорилось в предыдущей главе, на следующий год персидский царь Кир позволил иудеям вернуться и восстановить разрушенное. Но, как известно, строить куда труднее, чем ломать – а уж тем более сложна была эта задача для изгнанников, которым трудно было даже просто переселиться на прежнюю Родину, не говоря уже о том, чтобы возродить уничтоженное.

Прежний город и храм строились в условиях сильной царской власти, которая могла обеспечить и строительные материалы, и рабочих. Теперь царь был далеко, этот царь был персом и вокруг него было слишком много придворных со своими противоречивыми интересами – едва ли можно было рассчитывать на его постоянную помощь. Уже хорошо будет, если изначальное дозволение не будет отозвано, если о нем не забудут – и тут придется поддерживать регулярные контакты с персидской администрацией, самой собой.

К тому же земля, где жили иудеи, уже отчасти была заселена и использована окрестными народами. Они вовсе не спешили вернуть то, что так удачно им досталось после ухода иудеев, а к тому же они помнили о сильном иудейском царстве, воевавшем с соседями, и никак не хотели его возвращения. Словом, всё было против них... и всё-таки они решили возвращаться и отстроить разрушенное!

Так что помимо пророков, вдохновлявших народ, им нужны были практики. Кто-то должен был руководить работами, налаживать отношения и с имперскими властями, и с соседями. Всё это, может быть, не так интересно и ярко, как пророчества – но без этого труда пророческие призывы остались бы словами о прекрасной мечте, не более того. Претворить эту мечту в жизнь смогли, среди прочих, Эзра (в старой орфографии Ездра) и Неемия, чьи имена носят другие книги Ветхого Завета.

Оба они отправились на землю праотцев не сразу, как только представилась возможность, а спустя десятилетия, в середине V века. Уже был восстановлен и освящен Храм, было положено начало основанию города – но вместе с тем иссяк первый порыв энтузиазма. Задача казалась слишком сложной, препятствий было слишком много... И вот тут настало время энергичного администратора Неемии и религиозного предводителя Эзры.

Наместник Неемия

Неемия был виночерпием персидского царя Артаксеркса – того самого, о котором рассказывает книга Эсфири. В столичном городе Сузы у него наверняка много возможностей не только для роскошной жизни, но и для помощи своим соплеменникам-иудеям. Но он добровольно решил отправиться в Иерусалим, где был построен Храм, но не было пока городских стен. Город оставался открытым для любого нашествия, средства на строительство были исчерпаны, народ впадал в уныние... Неемия решил, что он нужен на родине.

Когда однажды он подавал царю кубок с вином, царь заметил печаль на его лице и спросил о его причинах. Неемия ответил: «Как не быть печальным лицу моему, когда город отцов моих, в запустении, и ворота его сожжены огнем! Если царю благоугодно, то пошли меня в Иудею, в город, где гробы отцов моих, чтоб я обстроил его».

Царь согласился, Неемия был назначен его наместником в Иудее. Первым делом он решил восстановить городские стены. Однако окрестные народы были не в восторге от

этой перспективы – прежде всего это касается самарян, потомков десяти северных колен Израиля и других народов, которые были переселены в Палестину ассирийскими завоевателями. Так уж устроено в этом мире, что всякий предпочитает видеть соседнее государство слабым и беззащитным. Вражда иудеев и самарян, о которой мы читаем в Новом Завете, была заложена именно тогда.

Строительство описано в Библии так: «Строившие одною рукою производили работу, а другою держали копье. Каждый из строивших препоясан был мечом». Наверное, это поэтическое преувеличение, но в любом случае восстановление разоренного города было тяжелой задачей. Правители окрестных областей доносили о деятельности Неемии персидскому царю: дескать, хитрый иудей хочет сам стать царем и отпасть от персидской империи. К чужакам, как бывает обычно, присоединилась и часть иудейской знати, которая тоже с подозрением относилась к Неемии. Но на самом деле он заботился о возрождении города и народа, а не о собственных политических амбициях.

Впрочем, Неемия прославился не только восстановлением города. Вот что писал он о своем правлении: «прежние областеначальники, которые были до меня, отягощали народ и брали с них хлеб и вино, кроме сорока талантов серебра; даже и слуги их господствовали над народом. Я же не делал так по страху Божию. И при всем том, жалования я не требовал, так как тяжелая служба лежала на народе сем».

Всегда и везде губернаторы и прочие областеначальники любили капитальное строительство. Но чтобы они тратили на него собственные средства, а не получали, наоборот, казенные... Да, это был удивительный наместник!

Книжник Эзра

Восстановление городских зданий – половина дела, и не самая трудная. Восстановить нормальную жизнь общины бывает гораздо труднее. Поэтому другой человек, священник и книжник (то есть знаток Писания) по имени Эзра озабочился сооружением других стен – стен Закона, которые охраняли бы иудеев от языческих влияний. Недостаточно было просто иметь Священное Писание, нужно было научиться жить по нему.

Также заручившись официальной поддержкой персидского царя, он отправился в Иерусалим, где занялся проповедью Закона. Библия особо отмечает один практический вывод, который сделал Эзра: иудеи не должны были брать в жены иноплеменниц! Он даже добился того, чтобы иудеи, женатые на иноплеменницах, отослали своих жен прочь. Сегодня такой подход кажется нам расистским и человеконенавистническим. Однако можно сказать несколько слов и в его защиту.

Именно связь с женщинами-язычницами нередко становилась для израильтян западней – так был пленен Самсон, так совратился под конец своей жизни царь Соломон. В собственном доме любой человек проводит несравненно больше времени, чем в храме, и если в этом доме почитают идолов, ему очень трудно сохранить веру в Бога неповрежденной. Конечно, сегодня мы и не обносим свои города прочными каменными стенами. Но в те времена слишком велик для иудеев был риск раствориться в языческом море, бушевавшим вокруг.

К тому же Библия никогда не забывала и о другом отношении к иноземным женам – достаточно вспомнить книгу Руфь, историю моавитянки, ставшей прабабкой знаменитого царя Давида. Вполне вероятно, кстати, что книгу Руфь написали как раз во времена Эзры и в полемике с ним, доказывая на практическом примере, что иноплеменные жены – совсем не обязательно причина вероотступничества. Вера есть личный выбор человека, так что дело тут вовсе не в национальности...

А может быть, это вообще свойство любого народа, выходящего из затяжного исторического кризиса – замыкаться в собственной скорлупе, с недоверием относиться к окружающему и не слишком-то дружелюбному миру? Пройдет время, и в среде иудеев снова прозвучит проповедь о всеобщности спасения, о том, что люди на самом деле не

делятся на «чистых и нечистых» по национальному признаку. Но пока им нужно было укрываться за толщей стен. Лишь бы только не навсегда...

Храм и синагога

Как это часто бывает, поражение научило евреев большему, чем могла бы научить победа. Им нужно было пережить ссылку в Вавилон, центр тогдашней ближневосточной цивилизации, увидеть великолепные святилища множества языческих богов, чтобы осознать: их Бог – Господь и только Господь. Вопрос о том, кому поклоняться: Господу или Ваалам с Астартами – больше не стоял перед иудеями. Но как именно поклоняться? Вдали от родины иудеи были лишены храмового богослужения, и центр их духовной жизни переместился в синагогу. Там не приносили жертвы, но там читали, толковали и изучали Священное Писание.

Но теперь, когда иудеи отстроили заново Храм – в чем будет заключаться их религия? В Библии мы встречаем два рассказа примерно об одних и тех же событиях: в Первой книге Эзры и в книге Неемии. Многие моменты совпадают дословно, например, генеалогические списки. Но то, что следует непосредственно за списками, выглядит очень по-разному.

Вот что говорит книга Эзры: «И собрался народ, все как один, в Иерусалим. Ешуа, сын Йоцадака, со своими братьями – жрецами, и Зеруббавел, сын Шеалтиэла, со своими братьями, возвели жертвенник Богу Израиля, чтобы вознести жертвы всесожжения, как предписано Законом Моисея, человека Божьего. Они, страшась других народов, поставили жертвенник на прежнем его основании и с тех пор они стали приносить ежедневную жертву всесожжения, жертвы в новолуние и по всем установленным праздникам Господа, а также добровольные жертвы».

А вот что сообщает книга Неемии: «И собрался народ, все как один, на площади перед Водяными воротами. Попросили писца Эзру принести книгу Закона Моисеева, которую Господь заповедал Израилю. Он читал ее прямо на площади от рассвета до полудня, и весь народ слушал книгу Закона. Левиты толковали народу Закон, а народ стоял по своим местам. Они читали по книге Божий Закон с толкованием, передавая смысл и объясняя прочитанное.

Правитель Неемия, жрец и писец Эзра и левиты, наставляющие народ, сказали всему народу: “Этот день посвящен Господу, Богу вашему. Не горюйте и не плачьте (ведь все плакали, слушая слова Закона). Идите, ешьте, пейте, и рассылайте угощение тем, у кого ничего не припасено; потому что этот день посвящен Господу нашему”».

Что мы видим здесь? Два разных рассказа о двух очень разных и очень важных вещах: с одной стороны, жертвоприношения и храмовая служба, с другой – чтение и разъяснение Закона. Именно это сочетание стало основой еврейской жизни после плена: в Храме приносились жертвы, в синагогах читалось Священное Писание. Одно без другого теряло свою ценность. Что толку в тщательном исполнении ритуалов, если народ сам не знает, во что верит? И что толку в богословском образовании, если оно не становится основой для искренней молитвы?

Кстати, обратим внимание, что уже тогда Закон требовалось не только читать, но и разъяснять. С одной стороны, он был написан на древнееврейском языке, которых тогда уже выходил из употребления – сами евреи постепенно переходили на родственный ему арамейский язык. Но дело не только в языковом барьере, который, к тому же, не был непреодолим, эти языка достаточно похожи, как церковнославянский и русский. Но даже там, где ясен первичный смысл священного текста, не всегда бывает понятно, как применить эти слова к своей собственной жизни.

Разумеется, на практике всё выглядело далеко не так просто. Евреям предстояло сразиться и с новыми внешними врагами (на сей раз это будут греки, и об этом – в следующей главе), и, самое главное, с врагом внутренним – с формальным, начетническим отношением к ветхозаветному Закону (об этом повествуется в

Евангелиях). Из времен Эзры и Неемии пришла и эта твердость в отстаивании собственных законов и обрядов, и то упрямство, то нежелание принять новое и неожиданное (говоря библейским языком, «жестоковейность»), которую мы встретим на страницах Евангелий. Так оно и бывает в жизни, где плевелы растут вместе с отборной пшеницей и до срока трудно бывает отделить одно от другого.

Врезка:

Если раскрыть Библию, изданную православными или католиками, то окажется, что книга Эзры (Ездры) там не одна. В русских изданиях его имя носят две исторические книги и еще одна совсем другая, наполненная таинственными видениями – она помещается в самом конце Ветхого Завета, как бы в примечании к нему. В протестантских изданиях этой книги вовсе не будет.

Происхождение этой книги загадочно – ее нет ни в еврейском, ни в греческом варианте Библии, на русский она была переведена с латыни. И вряд ли ее мог написать книжник Эзра – слишком отличается она по стилю и настроению от всего, с чем связывает Библия его имя. Хотя, конечно, мы тут ничего не знаем наверняка.

В этой книге описано, как Эзре является ангел и показывает ему, чем закончится земная история – множество сложных образов сближает эту книгу с Откровением Иоанна Богослова из Нового Завета. Он говорит о рае и аде, но предупреждает Эзру: «Ты не любопытствуй более, как нечестивые будут мучиться, но исследуй, как спасутся праведные, которым принадлежит мир». Зло не стоит того, чтобы его изучать – единственная вещь, о которой по-настоящему стоит размышлять человеку, это спасение.

Есть и еще несколько книг на разных языках, носящих имя Эзры – они не входят в Библию, хотя на свой лад развивают библейские сюжеты и используют библейские образы. Такие книги принято называть апокрифами, т.е. «скрытыми, тайными». Большинство из них, впрочем, ни от кого не скрыты и прекрасно известны с давних пор. Отношение христиан к этим книгам бывает разное: одни принимают их как полезные, другие считают сомнительными, третьи и вовсе противостоят библейским текстам. В любом случае, апокрифы – не часть Священного Писания, их авторитет намного ниже.

Протестанты называют *апокрифами* и те книги, которые не входят в канон Ветхого Завета, но встречаются в православных и католических изданиях. Православные могут называть такие книги *неканоническими* или, вслед за католиками, *второканоническими*, хотя это не совсем точно – канон всегда бывает только один. В православных изданиях Библии они отмечаются особо. Строго говоря, для православных эти книги находятся на периферии Священного Писания – они включены в него, но не входят в канон, в круг самых важных вероучительных книг.

24. Маккавеи – первые антиглобалисты

Глобальный проект Александра Великого

Древний Ближний Восток знал разные империи: ассирийскую, вавилонскую, персидскую, о них мы уже не раз говорили. Поэтому, когда в 330-х годах до н.э. Александр Македонский вторгся со своими войсками в Персидскую державу, разгромил войско Дария и завоевал его бывшие владения, ничего нового в этом не было. Евреи сначала не обратили особого внимания на то, что теперь место персов и мидян заняли македонцы и греки.

Но одно принципиальное новшество всё же возникло: горячее желание Александра создать на просторах его новой империи единое культурное пространство. Ассирийцы, вавилоняне, персы тоже правили многими народами, но они никогда не стремились сделать их подобными себе, и сами не спешили им уподобляться. Их подданные говорили на разных языках, молились разным богам, носили разные одежды, имели разные обычаи, и всё это должно было сохраняться, даже если один народ переселяли из его родных краев в другие земли. Во дворцах древних владык часто изображали вереницы покоренных царей: каждый в особой одежде, каждый со своими дарами. По таким рельефам можно судить о том, какими народами правили из этого дворца.

Еще не успела закончиться война, еще не были добиты войска персов, а в Александре эллинский полководец уже уступил место восточному владыке. Он побуждал своих боевых товарищей следовать его примеру и брать в жены персиянок, он набирал персов в македонское войско – и вместе с тем он основывал по всей империи новые города, устроенные по греческому образцу. Родом македонец, он получил греческое воспитание (его наставником был Аристотель), и великолепная культура Эллады была для него очевидной вершиной мировой цивилизации. Может быть, ему казалось само собой разумеющимся, что и другим народам будет так же легко приобщиться к ней, как и македонцам, ближайшим соседям и родственникам греков. Александр стремился создать нечто такое, чего не знали ни ассирийцы, ни вавилоняне, ни персы, о чем не думал никто и никогда: империя, в которой сольются воедино все народы.

Но какое отношение имело всё это к истории библейского Израиля и Ветхому Завету? Сначала казалось, что почти никакого. Но после ранней смерти Александра его владения оказались поделены между его ближайшими соратниками; Палестину оспаривали друг у друга две династии – Селевкиды, правившие в Сирии, и Птолемеи, которым достался Египет. Это были *эллинистические* государства, в которых элитой стали смешавшиеся с местной знатью эллины (греки), их язык, а с ним искусство, обычаи и верования стали распространяться всё шире и глубже. Птолемеи и Селевкиды могли беспрестанно воевать друг с другом, но они были людьми одного языка, одной культуры и одной религии – не только они сами, но и вся верхушка обоих государств.

Точно так же и их подданные жили теперь в похожих друг на друга городах с широкими прямыми улицами, на которых стояли храмы Зевса и Аполлона, украшенные мраморными колоннами. Эти города были населены представителями разных народов (в том числе и евреями, в Александрии Египетской их было едва ли меньше, чем греков и египтян), которые активно общались друг с другом. От одного города можно было относительно быстро и удобно доехать до другого такого же, и какой бы царь ни правил там, всё те же были там бани, рынки, мастерские и площади, где гуляли философы и беседовали на одни те же возвышенные темы. «Цивилизованное человечество», расширив свои пределы на Восток, неожиданно стало таким маленьким, а патриоты былых времен стали с гордостью называть себя «гражданами мира» – *космополитами*.

Эти новые города были окружены старыми деревнями и небольшими городами, где говорили на своих языках и молились в старых святилищах, но кто обращал внимание на

эту деревенщину? Да и сами крестьяне, привозя урожай на рынок, поневоле приучались торговаться с покупателями на греческом.

По сути дела, это был первый в истории человечества проект глобализации – создания единого культурного пространства с общими ценностями и общим языком. А что не удавалось переделать, можно было по крайней мере назвать по-иному: например, иноземных богов греки отождествляли со своими собственными и считали, что народы других стран чтут тех же Зевса, Посейдона или Афродиту, только под иными именами. Собственно, они были недалеки от истины, ведь все языческие религии похожи друг на друга в главном, а когда ты считаешь несколько десятков собственных богов, то уже не имеет никакого значения, если к ним добавиться еще десяток-другой богов чужеземных. Богом меньше, богом больше – какая разница?

А вот что из этого получилось – об этом рассказывают неканонические Маккавейские книги; всего их было написано четыре, но в состав православных изданий Библии входят только три.

Иерусалим как Антиохия

Эти перемены не могли обойти стороной даже маленькую Иудею, расположенную далеко от столиц Птолемеев и Селевкидов. Интенсивная торговля, а порой и войны, неизбежно втягивали ее жителей в самые тесные отношения с греками, не говоря уже о сознательной политике Птолемеев и Селевкидов. Впрочем, эллинизация далеко не всегда происходила по приказу: представители восточных народов (обычно наиболее знатные, богатые и образованные из них) сами охотно шли учиться к грекам, настолько очевидными казались выгоды.

«В те дни вышли из Израиля сыны беззаконные и убеждали многих, говоря: пойдём и заключим союз с народами, окружающими нас, ибо с тех пор, как мы отделились от них, постигли нас многие бедствия. И добрым показалось это слово в глазах их. Некоторые из народа изъявили желание и отправились к царю; и он дал им право исполнять установления языческие. Они построили в Иерусалиме училище по обычаю языческому и установили у себя необрезание, и отступили от святого завета, и соединились с язычниками» – так повествует первая Маккавейская книга о событиях, начавших происходить в 170-х годах до н.э.

А вторая книга уточняет, какую роль сыграл в них первосвященник, который даже назывался греческим именем Ясон: он строил в Иерусалиме греческий спортивный комплекс (палестру), чтобы юноши могли там заниматься физкультурой. В результате «священники перестали быть ревностными к служению жертвеннику и, презирая храм и нерадея о жертвах, спешили принимать участие в противных закону играх палестры». Более того, Ясон желал получить у царя право прямо в Иерусалиме учредить новый греческий полис под названием Антиохия, со своим особым гражданством. Это название носили несколько городов, оно восходило к наследственному имени царей из династии Селевкидов – их звали Антиохами.

Казалось бы, в этом не было ничего уникального. Примерно так в это время жили евреи в других странах Средиземноморья: они селились в больших городах, становились их гражданами, не чурались спортивных и других мероприятий. Так они сочетали верность отеческим законам и преданиям с эллинистическими (сегодня бы их назвали общечеловеческими) ценностями, и если здесь и возникали свои проблемы, то к серьезным конфликтам они не приводили.

Но в самой Иудее всё вышло совсем не так: в ней вспыхнуло ожесточенное восстание. Почему? Трудно сказать однозначно. Одной из причин стали распри между различными кланами в Иерусалиме: одни поддерживали Селевкидов, другие смотрели в сторону Птолемеев, и все боролись за власть. Дело дошло до того, что один первосвященник, Менелай, сверг другого, Ясона, а тот, улучив удобный момент, штурмом взял Иерусалим и перебил своих противников. Обратим внимание, что оба претендента на

пост первосвященника избрали для себя греческие имена. В результате в их распри пришлось вмешаться сирийскому царю Антиоху: он сам взял город приступом и оставил в «Верхнем городе» (то есть в крепости внутри Иерусалима) военный гарнизон, который не слишком церемонился с местным населением, а первосвященником снова назначил Менелая.

Но подобные вещи наверняка творились во многих местах эллинистического мира – почему же именно Иудея восстала против своего греческого царя, и не просто восстала, а завоевала независимость?

Закон или смерть!

Главной причиной пожара, конечно, стали религиозные преследования со стороны сирийских властей. Впрочем... они думали не о религии, а о политике: государство просто ожидало от своих подданных, что они откажутся от своих «варварских» обычаев ради новых, просвещенных, эллинских, общих для всего государства. Тем более, евреи уже проявили себя как смутьяны и бунтари – разве не следовало разумному царю позаботиться о просвещении этих «варваров»? Стоило прежде всего заставить их участвовать в жертвоприношениях в дни государственных праздников – в государевых богов они, конечно, могут не верить, но мероприятия посещать обязаны, это уже вопрос политической лояльности. Так, видимо, рассуждали при дворе.

Ну а власти на местах, как водится, немного перестарались, да и солдаты местного гарнизона не отличались деликатностью... Вот что в результате увидели евреи: «царь послал одного старца, афинянина, принуждать иудеев отступить от законов отеческих и не жить по законам Божиим, а также осквернить храм Иерусалимский и наименовать его храмом Зевса Олимпийского... Нельзя было ни хранить субботы, ни соблюдать отеческих праздников, ни даже называться иудеем.... Две женщины обвинены были в том, что обрезали своих детей; и за это, привесив к сосцам их младенцев и пред народом проведя по городу, низвергли их со стены. Другие бежали в ближние пещеры, чтобы втайне праздновать седьмой день, но... были сожжены, ибо неправедным считали защищаться по уважению к святости дня». Так простое желание исполнять данные Богом заповеди – о храмовом богослужении, обрезании, то есть посвящении Богу, и соблюдении субботы – становилось государственным преступлением, за которое можно было поплатиться жизнью. Этого евреи перенести уже не могли.

Именно тогда появляются первые мученики – люди, которых угрозами и затем пытками вынуждают отречься от своей веры или хотя бы нарушить ее предписания, но они предпочитают принять мучительную смерть. Старца Элезара насильно кормили свиной, но он выплевывал ее как запрещенную Моисеевым Законом пищу. Тогда ответственные за идеологическую работу предложили ему поесть какую-нибудь разрешенную пищу, которую они просто для видимости объявят свиной: так он спас бы свою жизнь и не нарушил бы Закон. Но Элезар отказался: лицемерие ничуть не лучше прямого нарушения заповеди, к тому же оно бы многих соблазнило. Тогда Элезар был убит.

В другом месте мы читаем, как мученической смертью погибли семеро братьев вместе со своей матерью. Наверное, это самая страшная казнь: видеть, как погибают в мучениях самые близкие тебе люди. Но они шли на смерть не из простого упрямства, говоря палачу: «ты, мучитель, лишаешь нас настоящей жизни, но Царь мира воскресит нас, умерших за Его законы, для жизни вечной» – кстати, это первое в Библии явное исповедание веры в вечную жизнь после смерти.

Молот против фаланги

Взрыв был теперь неминуем – вопрос был только в том, где и когда он произойдет. В селении Модине жил пожилой священник Маттафия с сыновьями Иоанном, Симоном,

Иудой, Элезаром и Ионафаном (эта семья носила имя Хасмонеев). В их селение прибыла очередная правительственная экспедиция: от жителей требовалось принести положенные жертвы богам или погибнуть. Маттафия отказался от принесения жертвы, но ждать мученического конца он тоже не стал: как только первый вероотступник приблизился к языческому алтарю, он выхватил меч и сразил сначала его, а потом и царского посланца. Это был жест отчаяния, но он стал началом восстания. Слишком многие в Иудее были готовы взяться за оружие, им не хватало только организаторов.

И такими организаторами стали Маттафия с сыновьями. У одного из них, Иуды, было прозвище Маккавей (от слова «молот») – именно оно и дало название всему восстанию, мученикам и даже самим книгам, написанным позднее об этом периоде израильской истории. В самом деле, повстанцы оказались тем самым молотом, который сумел сокрушить доселе непобедимые македонские фаланги. Но победа пришла не сразу, сначала это был небольшой отряд повстанцев, скрывавшийся в окрестных горах от правительственных войск.

Во главе отряда после смерти отца стал именно Иуда. «И помогли ему все братья его и все, которые были привержены к отцу его, и вели войну Израиля с радостью... Он преследовал незаконных, отыскивая их, и возмущающих народ его сжигал. И смирились незаконные из страха пред ним... Он прошел по городам Иудеи и истребил в ней нечестивых, и отвратил гнев от Израиля, и сделался именитым до последних пределов земли, и собрал погибавших». Как и в былые времена, израильтяне рассчитывали теперь не на силу своего оружия, а на помощь Божью. Но чтобы надеяться на нее, надо строго исполнять данный Богом закон.

В результате горстка повстанцев растет, крепнет, обретает боевой опыт и трофейное оружие – и вот они уже переходят в наступление. В 164-м г. до н.э. они занимают Иерусалим, очищают оскверненный язычниками храм и возобновляют там богослужение (именно это событие вспоминают и по сей день иудеи, празднуя в начале зимы Хануку). Сирийцы предпринимают еще одно наступление, доставляют на поле брани чудо-оружие того времени – боевых слонов. Иерусалим вновь попадает в руки сирийцев, но теперь всё выглядит уже по-другому. Антиох V, сменивший на престоле бывшего гонителя Антиоха IV, казнит коллаборациониста Менелая как виновника всех бедствий и отменяет все указы, запрещавшие евреям следовать правилам их религии. Эллинистические правители стараются теперь договориться с умеренными евреями, те даже служат в их войсках – но слишком ярка ненависть к угнетателям, слишком велика надежда на полную независимость.

Перемирие длится недолго, и пламя народной войны, бескомпромиссной и беспощадной, разгорается вновь. Еврейские солдаты, служащие сирийцам, чувствуют себя настолько уверенно, что уже отказываются подчиняться их приказам в субботу... Так Селевкиды проиграли религиозный спор раньше, чем проиграли войну.

Пейзаж после битвы

Иуда Маккавей погиб в бою в 160 г. до н.э., его место занял его брат Ионафан. Теперь под его началом была уже организованная и преданная армия с огромным боевым опытом, и сирийскому двору оставалось только заключить такой мир, который позволил бы сохранить лицо. К тому же сами Селевкиды в очередной раз боролись друг с другом за престол, им было не до Иудеи, так что они приняли условия Ионафана, назначив его правителем Иудеи как автономной области. В 152 г. до н.э. Ионафан стал не только сирийским наместником, но и первосвященником. После этого он заключил союз с самим Римом – будущей мировой империей, которую побаивались и сирийцы. А после смерти Ионафана его сменил еще один брат, Симон. Так была основана династия Хасмонеев, так начался новый этап в истории народа Израиля, который продолжился почти до самых новозаветных времен.

Чего же добились Хасмонеи? Они сочетали в своих руках светскую и духовную власть, чего в древности израильтяне категорически избегали (ведь ни пророк Моисей, ни царь Давид, ни кто либо еще из правителей народа не были первосвященниками). Эта династия еще прославится своей решительностью и жестокостью: именно Хасмонеи насильственно обратят в иудаизм (единственный случай в истории!) своих соседей-идумеев, именно они пригласят в Иудею римских солдат, чтобы те помогли им разделаться с врагами. Никто из них и не догадывается, что со временем потомок тех самых идумеев, знаменитый Ирод, совершит дворцовый переворот и уничтожит их династию, а римляне останутся в Иудее на века, уже на положении господ, а не союзников.

А эллинизация? Она продолжится. Царь Иоанн Гиркан из династии Хасмонеев призовет к себе на службу наемников-язычников, а его сын Аристовул не только примет греческое имя, но и назовется «другом эллинов». Объективные исторические процессы невозможно повернуть вспять даже очень успешной войной.

Но неужели борьба Маккавеев была напрасной? В их время над израильтянами впервые возникла угроза тотальной ассимиляции, и она угрожала единственному в то время народу, хранившему веру в Единого Бога. Если бы и Его храм стал храмом очередного Зевса или Геракла, как храмы финикийских или сирийских божеств, Христу не с кем было бы разговаривать в Иудее и не о чем. «Так ты сын бога? – ответили бы ему, – вот и отлично, сто пятидесятым будешь, мы как раз приносим одному из них жертву».

Но всякая медаль имеет свою оборотную сторону: именно эта борьба с окрестными язычниками во многом способствовала становлению закрытого, не в меру ритуалистического, настороженного по отношению ко всему остальному миру пониманию иудаизма, который и помешал евреям новозаветных времен принять Христа. Слишком не похож был Он на Маккавеев...

Но это, безусловно, не вина тех, кто сражался за веру и отечество, кто отстаивал свою землю от чужого гнета. Народные герои появляются в истории, исполняют свою миссию, а от потомков зависит, как распорядиться их наследием.

Врезка:

В странах, захваченных Александром Македонским, местные жители стали быстро приобщаться к эллинской (греческой) цивилизации. Они не просто знакомились с ней, они вливались в нее, перенимая язык и обычаи, в том числе – религиозные. Именно из тех времен пришло слово «варвары»: так, с точки зрения греков, выглядели все остальные, кто не владел их языком и бормотал что-то неразборчивое, «бар-бар», это были дикие, невежественные люди по определению. Образованность, культура, цивилизация связывались с понятием «ЭЛЛИНИЗМ» – а сегодня мы называем так сам этот процесс первой в мире глобализации на почве эллинской культуры.

Если судить по книгам Маккавеев, можно подумывать, что этот процесс был сплошным злом, с которым следовало сражаться изо всех сил, чтобы умереть или отстоять свою самобытность. Но в истории редко бывает нечто совершенно черное или совершенно белое, и роль эллинизма огромна не только в истории мировой культуры, но и в библейской священной истории.

Именно эллинизм со временем познакомит множество других народов с евреями и их верой в Единого Бога: сделанный именно в этот период греческий перевод еврейского Писания (т.н. *Септуагинта* или «перевод семидесяти толковников») позволил познакомиться с этими текстами всем прочим народам, со временем именно этот перевод стал основным церковным текстом Ветхого Завета. На греческом языке будут писать иудеи Филон Александрийский и Иосиф Флавий, рассказавшие всему миру о своем народе, его истории и религии.

Наконец, именно благодаря эллинизму смог появиться Новый Завет – такой, каким мы его знаем. Да, Иисус и Его ученики говорили в основном по-арамейски, но евангелисты записали рассказ о них на греческом языке, понятном всякому образованному человеку в Средиземноморье. Греческий стал языком ранней Церкви, и входили в нее в основном люди, воспитанные в греческой культуре, кем бы они ни были по национальности – так называемые «эллины», но вместе с ними и так называемые «варвары», так и не обучившиеся высокой культуре греков. Когда Павел сказал, что во Христе нет ни эллина, ни варвара, он говорил именно об этом.

25. Иов: проклятые вопросы

Нагой человек перед Богом

Иов замыкает ветхозаветную часть наших портретов, хотя действие книги, носящей его имя, отнесено к древнейшим временам – даже трудно точно сказать, каким. Возможно, человек с таким именем жил прежде Моисея и даже Авраама... Мало что мы знаем о нем: жил он в загадочной земле под названием Уц, а к какому народу принадлежал, кто был его отцом и дедом – Библия ничего нам не сообщает. А ведь это самое главное, самое первое, что говорит она обо всех прочих героях!

Более того, в книге Иова – единственной из всех библейских книг! – никак не упомянут ни народ Израиля, ни его предки, ни какие бы то ни было события священной истории. Это история одного человека и его спора с Богом – спора, в котором сначала участвовали другие люди, но в конце остались только двое. Всемогущий, всесильный Бог и нагой, страдающий, лишенный всего человек на голой земле. Боже, за что же Ты с ним так?

Этот вопрос задавали в глубокой древности, повторяют его и сегодня. Мир полон насилия и зла, мы привыкли к этому. Но вот происходит что-то очень плохое с кем-то очень хорошим, или, во всяком случае, с человеком, который такого зла не заслужил. Гибнут дети в Освенциме или Беслане... Боже, за что Ты так с ними? Если Ты всеведущий, всеблагодный и всемогущий – почему Ты не спас их, не облегчил их страданий? Не захотел – но какая же тогда благодать? Не захотел – но где тогда всемогущество? Или всеведущий – не знал?

В Библии есть книга, которая задает Богу именно этот вопрос. Это книга Иова, она, пожалуй, ближе всех ветхозаветных книг подходит к Евангелию – она ставит вопросы, на которые, пожалуй, только Евангелие может дать ответ... да и то, этот ответ не похож на простую и понятную формулу, но об этом позднее.

Итак, Иов. Это был безукоризненный, непорочный праведник – и жизнь у него была безоблачная, как и полагается таким хорошим людям, большая была семья, огромное богатство. В конце концов, и Библия рассказывает, что праведнику полагается награда уже здесь и сейчас. Иов почитал Бога, приносил Ему жертвы за себя и за своих детей. Но вдруг всё исчезло в одночасье – уничтожено богатство, погибли дети. Наконец, и само тело Иова было поражено жестокой болезнью, так что ему осталось выйти из опустевшего дома и сесть на месте, куда выбрасывали прогоревший пепел из очага. Теперь сгорела сама его жизнь, а что от него осталось – годилось только для помойки.

Нужно объяснение? В книге оно есть, на самых первых страницах. Пред Богом однажды предстали «сыны Божьи», видимо, те, кого мы сегодня называем ангелами. Среди них был тот, кого называли «сатана» (на древнееврейском это слово означает просто «противник», оно тогда не имело богословского значения). Он и задал Богу вопрос: «Даром ли Иов чтит Бога? Разве Ты не оградил со всех сторон и его самого, и его семью, и имущество?... Но стоит Тебе протянуть руку и тронуть всё, что у него есть – ручаюсь, он скажет в лицо Тебе хулу». И Бог позволил Своему собеседнику лишиться Иова всего, кроме жизни.

Человек как объект эксперимента высших сил, как игрушка в их руках? Можно понять это и так. Только книга Иова никогда больше не возвращается к этому странному диалогу в начале, сатана в ней больше не упоминается. Словом, если кому годится такой простой ответ – примите его, он дан с самого начала. А кому его недостаточно, может читать дальше и разбираться.

Разные пути веры

Эта книга – о разных путях веры и о кризисе. Нет, не о смене различных философских и богословских построений, а о личном кризисе веры как доверия Богу. Иов был праведен не ради награды и не из страха наказания, а прежде всего потому, что доверял Богу и искал добрых отношений с Ним. И вдруг на него обрушилось такое, что, казалось бы, невысказанно пережить человеку...

Но сначала – о трех его друзьях, которые узнали о несчастье и пришли его утешать. Они вовсе не собирались его обвинять, а просто долго молча сидели рядом с ним, и лишь когда он заговорил, позволили себе ответить. И поначалу эти ответы действительно звучали как утешения... Дело в том, что его друзья знали об этом мире и о его Творце буквально всё – в свое время они слышали всё это от своих отцов и учителей. Они повторяли примерно то, что написано в других книгах Библии, и если в их речах была неправота – она не в словах, а в людях. Слова-то могут быть правильными, но важно, кто, кому и когда их говорит.

Сначала друзья пытались доброжелательно предложить некое простое объяснение бед Иова: «Не чурайся наставлений Всесильного: если ранит Он, то Он и перевяжет, и рука Его, ударив, исцеляет». Иов отверг их мудрость, причем ответил резко, очень резко – сравнил своих друзей с пересохшими руслами, которые внушают напрасные надежды путникам, а затем оставляют их умирать в безводной пустыне. Конечно, они на это обиделись и перешли к намекам, а потом и к прямым обвинениям: если ты страдаешь, значит, Бог наказывает тебя за грехи. Признай их, попроси прощения, и всё у тебя снова будет хорошо. Как часто мы слышим подобное: СПИД бывает только у наркоманов и проституток, так что больные сами виноваты, а нас, приличных людей, такое никогда не коснется...

О Боге эти люди предпочитали говорить в третьем лице, не обращаясь к Нему напрямую. Мол, кто мы, в конце концов, такие чтобы требовать от Него отчета, тем более – упрекать Его, как позволяет себе Иов? Впрочем, не стоит осуждать друзей Иова. Они – люди глубоко религиозные, но им нужна именно религия, то есть система взглядов и ритуалов, определяющих жизнь человека. Они искренне почитали Бога, оставаясь в рамках заданной системы. Когда-то и Иов вел себя примерно так же: приносил положенные жертвы и молитвы, но когда вся его жизнь рухнула, не осталось в ней места для спокойной, размеренной религии. Ему нужно было нечто большее.

«Пора Творцу вернуть билет»

Марина Цветаева писала в одном из своих стихотворений, повторяя мысль, высказанную некогда героем Достоевского Иваном Карамазовым: «пора, пора, пора Творцу вернуть билет». То есть не просто уйти из этого мира, но с горечью упрекнуть его Творца в том, что мир этот безнадежно плох, и потому в нем невозможно оставаться. Ни Цветаева, ни Достоевский не были первыми – задолго до них точно так же заговорил Иов. Его ужасают не только постигнувшие его беды, но и то, что вообще «мир во зле лежит» и не видно способа избавить его от зла. «Почему живут нечестивцы, и к старости их мощь лишь возрастает? ... Они проводят свою жизнь в благополучии и в преисподнюю нисходят легко... ослика у сироты уводят, у вдовы берут в залог быка, отрывают от груди сироту, у бедняка берут дитя в кабалу; нищих прогоняют с дороги, и прячутся бедные люди земли, словно в степи дикие ослы... Из селений стон умирающих слышен, и раненные о помощи взывают, но Бог их молитв не замечает».

И потому речи Иова начинаются со страшных слов – он проклинает день своего рождения, даже ночь своего зачатия, в таких словах, которые напоминают нам рассказ о сотворении мира в книге Бытия: «На заре той ночи да померкнут звезды, будет ждать она рассвета – но напрасно, проблесков зари да не увидит». Он словно хочет прокрутить

пленку назад, вплоть до того момента, когда Творец создал свет, отделив его от тьмы и начал отсчет дней этого мира.

Его собственные страдания – это прежде всего вопрос его отношений с Богом. «Но как человеку пред Богом оправдаться?... Он налетел на меня вихрем, множит раны мои беспричинно; не дает мне перевести дух, горечью переполняет меня. Меряться ли силой с Ним, могучим? Судиться ли – но как Его вызвать? ... Он смеется над отчаяньем невинных; отдана земля во власть нечестивцев, а Он судьям глаза закрывает – и если не Он, то кто же?!»

На упреки друзей он отвечает: «Умолкните и дайте мне сказать, а там – будь что будет. Он меня убьет, и нет надежды, но я буду твердить Ему, что я прав – и в этом будет мое спасение!» Иов действительно настаивает на своей правоте и непорочности, и автор книги с самого начала он подчеркивает, что Иов был совершенно безупречным человеком. Трагизм ситуации доведен до конечного предела, это уже не просто частная несправедливость судьбы, это вопиющий и совершенно необъяснимый пример незаслуженного страдания.

В конечном счете, речи Иова есть не что иное, как иск Богу: «Вот моя печать – и пусть Всесильный ответит, пусть мой обвинитель напишет свиток!» Иов не похож на атеиста, у него нет ни малейшей тени сомнения в том, что Бог существует (впрочем, в древности в этом вообще мало кто сомневался). Но он похож на богоборца, который бросает Богу вызов. И Бог его принимает, «Обвинитель» отвечает обвиненному, но не совсем так, как того ожидал Иов, а вместе с ним – и читатель.

Встреча как ответ

Бог, собственно говоря, ничего и не отвечает. Казалось бы, Он мог согласиться с друзьями Иова и найти какое-то объяснение для каждого конкретного случая человеческих страданий. А если таких объяснений нет, легко мог сослаться на козни сатаны или просто сказать, что это было такое испытание: вроде как экзамен сдан на отлично, молодец.

Но Бог поступает иначе. Он Сам обрушивает на Иова град вопросов: «Где ты был, когда Я землю основал? Скажи, если сведущ и разумен. Ты ведь знаешь, кто размер ее наметил и кто натянул над ней шнур, во что погружены ее устои и кто положил краеугольный камень при общем ликовании утренних звезд и радостном крике сынов Божьих? ... Доводилось ли тебе повелевать Утру и Заре назначать место, чтобы взялась она за края Земли и нечестивцев с нее стряхнула, преобразила ее, как печать – глину, и обагрила, как полотно?... Есть ли у дождя отец? Кто порождает капли росы? Из чьего чрева выходит лед и кто вынашивает небесный иней, когда застывают, как камень, воды, сковывая поверхность бездны? ... Знаешь ли ты уставы неба, утвердишь ли на земле их порядок?»

В этих словах звучит упрек: да кто ты такой, Иов, чтобы спорить с Богом? Но это признавал и сам Иов, и это здесь не главное. Бог показывает Иову, как сложно, но вместе с тем осмысленно и разумно устроен этот мир. Человек не может повелевать зарей и дождями, не может даже понять природы этих процессов. Конечно, сегодня мы куда лучше Иова разбираемся в астрономии и метеорологии, но на смену этим вопросам пришли другие, и человек по-прежнему в изумлении стоит перед многими тайнами материального мира. И если мы не в состоянии регулировать движение светил или облаков, то можем ли мы отмерять добро и зло?

А дальше Бог говорит о том, что ни одно существо в этом мире не оставлено Его заботой: «Кто устраивает для ворона охоту, когда взывают его птенцы к Богу и рыщут в поисках пищи? Кто пустил на волю скакуна, избавил от пут дикого осла, которого я поселил в пустыне?» Если даже нечистая птица ворон и такое неблагородное животное, как дикий осел (Иов еще сравнивал с ним бездомных бедняков), получают всё необходимое, то уж куда больше может рассчитывать на это человек.

Так неужели Иов всё-таки настаивает на том, чтобы вершить справедливость самому? «Может, мощью ты подобен Богу и, как Он, говоришь в раскатах грома? Тогда... волю буйному гневу дай, взгляни на гордеца – и покори его, а нечестивых – раздави на месте! Разом их с пылью смешай, в подземелье в оковах заточи!» Опыт XX, а теперь уже XXI века показывает нам, что происходит, когда человек начинает по собственному выбору «давить нечестивых». Никакие стихийные бедствия, никакие болезни и катастрофы не породили столько невинных страданий, сколько причинили друг другу сами люди в концлагерях и на фронтах мировых и локальных войн.

Под конец разговора Бог упоминает двух животных – Левиафана и Бегемота (на древнееврейском слово *бегемот* означает просто «зверь»). Это огромные, страшные существа, с которыми не под силу справиться человеку – только Сам Бог может одержать над ними победу. Некоторые толкователи утверждают, что речь идет о крокодиле и гиппопотаме, которых сегодня можно увидеть в любом зоопарке. Но едва ли эти зоологические версии справедливы, тем более, что Левиафан оказывается огнедышащим змеем (больше всего его описание походит на дракона).

Другие толкователи видят в этих существах намеки на сатану, упомянутого в самом начале книги: дескать, Бог таким образом указывает Иову на источник его несчастий. Однако почему бы ему в таком случае не сказать всё напрямую?

Скорее всего, перед нами – мифологические образы: Дракон и Чудище, которые символизируют жуткие и неподвластные человеку силы, действующие в этом мире и в нашей собственной душе. И пока они действуют рядом с нами и внутри нас, с человеком будет происходить много такого, что приводит его в ужас. Только в этой книге Бог ничего еще не говорит о том, как с ними справиться.

Иов теперь отвечает Богу: «Только слух о Тебе я прежде слышал, а теперь своими глазами увидел, потому от прежнего я отрекаюсь и раскаиваюсь среди праха и пепла». Может быть, теперь он раздавлен величием Бога? Вряд ли, на него это совсем не похоже. Видимо, Иов действительно нашел, то, что искал, точнее, Того, Кого искал.

Раньше, когда всё у него было хорошо, он просто жил в своем уютном мире, где была и семья, и достаток, и религия. И только когда всё стало очень плохо, когда он пережил трагедии других людей и свою собственную, он обратился к Живому Богу с живыми и искренними вопросами, и они не остались без ответа.

В конце концов, благополучие Иова было восстановлено: у него родились новые дети, вернулось и богатство, но Библия упоминает об это как-то вскользь, как о чем-то сравнительно маловажном. Книга Иова – не об успехе и бедствии, а о тайне страдания, которая не может быть разрешена с помощью простых ответов и формул, но может стать поводом для встречи Бога и человека.

А что же друзья Иова? Они, по слову Божию, говорили о Нем «не так верно, как раб Мой Иов», и теперь должны принести в жертву семь быков и семь баранов (просто огромная жертва по меркам Ветхого Завета!). Тогда Иов помолится о них, и они будут прощены.

Бог никого не обвиняет. Те, кто предпочитают говорить о Боге правильные слова в третьем лице, тоже получают то, что искали, когда исполняют положенные ритуалы в семикратном объеме. От них не требуется даже молитв – за них помолится Иов. Ведь для беседы Бог избрал не их, а его – того, кто обратился к Нему лично...

«Богоугодный богоборец» – такое парадоксальное определение дает Иову наш современник и соотечественник Ф. Козырев, и с ним трудно не согласиться. Бог ждет от человека предельной честности и откровенности, а не формально правильных, но безразличных слов.

Не «за что», а «для чего»

Книга Иова – это один большой вопрос человечества к Богу. Ответ появляется в виде встречи – но мало кому из невинных страдальцев Бог открыл Себя явно и

непосредственно, как это было с Иовом. В Ветхом Завете такое богоявление вообще было событием исключительным, его удостаивались исключительные люди, например, Моисей – да и то по особой просьбе.

Именно потому и можно сказать, что ответ на заданный в этой книге вопрос содержится в Новом Завете, прежде всего в Евангелиях, которые рассказывают о встрече Бога лицом к лицу не с одним человеком, но, по сути, со всем человечеством. И там это тоже не некая абстрактная формула, где по одну сторону знака равенства будут какие-то грехи, ошибки или прочие причины, а по другую – страдания живого человека. Нет, это рассказы об исцелениях и воскрешениях, о том, что в присутствии Бога прекращается всякое страдание вопреки любым правилам и природным законам этого мира.

Особенно близок к книге Иова рассказ из 9-ой главы Евангелия от Иоанна: «И, проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: “Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?” Иисус отвечал: “Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии”». После этого Христос исцелил слепого.

Ученики повторили здесь вопросы Иова. За что ему это? Кто тут и в чем виноват? Он согрешил – но как же мог он согрешить еще прежде своего рождения? Родители виноваты – но тогда почему за их грех пострадал невинный ребенок? Нет никакого решения. Но, как это бывает в школе, Христос использует нерешаемую задачу, чтобы перевести учеников на новый уровень. Не спрашивай, за что страдает тот или иной человек, ответа не будет. Спроси лучше, чему может послужить это страдание – «чтобы на нем явились дела Божии». Сделай, что можешь, чтобы их облегчить.

Но дела Божьи явились далеко не только в исцелении. Прозревший человек стал прямо и безбоязненно говорить о Христе другим, он прозрел не только физически, но и духовно. Трудно сказать наверняка, но можно представить себе, что если бы не эта его страшная болезнь, но жил бы обычной жизнью, работал, заботился о семье, обустроивал свой дом. А встречаться с бродячим Проповедником не было бы у него ни желания, ни времени, да и опасное это дело – от синагоги могут отлучить. Так отнеслись ко Христу многие тысячи физически зрячих, но духовно слепых людей. А он – прозрел.

Это не отменяет, конечно, того факта, что страдание ужасно, что оно часто лишь отупляет и озлобляет человека. И Евангелие рассказывает о том, как Бог стал человеком и принял на Себя всё мыслимое страдание этого мира – предательство, отверженность, боль и смерть. Он не отменил страданий, потому что для этого нужно было бы лишить людей свободы выбора, но Он сделал всё, что только мог для нас и нашего спасения.

В Православной Церкви есть традиция читать отрывки из Ветхого Завета (*наремии*) в определенные дни литургического года. Отрывки из книги Иова читаются в Страстную неделю, когда Церковь вспоминает последние дни земной жизни Христа: настоящий, окончательный ответ на вопросы Иова, не только ему, но и всему человечеству был дан на Тайной Вечери и на кресте Голгофы.

Однако тайна страдания по-прежнему остается личной тайной духовной жизни каждого человека, и лишь немного приоткрывается нам. Мы можем быть уверены только в одном: иной раз именно страдание позволяет нам подняться над собственным сытым или не очень сытым, но привычным и комфортным существованием и увидеть нечто лучшее. Мы ничего не можем объяснить детям Освенцима или Беслана, а тем более их матерям. Мы можем только ужасаться и скорбеть вместе с ними.

И еще – верить, что есть Тот, Кто найдет настоящий ответ для каждой из них, когда состоится их встреча. А что до нашего отношения к страданиям других людей, то Евангелие дает ясный ответ: не спрашивай о конкретных причинах, спрашивай о цели. Они встретились на твоём пути для того, «чтобы явились дела Божии». Чтобы больной был исцелен, голодный накормлен, а плачущий утешен.

Врезка:

Над проблемой «божественной жестокости» человечество размышляет с тех пор, как осознало себя. Язычники понимали ее примерно так: в мире есть страдание, потому что добрым и могущественным богам противостоят злые и не менее могущественные демоны. Иногда побеждают те, иногда эти. Да и вообще, до людей ли богам? Они наслаждаются собственным бессмертием в заоблачной выси, а кто там и как страдает на земле, их не касается.

Так что рассказ о невинном страдальце прозвучал впервые совсем не в книге Иова. Автор вавилонской поэмы XIII в. до н.э. жалуется на такую же горькую судьбу: «Только жить я начал – прошло мое время! Куда ни гляну, – злое да злое! Растут невзгоды, а истины нету! Воззвал я к богу – лик отвернул он, взмолился к богине – главы не склонила... А ведь я постоянно возносил молитвы! Мне молитва – закон, мне жертва – обычай, день почтения бога – мне радость сердца, день шествий богини – и благо, и польза». Но вопль этого страдальца остался безответным.

В то же время Иов упоминается и в книге, написанной намного позднее – в Коране. Там он носит имя Айюб, и не произносит никаких речей. Все его бедствия объясняются кознями сатаны, а весть об исцелении ему приносит ангел Джибрил (Гавриил). «Мы нашли его терпеливым», – так говорит о нем Всевышний в Коране. Когда испытание было пройдено, благополучие Айюба было восстановлено в двойном размере.

Уникальность библейской книги вовсе не в проблеме невинного страдания, а в том удивительном и дерзновенном споре человека с Богом, который завершается их личной встречей. Формула, которая оправдывала бы страдание, в книге не выведена – но в ней показана та Встреча, к которой страдание может привести.

26. Матфей – мытарь и евангелист

Кто это написал?

Мы начинаем теперь разговор о Новом Завете, а самое главное в нем – это Евангелия. В этой книге мы не говорим отдельно о главном Герое этих четырех библейских книг, Иисусе Христе, но всё, что будет сказано об остальных новозаветных персонажах, будет так или иначе связано с Ним. А значит, в центре нашего повествования всегда будут Евангелия. Но они не упали с неба в готовом виде, их написали люди – достаточно разные, каждый со своей историей жизни, со своими интересами и взглядами.

И если не учитывать этого, трудно будет понять и содержание написанных ими книг. А значит – и ту весть о Христе, которую они принесли человечеству, и всё остальное, что сказано в Новом Завете. Поэтому эта часть нашей книги начнется с портретом евангелистов.

Итак, Новый Завет начинается с Евангелия от Матфея, но о его авторе мы, на самом деле, знаем крайне мало. В написанном им Евангелии о нем самом сказано предельно кратко: «Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним», подобный рассказ приводят Марк и Лука. Интересно, что Марк называет его другим именем: Левий Алфеев, а Лука отмечает, что он был мытарем (слово это обозначало сборщиков налогов и податей) и добавляет одну, но очень существенную деталь: «И он, *оставив всё*, встал и последовал за Ним». Впрочем, мытарем называет себя и сам Матфей, когда перечисляет имена апостолов.

Вот и всё, что сообщает нам об этом человеке Новый Завет. От этого апостола не дошли послания, ничего не сообщается и о его особом участии в каких-то событиях евангельской истории, о его проповеди после Вознесения, да вообще о его жизни. Ничего, кроме этого краткого эпизода – переломного момента, когда всё изменилось сразу и навсегда.

Итак, Матфей, он же Левий (тогда люди вполне могли иметь два имени), был братом другого апостола, Иакова. Их отца звали Алфей, братья жили в галилейском городке Капернауме, который был расположен на дороге, связывавшей два крупных города: средиземноморский порт Кесарию и столицу Сирии Дамаск. На таких дорогах с проезжих купцов взимались пошлины, служил на такой таможне и Матфей. Разумеется, таможенная служба давала немалые возможности для обогащения: собирать деньги можно не только в казну, но и в свой карман. К тому же мытари служили римским завоевателям и оккупантам. Неудивительно, что выражение «мытари и грешники» стало своего рода присловьем, что и отражено в Евангелии: мытари были обеспеченными и влиятельными, но презираемыми людьми. Имя Левий звучит резким контрастом с такой работой: оно напоминает о Левии, сыне Иакова, потомки которого были священниками и левитами – людьми, постоянно служившими Богу. Родители, давая такое имя сыну, наверное, желали ему именно такой судьбы, но он пошел по другому пути.

Что мог он думать, видя, как мимо него проходит знаменитый проповедник и пророк, о котором говорят все окружающие? С мытарями брезговали общаться люди простого звания, а тут – великий праведник! Конечно же, Он не захочет даже взгляда бросить на погрязшего в коррупции чиновника, который пересчитывает отнятые у честных людей монеты с портретом чужеземного императора...

Христос не поставил никаких условий, ни в чем его не упрекнул и сказал только одно: «следуй за Мною». И Матфей последовал, раз и навсегда, бросив и доходное место, и, может быть, даже весь свой дневной сбор. Предание уточняет, что при этом он вчетверо заплатил всем, кого несправедливо обобрал прежде, как это обещал сделать другой обротившийся мытарь, Закхей. Но мы даже не знаем, была ли у Матфея возможность так

поступить – кто только не проезжал мимо него по дороге! Тем более, идти за Иисусом требовалось сразу, сейчас – не оставалось времени на объяснения и расчеты даже с теми, кто жил неподалеку. Не всегда бывает возможно исправить причиненный ущерб, извиниться за нанесенную обиду – но всегда возможно переменить свою жизнь, что он и сделал. Подробностей этой дальнейшей жизни мы не знаем, но она наверняка была посвящена проповеди Евангелия.

О чем эта книга?

Свой письменный текст Матфей создал, предположительно, в начале 40-х годов н.э. в Палестине. Относительно места написания споров нет: Матфей явно обращается к соплеменникам-евреям. Он приводит множество значимых для них деталей, подчеркивает, как сбылись в жизни Иисуса ветхозаветные пророчества – это важно было для тех, кто ожидал Мессию, кто верил в Писание, которое мы сегодня именуем Ветхим Заветом. Лука и Марк, обращавшиеся к другим читателям, писали по-другому. Имеет свое значение и длинный список имен, родословие Иисуса, с которого начинается эта книга. Матфей с самого начала ставит повествование о Христе в контекст Священной Истории. Иисус – не дух и не ангел, как считали потом некоторые, но плоть от плоти израильского народа, продолжение его истории и исполнение данных ему обещаний.

В древности существовали свидетельства, что даже языком этого Евангелия изначально был древнееврейский (хотя так могли назвать и близкородственный арамейский), но этот текст до нас не дошел, и мы даже не можем быть уверены в его существовании – мы располагаем только греческим текстом этого, равно как и остальных Евангелий. Хотя Матфей писал для евреев, он хотел быть понятным не только евреями, да к тому же многие из евреев, живших далеко от своей земли, уже тогда перешли в повседневном общении на другие языки. Поэтому он, как и другие евангелисты, писал по-гречески, на языке межнационального общения того времени.

С самых первых строк показывает, как в жизни Иисуса исполнились мессианские пророчества Ветхого Завета, и как в Нем история Израиля, избранного народа, пришла к своей вершине. Матфей изображает Христа во время Его земного служения как пророка и законодателя, как царя и первосвященника – ведь именно этого и ждали евреи от своего Мессии. Наконец, Матфей подробно описывает крестную смерть Спасителя, подчеркивая ее жертвенный характер, и благовествует о Воскресении Христовом.

Жизнь в Царствии Небесном – вот центральная тема этого Евангелия. Именно для того, чтобы показать, в чем смысл этого Царствия и что требуется от человека для вхождения в него, Матфей начинает рассказ о служении Христа с длинной Нагорной проповеди – по-видимому, это не стенографическая запись какой-то одной беседы Иисуса с народом, а сведенные воедино самые известные из Его изречений. Сегодня именно к этой проповеди обращаются люди, чтобы понять: а по каким же законам должны жить христиане? Тут снова видна параллель с Ветхим Заветом: первые его пять книг тоже содержат Закон, по которому жил Израиль. Этот закон регулировал множество деталей и в том, что касалось обряда, и в том, что сегодня мы относим к области уголовного и гражданского законодательства.

Толкование тонкостей этого законодательства – то, чем занимались странствующие проповедники, раввины, и одним из них, как казалось окружающим, и был Иисус. Можно было ожидать, что Он тоже станет рассуждать о всяких сложных случаях: что именно позволено делать в субботу, в какие дни поститься, как своевременно отдавать десятину, и так далее. Но у Матфея проповедь начинается с другого, самого главного: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное». Парадоксальное изречение, и сразу не ясно, к чему оно призывает... А дальше: «вы – соль земли», и это не великим апостолам, а буквально первым встречным дается такое высокое звание авансом. И тут же им предлагается: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую».

Это похоже не на толкование Закона, а скорее на какие-то совершенно новые нормы отношений между людьми. Но и ветхозаветные правила Иисус не считал неверными: да, древним было сказано так, им было нужно именно это, но вам можно и нужно жить по-другому. Он дает не новый уголовный кодекс (ни одно земное государство с таким кодексом не могло бы существовать), но нормы жизни в этом самом Царствии Небесном, с возвещения которого начинается и проповедь Иисуса. О нем говорят и многие другие части этого Евангелия, например, слова Иисуса, сказанные за два дня до распятия: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира». Но услышат их в свое время не все, а... только израильтяне? только те, кто правильно веровал? кто исполнял все обряды? Нет, Иисус у Матфея относит эти слова к тем людям, которые пришли на помощь своим ближним: накормили голодного, посетили заключенного, и так оказали эти милости самому Христу. Эти слова о христианстве как о жизни ради помощи ближнему приводит из евангелистов только Матфей.

После Евангелия

О дальнейшей жизни самого апостола мы узнаем из церковного предания, но тут полного единства нет. Сначала он проповедовал в Иерусалиме и его окрестностях – книга Деяний, рассказывающая о первых миссионерских путешествиях, не упоминает Матфея. Но затем он, видимо, двинулся из Палестины на Восток и побывал в Сирии, Персии и Мидии (нынешний Иран), возможно, и в Индии. Особенно известны рассказы о его проповеди в Эфиопии и далее за ее пределами, среди людоедских племен черной Африки. Эта проповедь сопровождалась многочисленными чудесами и привела к основанию местной церковной общины, возглавлять которую апостол поручил рукоположенному им епископу по имени Платон.

Там он, по описанию жития, принял мученическую смерть около 60-го года: местный правитель-язычник по имени Фульвиан велел его распять на земле и сжечь затем на медленном огне, обложив хворостом, но в результате огонь перекинулся на статуи идолов, которые и сгорели. Апостол погиб, но сам мучитель обратился в христианство и затем был крещен епископом Платоном, приняв имя Матфея. Казненного апостола он отныне почитал как святого. Со временем, отрекшись от светской власти, он сам стал епископом, сменив умершего Платона.

Насколько исторически достоверно это предание, судить трудно – во всяком случае, греческие и латинские имена (Платон, Фульвиан) явно были в черной Африке в ту пору не в ходу, так что рассказ о кончине апостола явно подвергся дальнейшей переработке. Вполне возможно, что в данном случае Эфиопией называется некая достаточно дикая часть Азии, населенная чернокожими людьми – такая теория больше соответствует основному азиатскому направлению странствий апостола. Это могла быть южная Аравия или какая-то область Индостана.

Впрочем, по другим источникам, его мученическая кончина случилась в малоазийском городе Иераполе, который известен сегодня туристам, посещающим в Турции кальциевые источники Памук-Кале. Жители этого города как раз носили греко-римские имена.

Может показаться странным, что мы так мало знаем об авторе книги, открывающей Новый Завет. Но это до некоторой степени естественно: Священное Писание у нас одно, и оно ясно говорит о самых главных вещах. Что же касается более поздних преданий, они не вполне едины, особенно в деталях. Люди в ту пору вообще плохо знали окружающий мир, и описывали его в привычных терминах, давая жителям далеких стран и самим странам привычные имена. Сегодня мы гораздо лучше знаем окружающий мир, но в духовной жизни наши представления едва ли ушли далеко от тех, которые были у современников апостола Матфея.

Его мощи хранятся в храме Сан-Маттео в Салерно (Италия). Своим покровителем Св. Матфея традиционно считают таможенники и обладатели «финансовых профессии» – правда, редко доводится им в единый миг оставить всё и пойти за Христом, как сделал это в свое время Левий Матфей, сын Алфеев, и так, лишившись доходного места, навсегда обессмертил свое имя.

Врезка:

Слово «**Евангелие**» переводится с греческого как «благая весть, благовестие», и это название точно отражает смысл этой книги. Это, казалось бы, просто история жизни одного человека, Иисуса из Назарета. Жанр биографии был хорошо известен и в античности – жизнеописания великих людей составлял, например, Плутарх. В таких книгах подробно рассказывалось о внешнем виде, характере, образовании, привычках героев, сообщались самые важные события из их жизни.

Но в Евангелиях мы найдем крайне мало таких деталей. Они рассказывают прежде всего о служении Иисуса, приводят Его изречения, описывают сотворенные Им чудеса. Очень подробно описаны последние дни Его жизни, смерть и воскресение. Дело в том, что Евангелие – не обычная биография. Это рассказ о Спасителе, который дал людям Свое учение, а затем принял крестную смерть во искупление грехов человечества и воскрес, победив смерть.

Именно в этом и заключается благая весть. Она – не просто набор богословских утверждений или нравственных правил, хотя и это всё в нее тоже входит. Она сообщает людям самое главное, что относится к их спасению от власти греха и смерти, и это главное совершено было Иисусом Христом – долгожданным Мессией, Царем и Сыном Божьим, которого так долго ждал израильский народ. Можно сказать, что вся ветхозаветная история Израиля была приготовлением Его прихода.

Все четыре Евангелия написаны на греческом языке, хотя Иисус говорил с апостолами по-арамейски, может быть, использовал Он и древнееврейский язык. Конечно, в основе Евангелий лежат предания, которые передавались из уст в уста и не сразу были записаны, и эти предания изначально звучали по-арамейски. Возможно, на этом языке существовали и какие-то записи, которыми мог пользоваться или даже которые мог делать сам Матфей, но до нас они не дошли. С самого начала евангелисты стали писать на тогдашнем языке межнационального общения, греческом, чтобы донести благую весть до как можно большего числа людей. Ведь Евангелие было дано не одному народу, сословию или религии, оно касается всего человечества.

27. Марк – робкий юноша и смелый апостол

Марк-Иоанн, племянник Варнавы

О евангелисте Марке мы знаем из самого Писания еще меньше, чем о Матфее. О себе он не говорит вообще ничего, но есть в его Евангелии один эпизод... В момент, когда Иисуса схватили, «оставив Его, все бежали. Один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них».

Больше никто из евангелистов об этом эпизоде не рассказывает, да он и в самом деле выглядит каким-то слишком уж комедийным в такой трагический момент. Его стоило включать только в том случае, если он был особенно важен для автора, и скорее всего, Марк говорит здесь о себе самом. Он не входил в число двенадцати апостолов, но он тоже следовал за Иисусом, может быть, тогда еще из простого любопытства. На Тайной Вечери он не присутствовал, но был где-то неподалеку, вероятно, уже спал. Услышал, что происходит что-то особенное, вскочил, замотался поскорее покрывалом, какое под руку попало, и побежал посмотреть – а там такое! Вот и пришлось убежать с позором.

Этот совсем негероический эпизод подчеркивает, что будущие великие апостолы изначально были... да буквально какими угодно. Если они решались следовать за Иисусом, их жизнь могла измениться в один момент, но сами они так быстро не менялись, вот и этот любопытный, но пугливый юноша далеко не сразу стал тем мужественным и уверенным в себе проповедником Христа, которого почитает Церковь в лице апостола Марка.

Что же еще мы знаем о нем? По крупицам можно собрать некоторые сведения из других книг Нового Завета. В послании к Колоссянам он упоминается как племянник другого апостола, Варнавы, а Петр в своем 1-м Послании называет его своим сыном. Видимо, родство с Варнавой было физическим, а с Петром – духовным, так он называл своего самого близкого на тот момент ученика.

А самое интересное упоминание мы встречаем в книге Деяний. Когда Петр освобожден из темницы Иерусалиме, он пришел «к дому Марии, матери Иоанна, называемого Марком, где многие собрались и молились». Итак, этот юноша жил в доме своей матери в Иерусалиме, и этот дом служил с самого начала местом встречи для первых христиан. А может быть, в ночь накануне распятия он как раз из него и выскользнул, завернувшись в покрывало...

Но почему у него два имени? В те времена это было не редкостью: молодой фарисей по имени Савл (т.е. Саул) тоже назовется потом римским именем Павел. Точно так же и еврейский юноша с распространенным именем Иоанн взял себе другое распространенное имя, только римское – видимо, так было легче общаться с неевреями. Примерно так и древнерусские князья, помимо славянских имен, имели греческие, под которыми крестились – Ярослав Мудрый, например, назывался Георгием.

Об этом самом Иоанне-Марке мы читаем в книге Деяний и дальше. Он сначала сопровождал Павлу и своему дяде Варнаве в их миссионерском путешествии, но потом вернулся в Иерусалим. Впоследствии Варнава захотел снова взять племянника с собой, но Павел не соглашался идти вместе с тем, кто уже однажды оставил их. В результате апостолы разделились: Варнава с Марком пошли в одну сторону, а Павел с новым помощником, Силой, в другую. Это один из очень немногих споров между апостолами, которые мы находим в Новом Завете. Что это было: такая же минутная слабость и непоследовательность, как в эпизоде с покрывалом? Или какое-то серьезное, принципиальное расхождение во взглядах? Мы не знаем наверняка, но апостолы тоже были людьми, у них были свои слабые стороны и разногласия.

Евангелие для римлян

Зато мы знаем, что Иоанн Марк не оставил дела проповеди. Библия о нем больше не упоминает, но вот предание рассказывает, что основным местом проповеди Марка была Африка. Он стал епископом в Александрии, главном городе тогдашнего Египта, но не оставался только в этом городе, а путешествовал по окрестным областям. Ездил Марк и в Рим, где не просто встречался с апостолом Петром, но стал его первым помощником (отсюда и слова Петра о нем как о сыне).

Об этих встречах следует сказать особо – из них, собственно, и родилось Евангелие от Марка, его в древности многие считали скорее Евангелием от Петра, которое Марк записал за своим учителем и духовным отцом. Детали нам в любом случае неизвестны, но в общих чертах историю происхождения этого текста нетрудно себе представить. В самые десятилетия своего существования Церковь еще не имела письменного Евангелия и даже не имела в нем потребности: еще были живы свидетели всех евангельских событий, которые могли лично о них рассказать. Одним из них, причем из самых главных, был апостол Петр, несомненно, его рассказы пользовались особой известностью.

Однако с течением времени число общин быстро росло, а вот свидетели, наоборот, постепенно уходили из жизни. Теперь требовалась письменная фиксация преданий о жизни, служении, смерти и Воскресении Иисуса. Вполне естественно было этим заняться не главным из апостолов (у них хватало других забот), а тем, кто был помладше, кто сам мог и не знать обо всех деталях и потому особенно нуждался в письменном тексте для дела проповеди и наставления. Именно таким человеком и был апостол Марк.

Марк не только носил римское имя, но и обращался в своем Евангелии к римлянам в широком смысле этого слова – к жителям всей империи, которые мало что знали об израильской священной истории, пророчествах и прочих подробностях, на которые обращал такое внимание апостол Матфей. Кроме того, Марк явно обращался к простым людям, которым было не до богословских тонкостей и не до литературного изящества (а может быть, он и сам не получил достаточной выучки, чтобы прибегать к ним) – зато его текст насыщен событиями, которые стремительно сменяют друг друга. «Тотчас» – одно из любимых слов этого евангелиста (только в первой главе семь раз новый эпизод начинается именно с него!).

Шестнадцать глав (это самое краткое Евангелие из четырех) делятся на две примерно равные части. Первая рассказывает обо всей земной жизни Иисуса до того момента, когда Петр признал Его Христом, то есть Мессией. Далее Марк повествует о Преображении, когда достоинство Христа было явлено избранным ученикам, и о Его входе в Иерусалим, когда весь бывший в городе народ принимал Его как Мессию. Но Христос уже предупредил Своих учеников, что вскоре за этим последует Его мучительная смерть и воскресение, правда, ученики тогда еще не понимали всей глубины этих слов.

В этом Евангелии Христос постоянно упрекает Своих слушателей, и особенно апостолов, в непонятливости. Речь, конечно, идет не о том, что они недостаточно сообразительны или умны, а скорее о шаблонности их восприятия, неготовности вслушаться и удивиться. Даже когда Петр принимает Иисуса как Христа, а другие ученики молча соглашались с ним, они продолжают ждать, что Он будет действовать по их программе: установит свое могучее царство, сделает их своими министрами, братья Иаков и Иоанн даже спешат заранее занять первые места... «Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?» – отвечает им Христос на их просьбу посадить их по правую и по левую руку от него. Иными словами, если Вы так хотите занять место рядом со Мною, готовы ли пойти по Моему пути, принять те же страдания ради проповеди Евангелия?

Тогда они еще были не готовы... Марк подробно рассказывает и о трехкратном отречении Петра, который так пылко говорил о своей преданности Иисусу – но когда представилась возможность проявить ее на деле, трижды сказал, что даже не знает Его.

Эта человеческая слабость апостолов подчеркивает силу и величие Самого Христа, Которому приходилось преодолевать не только открытое сопротивление врагов, но и ненадежность самых близких друзей.

Еще одна интересная особенность этого Евангелия заключается в том, что у него нет единого окончания. Восьмой стих шестнадцатой главы оборван буквально на полуслове, а дальше одни рукописи содержат привычный нам вариант, другие – совсем краткую концовку, а есть и такие, которые на этом месте обрываются. Вполне возможно, что сам Марк не успел закончить своей книги, или что конец его рукописи был утрачен, и впоследствии кто-то из его учеников дописал этот текст самостоятельно. В любом случае, эта книга возникла в ранней Церкви и была ей принята как часть Священного Писания. Рассказ апостола Петра перевел на греческий и записал апостол Марк, а может быть, и не один он – это уже детали, которые ничего не меняют в нашем отношении к этой книге.

Апостолам, которые некогда разбежались и отрекались, еще предстояло пройти по стопам своего Учителя. Предание рассказывает, что в 60-х годах н.э. Марк был растерзан толпой разъяренных язычников, которые хотели остановить проповедь новой веры – и как всегда бывает в таких случаях, впустую.

Александрия и Венеция

Впрочем, странствия апостола не прекратились и после смерти. Несколько веков его тело покоилось в Александрии, но после того, как Египет был завоеван мусульманами в середине VII века, положение христиан осложнилось. Церкви повсеместно превращали в мечети, и можно было опасаться, что такая же судьба постигнет и храм, где лежало тело апостола. В начале IX века на помощь пришли купцы из никому тогда не известного городка на далеком адриатическом побережье, он назывался Венеция. Они перевезли мощи к себе, и со временем построили роскошный храм, назвав его Сан-Марко, Собор Святого Марка. Чтобы обмануть египетскую таможенную службу, они даже спрятали тело святого среди свиных туш – мусульмане побрезговали прикоснуться к ним и не стали досматривать такой груз.

А может быть, они обманули не только таможенников, но и египетских христиан, попросту украв эти мощи? Вполне возможно, ведь и собор Сан-Марко впоследствии украсился сокровищами, которые венецианцы вывезли из Византии. И уж совершенно точно, что двигало купцами не только благочестие, но и политический расчет. Венеция в ту пору была итальянским захолустьем, но хотела стать независимым и сильным государством. Для этого, прежде всего, надо было обзавестись могучим небесным покровителем. Если город Рим гордился, что в нем была кафедра апостола Петра, то в Венеции почивали отныне мощи другого апостола, Марка! С этого момента венецианцы стали рассказывать предание о том, что некогда апостол уже побывал на этих островах (города там тогда еще не было) и что ему явился ангел, который возвестил: «Мир тебе, Марк, евангелист Мой! Здесь упокоится тело твое».

Скорее всего, эта история придумана самими венецианцами в оправдание своих действий, но она показывает, как тесно переплелись в средневековом христианстве факт и вымысел, религиозное благоговение и политический расчет. Придет время, и другое новое государство, которое будет называться Русью, точно так же избрет себе одного из апостолов – Андрея, и станет рассказывать, как он проповедовал христианство на месте будущего Киева, как предсказывал ему славное будущее, и даже о том, как он парился в знаменитых русских банях. Подобные рассказы могут не вполне соответствовать действительности, но они ясно показывают, что верующие во все времена стремились сродниться с апостолами: не просто почитать их память, но включить их в свой семейный круг, возвести к ним свой собственный род. Но не так уж и важно, по каким конкретно землям прошел тот или иной апостол двадцать веков назад – гораздо важнее, следуют ли по указанному им пути нынешние жители этих земель.

Врезка:

У каждого из евангелистов есть свой **СИМВОЛ**, который изображают и в книгах, и в храмах, и вообще где угодно. Эти символы: человек, лев, телец и орел – восходят к видению четырех ангельских существ, которых описывает в самом начале своей книги пророк Иезекииль (об этом мы говорили в 19-й главе). Там они сопровождали Господа в его торжественном шествии – и потому им уподоблены четыре апостола, составивших письменное свидетельство о земной жизни Христа.

Для Матфея таким символом стала *человеческая фигура*, потому что он подробно и полно описывает человеческую сторону жизни Христа: говорит о Его земном происхождении и связи с израильским народом.

Символом Марка был избран *лев*, изобращающий силу и мощь Иисуса, ведь и сам его текст, наполненный энергией и движением, подобен львиному прыжку. Именно поэтому в Венеции всюду можно увидеть льва с раскрытой книгой, и этот же лев оказался на гербе Черногории, в которую вошли бывшие венецианские колонии на адриатическом побережье.

Луку связывают с *тельцом*, жертвенным животным, поскольку в его тексте особенно подробно и полно рассказывается о страданиях и крестной смерти Спасителя, о принесенной Им жертве ради спасения всех людей.

Символом Евангелиста Иоанна служит *орел* – птица высокого полета с очень острым зрением. Разглядеть житейские мелочи можно и вблизи, но только с высоты, при орлином зрении, становятся видны не только каждая из них по отдельности, но и общая панорама, и подлинный масштаб вещей. Именно таково и Евангелие от Иоанна.

28. Лука – врач, художник, повествователь

Не очевидец, а историк

Матфей и Марк были свидетелями многих евангельских событий, а вот о Луке такого не скажешь. Предание называет его одним из семидесяти апостолов, но Евангелия его не упоминают, и уж никак не видно по его собственному тексту, чтобы он говорил как очевидец. Мы встречаем его самого только в книге Деяний, и то не с самого начала, где он сопровождает апостола Павла (который, кстати, тоже никак не участвовал в евангельской истории). Упоминается он и в некоторых посланиях Павла как его самый верный и близкий спутник и даже как личный врач. Из тех же источников мы знаем, что Павел страдал каким-то серьезным заболеванием, так что помощь Луки была для него необходима. Кстати, взгляд врача виден и на страницах его Евангелия: описывая исцеления больных, Лука уточняет, какой именно болезнью они страдали.

Но, казалось бы, какое право имел такой человек рассказывать об Иисусе, когда еще были живы и всем известны непосредственные свидетели тех событий? Но и сегодня далеко не всегда мы знаем о случившемся от очевидцев, чаще нам рассказывают об этом историки. Таким историком был и Лука. Как он сам говорит в предисловии к своему Евангелию, о жизни Иисуса тогда повествовали многие (и наверняка не все честно), так что стоило тщательно расспросить очевидцев, сравнить все доступные источники и составить наиболее полное и достоверное повествование. Именно так он и поступил. Видимо, этот текст был создан в Риме в начале 60-х годов, где Лука находился вместе с апостолом Павлом, и скорее всего, при его участии.

Как и о других синоптиках, мы знаем о Луке довольно мало. Родился он по преданию в Антиохии Сирийской, это был один из крупнейших городов того времени, где сразу после Воскресения возникла христианская община. Вероятнее всего, он был не евреем, а греком (единственным среди всех новозаветных авторов!), и уж во всяком случае, он получил хорошее образование и прекрасно писал по-гречески. Предание называет его врачом и художником (иконописцем, как принято говорить в церковной традиции), именно он написал первый портрет, или икону Богородицы. В этом нет ничего необычного: в те времена такой узкой специализации, как сегодня, не было, и человек, сведущий во врачебном искусстве, вполне мог разбираться в живописи и историографии.

Во всяком случае, именно его Евангелие, единственное из четырех, рассказывает так подробно историю Рождества и даже один эпизод из детства Иисуса: как вместе с семьей он отправился на праздник в Иерусалим и как потом задержался в доме Отца Своего, т.е. в Храме. Иосиф к тому моменту давно умер, так что рассказать обо всем этом ему могла только Дева Мария – может быть, рассказывала она как раз в то время, когда он писал ее портрет?

Любовь к деталям и притчам

Точность и внимание к деталям характерны для Луки. Мы не знаем наверняка, был ли он художником, писавшим кистями и красками, но он совершенно точно был художником слова и мастером повествования, не упускавшим ни одной значимой подробности.

Например, только он рассказывает о благоразумном разбойнике, обратившемся ко Христу уже на кресте. В этом нет ничего удивительного: ученики Иисуса почти все разбежались, а кто оставался у креста, едва ли прислушивался к словам разбойников, распятых вместе с Ним. Но Лука нашел и такого свидетеля, который расслышал и запомнил разговор Иисуса и того самого покаявшегося разбойника, которому была обещана скорая встреча в раю.

Как Матфей приводит в деталях ветхозаветные пророчества, как Марк подчеркивает силу и величие Иисуса, так Лука особенно подробно говорит о Его жертвенной смерти и ее спасительном значении для человечества.

Но главное отличие этого Евангелия от остальных – это его литературное изящество. Лука сочетает разные стили (к сожалению, в современных переводах эта черта его книги обычно пропадает): тут мы видим и изысканную греческую прозу, и поэтические гимны (единственные во всем Новом Завете), и торжественное повествование в стиле Ветхого Завета, и афористические изречения. Лука явно писал для взыскательной и образованной эллинистической публики, которую надо было не просто впечатлить новыми мыслями, но и преподнести эти мысли в изящной форме, иначе они и слушать не станут.

Вершина его литературного мастерства, пожалуй, притчи. Именно у Луки мы встречаем те истории, которые прекрасно знакомы даже людям, не открывавшим Библии: например, о блудном сыне, или о богаче и Лазаре. Притчи вообще занимают существенную часть в этой книге: это небольшие истории, для понимания которых не нужно обладать какими-то глубокими познаниями из истории или палестинской географии, да и вообще почти ничего не нужно знать, чтобы понять общий смысл... а вот проникнуть в глубину бывает уже не так просто. Перед нами проходит череда бытовых сценок, которые легко запомнить, но сделать из них однозначные выводы получается не всегда.

Почему, например, Христос похвалил неверного управителя? Тот знал, что скоро лишится должности, и стал вызывать к себе должников своего господина, чтобы списать их долги. И господин... похвалил его за это! Но ведь он, на самом деле, обманул его – за что же тут хвалить? До сих пор толкователями предлагаются разные ответы. Одни говорят, что такова и была воля самого господина, другие – что управитель лишь отказался от «откатов», тех дополнительных процентов, которые брал в свою личную пользу. Но у Луки сам Христос дает разгадку этой притчи, говоря: «приобретайте себе друзей богатством несправедливым, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители». Мало у нас «справедливого» богатства, которое получено безупречным путем и не вызывает нареканий – но и его можно обратить во благо, поделившись с другими, уменьшив их долг перед Господом. Тогда и они заплатят тебе благодарностью, которая не обещает, которую никто не похитит.

Лука, как мы видим, не стремится к прямой назидательности (поступай хорошо и не поступай плохо), он скорее выражает свою мысль метафорами. Вот притча о блудном сыне... но о разве этот сын – ее главный герой? Беспутный юноша, который оскорбил отца, растратил его деньги, а потом к нему вернулся – это очень понятный образ, такое в жизни порой действительно происходит. Тут и говорить особо не о чем. Но притча эта заставляет нас удивиться другому: совершенно нелогичным кажется поведение отца. Он не препятствует своему дерзкому сыну уйти, терпеливо ждет его возвращения и принимает сразу же, как только видит. Имеет право сурово наказать его, но прощает, не дав даже договорить, и возвращает прежнее достоинство. Не так ли ожидает нашего покаяния Небесный Отец? Вот и выходит, что притча вовсе не о блудном сыне, а о терпеливом и бесконечно любящем отце.

А может быть, эта притча еще и о старшем брате? Он так старательно выполнял все повеления, он был образцовым сыном – и ему, конечно, совсем не понравилось, что отец проявил милость к этому распутному юноше, которого он и братом своим не хотел теперь называть. Разве это справедливо? Но оказывается, что быть сыном отца можно только в том случае, если твой самый беспутный брат остается для тебя братом. Да и о многом другом можно было бы говорить в связи с этой притчей, она не похожа на басню, в которой только одна, всем очевидная мораль. Эта история дает нам сразу много уроков, раскрывается разными своими гранями в зависимости от того, как мы посмотрим на нее.

А еще Лука – мастер художественной детали. Вот он описывает, как Иисус исцелил десять прокаженных, и они пошли в Храм, чтобы отныне жить среди прочих людей, здоровыми и счастливыми. Только один возвращается поблагодарить Целителя... «и это был самарянин». Презираемый иноплеменник, чужак! Может быть, остальные девять терпели его лишь пока все они были прокаженными изгоями, а теперь они идут в храм, куда самарянина хода нет, и ему ничего не остается, как отделиться от них? А может быть, он вспомнил о простой человеческой благодарности именно потому, что ему невозможно было исполнить обряд? И как вообще так получилось, что самый дальний, самарянин, вдруг стал самым ближним, как и в другой притче, говорившей о милосердии? Есть, над чем задуматься.

Или рассказ о том, как после Тайной Вечери Иуда торопится совершить предательство... Лука завершает этот рассказ всего тремя словами: «Была же ночь». Казалось бы, излишнее напоминание, и так мы уже знаем из всего повествования, что время позднее... и только тут мы понимаем, что речь идет не просто о времени суток, но о тьме, которая сгустилась над городом Иерусалимом, вошла в душу Иуды и надеется теперь взять верх и над Иисусом. Он и горстка учеников, слабых и непонятливых – вот единственный свет в этой ночи, но она обязательно сменится рассветом.

Спутник Павла и миссионер

Чтобы этот рассвет увидели люди из разных стран и народов, Лука и отправился с Павлом в одно из его миссионерских путешествий, которое он подробно описал в Деяниях, постоянно используя местоимение «мы» и ничего при этом не говоря лично о себе. Тоже яркая черта характера! Насколько детально изображен Павел, его неизменный учитель и спутник с момента их совместного выхода на проповедь, настолько неприметен в этой книге сам автор.

После смерти апостола Павла Лука продолжил миссионерство в Италии, Галлии, Далмации, Греции, бывал он и в Африке. В этих землях он проповедовал Евангелие, основывал христианские общины и исцелял людей, уже не только как врач, но и как апостол. Он принял мученическую кончину в старости, в греческом городе Фивы, где его распяли на растущей маслине за неимением готового креста. Там же было похоронено его тело, а позднее, в IV веке, оно было перенесено в Константинополь. Там мощи оставались вплоть до турецкого завоевания, после которого они, как и многие другие святыни, попали в руки венецианцев. Сегодня они хранятся в итальянском городе Падуя, а частица этих мощей была в 1990-е годы возвращена в Фивы.

Мы начали разговор о Луке с той детали, что в Евангелиях о нем не говорится совершенно ничего. Это так, но всё же есть одна зацепка... в самом конце своего Евангелия Лука упоминает некоего безымянного ученика Иисуса, который вместе с другим учеником, Клеопой, вскоре после Воскресения (о котором они еще ничего не знали) шли из Иерусалима в селение под названием Эммаус. По дороге они беседовали обо всех произошедших в Иерусалиме событиях: их надежды на то, что Иисус установит Свое Царство здесь и сейчас, не оправдались. И вдруг они встретили странного человека, который стал расспрашивать их, чем они так опечалены. А потом он рассказал им, начиная с ветхозаветных пророчеств, что именно так и должен был пострадать Христос ради спасения людей.

Так они вели ученые беседы по пути, а вечером Клеопа и неназванный ученик пригласили своего спутника разделить с ними трапезу. И когда он благословил и преломил хлеб, они узнали Его голос, Его руки, Его лицо – это и был воскресший Учитель! Пока Он беседовал с ними по дороге, у них «горело сердце», но разум был слишком занят сложными богословскими вопросами, чтобы вот так просто узнать Его – для этого потребовалось получить преломленный Им хлеб, принять участие в одной трапезе с Ним.

Похоже, что эту историю рассказал действительно очевидец, так много он привел деталей, так увлечен он был своим повествованием. И может быть, второго ученика, чье имя не названо в рассказе, действительно звали Лука? Во всяком случае, этот рассказ повествует обо всех тех, кто получил хорошее образование, собрал множество исторических фактов, задумался над их интерпретацией... и всё-таки для главного, решающего вывода потребовалась живая и непосредственная встреча с Учителем. Возможно, Лука действительно поделился здесь с нами глубоко личным опытом, по деликатности не назвав своего имени.

Врезка:

Евангелия Матфея, Марка и Луки называют **синоптическими** (от греческого слова, означающего «смотреть вместе»), потому что при всех различиях они очень похожи друг на друга (в отличие от четвертой книги, написанной Иоанном), а местами совпадают буквально. Очевидно, что тот из *синоптиков* (так называют авторов этих Евангелий), кто писал позднее, уже знал о написанных прежде книгах. Наверняка были у них и общие источники, ведь все Евангелия были созданы спустя десятилетия после описанных в них событий и изложенные в них истории и речи долгое время передавались устно.

Можно с уверенностью сказать, что Лука был по времени третьим, последним из синоптиков – и его Евангелие тоже стоит на третьем месте в новозаветном каноне. Наверняка ему был хорошо знаком текст Марка, а возможно, и Матфея.

Но среди современных исследователей и толкователей нет единого мнения: кто из евангелистов написал свой труд раньше, Матфей или Марк? Расположение книг в новозаветном каноне вовсе не обязательно отражает время их написания. Большинство ученых сегодня отдают приоритет Марку как автору самого краткого текста и считают, что Матфей дополнил его текст деталями, которые были важны для его читателей. Но есть и другая точка зрения, к ней склоняются и раннецерковные историки: напротив, первым писал Матфей, а Марк, обращавшийся скорее к грекам и римлянам, опустил неважные для нее подробности, чтобы сделать свой текст более динамичным.

В любом случае, в Новый Завет вошли четыре этих Евангелия, каждое из которых отражает личность его создателя. В древности предпринимались попытки свести четыре текста к одному, но Церковь отвергла их – христианская вера всегда есть вера личная, она не растворяет человека в безликой толпе, но сохраняет его индивидуальность. Четыре истории об Иисусе, принадлежащие довольно разным людям с единой верой, ясно свидетельствуют об этом.

29. Иоанн – любимый ученик

Сын грома

О евангелисте Иоанне Богослове мы знаем действительно много. Он не только входил в число двенадцати апостолов, но и, единственный из всех евангелистов, был с Иисусом во время всех основных событий, о которых писал. Но имя Иоанна носят и четыре другие книги Нового Завета: Откровение и три Послания. Был ли он автором всех пяти – этот вопрос сегодня обсуждается учеными, но церковное предание видит его именно в этой роли, и дальше мы будем говорить о нем именно так.

Итак, что мы знаем об Иоанне из Евангелий? Как и его брат Иаков, он был сыном рыбака по имени Зеведей. Иисус призвал братьев, проходя мимо лодки, где они чинили сети после ловли рыбы, т.е. занимались самым обычным для рыбаков повседневным трудом. Он призвал их, и они пошли, оставив и лодку, и отца, и сети, требовавшие починки. Казалось бы, неужели нельзя было закончить хоть это дело, не оставляя отца одного? Но это явно было не в их характере: если они что-то выбирали для себя, то сразу и навсегда.

Потому и было у них среди апостолов прозвание «Воанергес», т.е. «сыновья грома», причем назвал их так сам Иисус. Быстрые и решительные как молния, они не были склонны к компромиссам. Однажды, например, Иисуса с апостолами неласково встретили в одном самарянском селении. «Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?» – так обратились они к Учителю. Заметим, что они даже не Его Самого попросили истребить непокорных, они были уверены в собственных силах, вдохновляясь примером пророка Илии. Нужно было только позволение, и Учитель его не дал, потому что он пришел не губить, а спасать людей.

В другой раз они же вдвоем, к негодованию прочих учеников, попросили Иисуса посадить их по правую и по левую руку от Него, когда Он воскреснет. Это был очень неподходящий момент для такой просьбы: только что Он предсказал апостолам, что в Иерусалиме Его ждут предательство и мучительная смерть, а затем Он воскреснет. Но сыновья Зеведея услышали только про воскресение: так это же замечательно! Их Учитель победит смерть и воцарится в Израиле, а может быть, и во всем мире – как будет хорошо стать при нем первым и вторым заместителем, занять самые важные места!

Но Учитель не рассердился, а ответил им: «не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?» Конечно, они согласились – и вряд ли понимали при этом сами, какие дают обязательства... речь шла о чаше страданий и насильственной смерти, а вовсе не только о победе. Но даже и такая готовность еще никому ничего не обещала: «чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано», – добавил Он. В Царствии Небесном нет никаких гарантий, никаких заранее утвержденных списков и отдельных дверей для важных персон. Туда приходят не для того, чтобы занять почетное место, а чтобы быть с Тем, Кого любят.

И всё-таки Иисус явно выделял этих двоих из числа прочих апостолов. Вместе с Петром Он брал их с Собой на гору Преображения и в Гефсиманский сад накануне ареста, при них он воскресил умершую дочь Иаира. Были ли они особенно близки Учителю из-за своей горячности и готовностью везде и всегда следовать за Ним, или существовали еще какие-то причины, мы не знаем.

Самый близкий

К тому же Иоанн иногда упоминает себя в Евангелии отдельно как «ученика, которого любил Иисус», не называя, впрочем, себя по имени и не говоря ни разу «я».

Только тут нет и тени хвастовства или намека на свое особое положение: в каждом из этих случаев он рассказывает не о себе, а об Иисусе, о каких-то самых сокровенных словах, которые слышал только он один. Вот на Тайной Вечери Иоанн склонил голову на грудь Иисусу (тогда было принято во время торжественной трапезы не сидеть, а возлечь на широких скамьях, опершись на руку, так что ближайший ученик легко мог прильнуть к Учителю и услышать самый тихий Его шепот). И вот Иисус говорит, что один из учеников предаст Его... Кто? Этот вопрос был у всех на устах. Но только Иоанну Иисус дал знак, кто это будет. Видимо, знал, кому можно доверять.

Когда Иисус был распят, ученики разбежались. Их можно понять: всё происходящее совсем не соответствовало их ожиданиям, это был так жутко и так непонятно... Но у подножья Креста стояли Мария, Мать Иисуса, и Иоанн. И с Креста Иисус сказал, что отныне Иоанн будет ей сыном, а она ему – Матерью. И действительно, с этого момента Иоанн взял к себе Марию и заботился о ней до самой смерти как сын. Отсюда начинается и сыновнее почтение к Марии всех христиан.

Неужели Иисус любил из всех только одного ученика? Конечно же, нет. Видимо, здесь идет речь о каких-то особенно теплых и доверительных отношениях, еще более близких и глубоких, чем у остальных. В христианстве нет унылой уравниловки, когда всем дается одна и та же порция, «по минимуму» – напротив, каждый может получить по максимуму, сколько вместит. И если Иоанну было дано больше, чем прочим, значит, он готов был это вместить.

Есть еще один очень необычный эпизод между воскресением и вознесением Иисуса. Явившись ученикам, Иисус предсказал Петру его будущую мученическую смерть. Но Петру всегда хотелось узнать как можно больше, и он спросил Учителя об Иоанне. Ответ звучал так: «Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? ты иди за Мною». Прямой смысл ответа ясен: незачем узнавать чужую судьбу, надо заботиться о своей. И если бы даже Иоанну было суждено бессмертие на земле – разве это главное для Петра? У каждого своя жизнь.

Но другие ученики поняли это так: Иоанн, в отличие от них всех, не успеет умереть прежде Второго Пришествия Иисуса и встретит его живым на земле. По церковному преданию, Иоанн был единственным среди апостолов, кто умер своей смертью, причем в старости – остальные апостолы, кроме Иуды Искариота, погибли как мученики. Так что некое особое значение в этих словах всё же было...

Богослов любви

Любимый ученик Иоанн стал апостолом любви, как его часто называют. Три послания Иоанна постоянно возвращаются к этой теме, именно там мы встречаем, может быть, самые удивительные слова о любви во всей Библии: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь»; «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх... Боящийся несовершен в любви... не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?». Весь смысл христианской жизни состоит для Иоанна в деятельной любви к Богу и ближним, это и есть главная заповедь Нового Завета, а все правила, обычаи и обряды – только ее детализация.

Источник этой любви назван в его Евангелии: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Эту фразу иногда называют «малым Евангелием», потому что в ней в нескольких словах изложен главный смысл воплощения, служения, жертвенной смерти и воскресения Христа.

Но зачем Иоанн написал свое Евангелие? По преданию, он достаточно долго проповедовал в разных городах Малой Азии, обходясь устными рассказами. Свой текст он записал ближе к завершению своей земной жизни, в конце I в. – вероятно, это последняя по времени написания книга Нового Завета. Три других Евангелия (синоптическими) к этому времени были уже давно написаны и хорошо известны... но Иоанн решил

дополнить их рассказ. Он, конечно, тоже сообщает обо всех основных событиях из жизни Иисуса, но у него очень много своего собственного материала.

Прежде всего, это речи и молитвы Иисуса. Самая длинная из них – прощальная беседа и молитва после Тайной Вечери (главы 14-17), где сказано всё самое главное об отношении Господа с Его учениками и о том, как им жить в этом враждебном мире. Многие детали служения Иисуса мы знаем лишь по этому Евангелию. В нем и только в нем рассказывается о первом из сотворенных Им чудес – превращении воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской. И только в этой книге мы читаем о том, как Иисус омыл ноги Своим ученикам перед Тайной вечерей. Самое высокое богословие сочетается у Иоанна с такими частными подробностями, которые подчеркивают смирение Иисуса, Его готовность служить людям даже в самом простом, обыденном смысле, заботясь о мелочах, которые обычно доверяли слугам. Но нет никаких мелочей для совершенной Любви, явленной в Единородном Сыне.

И только в этом Евангелии мы находим историю о женщине, уличенной в преступлении, за которое по закону полагалась смертная казнь. Иисус предложил побить ее камнями – но пусть первый камень бросит тот, кто считает себя безгрешным. И толпа, дышавшая негодованием, постепенно разошлась... Не оправдывая ее поступка, не вынося никакого приговора, Иисус подал пример милосердия и снисхождения к грешному человеку – и отпустил ее со словами «Иди и впредь не греши».

По поводу этого отрывка тоже есть сомнения: входил ли он в изначальный текст Евангелия? В некоторых рукописях его просто нет, в других он стоит на ином месте, а одна приписывает его не Иоанну, а Луке. Да, вполне возможно, что этот отрывок был добавлен, когда уже было написано всё остальное, но, в конце концов, он ничем не противоречит остальному тексту Евангелия. Если он и был дописан через год или десять лет, он всё равно входит в канонический текст и ничуть не уступает по своей авторитетности другим частям этой книги.

Но лучше всего известен, конечно, пролог к этому Евангелию, который читается в православных храмах на Пасху: «В начале было Слово...» Этот пролог выражает изначальную веру Церкви, что Иисус был не просто еще одним пророком, проповедником и чудотворцем (таким Его видят, к примеру, мусульмане), но воплощенным Словом Божьим и Богом, Который пожелал стать человеком ради спасения людей. Евангелие от Иоанна с самых первых своих строк – это история именно такого предельного умаления и смирения Бога.

Часто можно услышать, что здесь Иоанн выражает свою веру в терминах эллинской философии, ведь «слово», по-гречески «логос» – это одно из ключевых ее понятий. Но, с другой стороны, эти выражения напоминают повествования Ветхого Завета, да и других произведений древнего Ближнего Востока. В самом начале книги Бытия рассказывается, как Бог творит Своим Словом этот мир. Так Иоанн связывает рассказ о сотворении мира с самым главным, что только произошло в этом мире, и с Тем, Кто это совершил.

Врезка:

Нередко среди современных ученых возникают споры об **историчности** или **авторстве** тех или иных книг Нового Завета. Особенно много вопросов вызывает т.н. «Иоаннов корпус», т.е. книги, носящие имя Иоанна Богослова: Евангелие, Откровение и три послания. Слишком уж они не похожи друг на друга. Так, Откровения написано куда более простым и менее правильным греческом языком, чем Евангелие...

Да и в древности существовало предание о некотором «пресвитере Иоанне», другом человеке, который мог быть автором Откровения. Еврейское имя Иоанн (оно означает «милость Господня») было вполне распространенным, так что в этом нет ничего удивительного, да и автор книги Откровения говорит о себе крайне мало, по сути дела, мы

знаем о нем лишь одну подробность: это откровение было ему явлено на острове Патмос, где закончилась жизнь Иоанна Богослова. Но ведь мог там жить и тот пресвитер?

С другой стороны, ничего нет невозможного и в едином авторстве. Да, автор Откровения явно писал по-гречески хуже, чем автор Евангелия – так первая книга была написана на десятилетия раньше, чем вторая! За это время евангелист вполне мог отточить свой стиль, ему наверняка приходилось много говорить и писать по-гречески. А если это были разные люди – то кто остальные? Мы ничего толком не знаем об этом. Может быть, некоторые тексты, изначально восходившие к апостолу Иоанну, были затем несколько дополнены и отредактированы его учениками? Но это ведь совершенно не значит, что они придумали какое-то свое собственное богословие, не связанное с тем, что приняли от учителя!

В любом случае авторство тут не играет первостепенной роли: эти книги в равной мере приняты Церковью как ее Священное Писание, и никакого «альтернативного христианства» в одной из них не обнаружится.

30. Иоанн Креститель: на шаг впереди Христа

Рождение как чудо

Это о нем Христос сказал: «из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его». Удивительные слова! Оказывается, все ветхозаветные пророки уступают этому человеку, который вроде бы не сделал ничего особенного – просто призвал народ к покаянию, указал на Иисуса... Он не выводил народ из рабства, как Моисей, и не произносил цветистых речей, как Исайя. Почему же он оказался «больше» них, и в каком смысле можно понять это «больше»?

Православная церковь тоже принимает этот масштаб, посвящая Иоанну целый ряд праздничных и постных дней: зачатие (6 октября по новому стилю); рождество (7 июля); усекновение главы (11 сентября); первое и второе обретение главы (8 марта); третье обретение главы (7 июня), не говоря уже о перенесении десницы с Мальты в Гатчину при императоре Павле (25 октября) – кстати, сегодня эта святыня находится в черногорском городе Цетинье, куда ее неведомо как вывезли после революции 1917 года. Наконец, его память отмечается и в день после Крещения (20 января).

Под именем пророка Яхьи почитают его и мусульмане; особую роль отводили ему в своем богословии самые разные религиозные учения и секты древности, например, гностики и манихеи. И даже знаменитое празднество Ивана Купала (его отмечают далеко не только на Руси) в церковном календаре не что иное, как день рождения Иоанна, хотя здесь старинные языческие обычаи в сознании народа просто соединились с датой христианского праздника. Иоанна считали и считают своим небесным покровителем многие общины, города, провинции и корпорации – например, канадский Квебек и Мальтийский рыцарский орден, а с ним и всё островное государство Мальта.

Более того, мы читаем в Евангелии, что и при жизни Иоанна к нему стекались толпы народа, у него было множество учеников, и даже духовные вожди иудаизма специально отправляли к нему гонимых. Но ведь вроде бы ничего особенного он не сказал и не сделал, и сам уступил место Тому, Кто шел за ним – Иисусу Христу. Но может быть, в том и есть главный признак его величия?

Впрочем, начнем по порядку. О зачатии и рождении Иоанна рассказывает подробно евангелист Лука. Его родители, священник Захария и его жена Елисавета, долгое время были бездетны (как, например, родители ветхозаветного пророка Самуила), и о грядущем рождении сына Захария узнал непосредственно от ангела Гавриила, когда он совершал свое служение во внутреннем святилище иерусалимского Храма. Захария даже не сразу поверил в эту весть – и в наказание за неверие оставался немым до тех пор, пока у него не родился сын.

Иисус и Иоанн встретились, когда еще каждый из них был во чреве своей матери. Юная Мария, которой тот же архангел Гавриил возвестил о рождении Сына, поспешила к Елисавете, своей родственнице преклонных лет, бывшей уже на шестом месяце беременности. Как повествует Лука, «когда Елисавета услышала приветствие Марии, разыграл младенец во чреве ее» – кто-то считал бы это простым совпадением, но Елисавета увидела в этом радостное приветствие. Конечно, младенцы во чреве не могут обмениваться информацией – евангелист подчеркивает, что это было действие единого Святого Духа.

Главное в Новом Завете – история Иисуса, но именно Иоанн должен был приготовить народ к Его служению, и знак об этом был дан еще до рождения каждого из них. Именно поэтому церковная традиция называет Иоанна Предтечей, то есть «предшественником». Но всё это станет ясно уже потом, когда дети родятся, вырастут и встретятся в совершенно ином месте.

После рождения мальчика его отца Захария спросили, какое дать ему имя. Немота еще не оставила его, потому он написал на дощечке: «Иоанн» – именно это имя назвал ему ангел. Тогда Захария снова обрел дар речи. Значение имени – «Господня милость», и оно было своего рода пророчеством о судьбе новорожденного. Впрочем, ничего особенного в этом имени не было, его носили многие иудеи в ту пору.

Глас вопиющего в пустыне

Дату начала проповеди Иоанна точно сообщает нам Лука: «пятнадцатый год правления Тиверия кесаря», то есть 28 или 29 г. н.э. по нашему летоисчислению. Иоанн стал жить в пустыне, он носил грубую одежду из верблюжьей шерсти и питался саранчой и диким медом – то есть тем, что можно найти даже в пустыне, не заботясь о своем пропитании. Это, пожалуй, пример самого строгого аскетизма, какой только можно найти во всей Библии. Одновременно это признак беспредельного доверия Богу: человек совершенно просто знает, что всё действительно нужное ему пошлет Бог, и даже не старается добыть себе нормальной пищи.

Аскет и пламенный проповедник, от остальных он не требовал никакого аскетизма – только верности Богу. Главные слова в его проповеди – «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие небесное». Небо сходит на землю, устанавливает на ней свой порядок (тогда еще никто не мог ясно представить себе, как это будет), а значит, людям нужно измениться, отказаться от привычной жизни в грехах и мелких страстишках и приготовиться к чему-то великому и страшному.

Однажды к Иоанну пришли воины – а в те времена Палестина была оккупирована Римом, так что большинство евреев видело в них пособников оккупантов вроде наших власовцев – и спросили, что им делать. Они, наверное, ожидали, что он потребует от них немедленно отказаться от сотрудничества с римлянами, велит бежать в пустыню, поститься и молиться целыми днями... Иоанн сказал только «никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем», и тем самым раз и навсегда оправдал для христиан воинское ремесло. Самый строгий аскет потребовал от солдат честно выполнять свои обязанности, не прибегая к насилию и грабежу. А с другой стороны, легко ли им было от этого удержаться?

Но никак нельзя сказать, что Иоанн был так же мягок со всеми. Больше всего от него доставалось духовным вождям иудеев, которые претендовали на обладание окончательной истиной, они только наставляли других и сами уже ничему не хотели учиться. Согласно Матфею, именно к ним обратил он оскорбительные слова, когда они пришли к нему: «порождения ехидны! кто внушил вам бежать от будущего гнева?»

Впрочем, Лука говорит, что похожие слова он говорил вообще приходившему к нему народу. Он стремился не оскорбить этих людей, а обратить их к покаянию, и для этого он указывал им на всю серьезность греха и того положения, в котором оказывается грешник перед Богом. Возглашая приход Царствия Божьего, он призывал людей принять в водах реки Иордан «крещение во оставление грехов», но, конечно же, это было не то крещение, которое совершается сегодня в христианских храмах. Никто еще ничего не знал о Кресте – речь шла о ритуальном омовении, которое по ветхозаветному закону предписывалось совершать после разнообразных осквернений (например, прикосновении к мертвому телу).

Но Иоанн наполнил старый обряд новым смыслом. Теперь это было не просто повторяющееся ритуальное действие, но знак подлинной перемены всего образа мысли и действий, раз и навсегда. Потому омовение было не просто избавлением от старого греха, но началом действительно новой жизни перед Богом. Кроме того, Иоанн учил людей, что они предстоят Ему не поодиночке: тот, у кого есть лишнее, должен поделиться с неимущим. Это не была некая перепись имущества с его последующей конфискацией и перераспределением, вовсе нет: Иоанн лишь показывал людям, как они на самом деле должны жить, если ищут спасения. А уж как кому поступить, каждый решал сам.

Немудрено, что к такому необычному проповеднику, буквально в нескольких словах выразившему всю суть Ветхого Завета, стекались толпы. Но сам он постоянно говорил людям, что он не Мессия, которого тогда напряженно ожидали, и даже отказывался называть себя пророком. Почему? На самом деле его служение было вполне пророческим, и даже Христос говорил, что его можно считать пророком Илией, который, как верили евреи, должен появиться перед пришествием Мессии.

Вокруг Иоанна собирались ученики, часть из них потом последует за Иисусом – это была не просто яркая личность, но целое новое движение, напоминавшее о пророках Ветхого Завета и о пророческих школах, возникавших вокруг них. Больше всего Иоанн походил на Илию, его даже спрашивали, не есть ли он Илия, вновь сошедший на землю с неба. Он тогда отказался принять этот почетный титул, называя себя всего лишь «гласом вопиющего в пустыне» (выражение из пророчеств Исайи), но впоследствии Иисус скажет, что Иоанн действовал в духе и силе Илии. Нет, пророк древности не сошел с неба, но его служение полностью продолжилось в служении Иоанна.

Сказать о себе «я пророк» значило бы придать себе высокий статус, потребовать для себя высоких почестей. Для Иоанна всё это было совершенно чуждо, он действительно был «гласом в пустыне» – главное, что Господь открывал людям через него, а не каким статусом он обладал. И с самого начала он говорил о Том, Кто идет после него, но был прежде него.

Когда к Иоанну пришел Христос, чтобы омыться в водах Иордана, как это делали все остальные люди, тот сначала не хотел крестить Его: да кто он такой, чтобы совершать обряд над Мессией? Но может быть, именно это высшее смирение Иоанна стало причиной тому, что Христос (единственный раз во всем Евангелии!) ничего не сделал сам и всё доверил ему, и потом назвал его самым великим из рожденных женами людей. И всё-таки, добавил Христос, каждый, кто окажется в Царствии небесном, будет еще больше него – так он согласился со смирением Иоанна, никогда не искавшим ни почестей, ни славы.

Обличение царя и голова на блюде

А вот неприятности он для себя, похоже, искал. Иоанн обличал царя Ирода за то, что он взял в жены жену своего брата Филиппа по имени Иродиада. Ну и что, казалось бы, тут такого? Ирод (о нем мы еще поговорим в 35-й главе) совершал и поступки намного хуже того. И почему Иоанн был так принципиален именно в этом случае? Но царь Израиля не имеет права открыто попираť закон, появляясь на людях с женой, с которой вступил в недозволенный союз.

Ирод не мог снести такого обличения и посадил Иоанна в тюрьму. При этом он всё же уважал Иоанна и не решался причинить ему больший вред. Оттуда, из темницы, Иоанн посылал своих учеников к Иисусу, чтобы спросить: действительно ли Он – Мессия, или надо ждать кого-то иного? В этих сомнениях можно увидеть слабость и недоверие... Но в самом деле, если Мессия уже пришел, отчего же зло не наказано, правда не восторжествовала, и сам Иоанн сидит в темнице? Людям свойственно желать победы добра здесь и сейчас, и даже Иоанн не мог тогда представить, в чем будет заключаться эта победа.

Тем временем, Иродиада, незаконная супруга Ирода, приняла решение расправиться с Иоанном, положив конец этому пятну на своей репутации, как она его понимала. Но как это сделать? Она дождалась дня, когда Ирод праздновал свой день рождения, и отправила дочь Саломею станцевать перед ним. Девушка так угодила царю, что он пообещал дать ей подарок, какой она сама себе выберет. Та решила посоветоваться с матерью, и мать велела ей просить голову Иоанна Крестителя на блюде.

Казнь великого пророка совершенно не входила в планы царя, но не отказываться же теперь от данного перед всеми гостями слова... Да и в самом деле, не будет ли так легче и проще для всех? Царь отдал приказ, Иоанна обезглавили. Но память о нем не оставляла Ирода и после его смерти, и когда до него дошли известия о чудесах Иисуса, он

перепугался: неужто Иоанн воскрес?! Но всё было иначе, одновременно проще – и намного сложнее.

Иоанн в своей жизни шел на шаг впереди Христа, признавая в то же время Его первенство во всем. И в такой его смерти тоже виден и своего рода прообраз распятия Христа, приказ о котором так же нехотя отдал Пилат. Погрязший во зле мир старается отвергнуть тех, кто обличает его, и находит для того множество способов и аргументов.

Врезка:

Личность Иоанна Крестителя связывает **Ветхий Завет с Новым Заветом**. В его истории мы встречаем очень много деталей, напоминающих нам о Ветхом Завете – и вместе с тем каждая из них ведет к новозаветному Откровению. Но что, в самом деле, общего между этими двумя понятиями и что различает их?

Слово «завет» означает, по сути, «договор». Некогда Господь заключил такой договор с израильским народом: Он брал этих людей под Свое покровительство как Свой народ, а в ответ ждал от них послушания и покорности Своей воле. Собственно, все книги Ветхого Завета и рассказывают о том, как этот договор был заключен и как соблюдался (а людьми он чаще всего соблюдался из рук вон плохо). При заключении завета были принесены в жертву животные, и они вновь приносились у Скинии, а затем у Храма каждое утро и каждый вечер, и отдельно – по праздникам. Накануне Пасхи каждая еврейская семья резала ягненка, чтобы отметить общей трапезой праздник освобождения своих предков из рабства.

Но уже в те времена некоторые пророки предсказывали приход нового, совершенного Завета – и он действительно был заключен с людьми накануне распятия Иисуса Христа. На Тайной Вечери Он преломил хлеб и раздал его Своим апостолам, а также пустил по кругу чашу с вином, сказав, что это Его Тело и Кровь – жертвенная пища, знаменовавшая заключение Нового Завета. Сама жертва была принесена на следующий день, когда Иисус, Агнец Божий, умер на кресте во искупление всех грехов каждого из людей.

Отныне войти в завет с Богом и принять предложенное прощение может каждый человек, вне зависимости от происхождения. Границы народа Божьего раздвинулись до всего человечества, всё зависит лишь от желания и готовности каждого человека принять этот дар и сказать Творцу, вслед за ветхозаветными пророками: «Ты – наш Бог, а мы – Твой народ».

31. Дева Мария и плотник Иосиф: семья Иисуса

Невеста плотника

К Деве Марии православные и католики относятся с сыновней почтительностью, постоянно обращаются к ней с просьбой о заступничестве перед Сыном, изображают на иконах, которые помещают на самые почетные места в храмах и домах. Но в книгах Нового Завета о ней сказано совсем мало – потому и протестанты, которые во всем стремятся следовать только Писанию, не уделяют ей такого внимания. Но ведь не всё определяется объемом текста... Про царей из династии Ирода (о них в 35-й главе) сказано намного больше, чем о Марии, но их всё равно никто не почитает, а само их имя стало ругательством. А вот если бы не Мария и не ее жених Иосиф, не было бы и самой евангельской истории, во всяком случае, такой, какую мы знаем.

Мария была простой девушкой, не известной ни знатностью, ни богатством, ни какими-то выдающимися достижениями. Она была по-настоящему верующей – но раскроется это только в евангельском повествовании. В тот момент, когда мы встречаем ее в этом повествовании, она была помолвлена с человеком намного старше ее по имени Иосиф, он был плотником. Скорее всего, он был вдовцом, так что для него это должен был быть второй брак – именно такому человеку, опытному и не слишком горячему, родители Марии решили доверить свою замечательную дочку. Но никто еще не знал, что из этого получится – она была обручена, но до свадьбы должно было пройти немалое время.

И вот тут, посреди обычной жизни, самых простых ожиданий и житейских расчетов, в ее жизнь врывается чудо. Ангел Гавриил появляется, чтобы возвестить: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами». Но что бы это означало? И тогда ангел объяснил: «Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца». Однако как может быть сын у девушки, которая никогда не была с мужем? Ангел объяснил и это: «Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим».

Мы знаем, что произойдет потом, она – не знала. Ангел, по сути, возвестил ей беременность, для которой не было никаких оснований. По закону вообще-то полагалось за такое побить камнями – откуда еще могла быть беременность, как не от прелюбодеяния? И уж во всяком случае, ее ждал несмыслимый позор на всю жизнь. За что ей такое? Множество других людей Но Мария просто доверилась Богу: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему».

Именно после этих слов произошла встреча Марии с ее родственницей Елисаветой, о которой мы говорили в прошлой главе. Обе они ждали рождения необычных сыновей, обе скрывали свою беременность – Елисавета, видимо, опасалась открыться раньше времени, ведь она оставалась бесплодной до вполне серьезного возраста. А Марии еще не было известно, как отнесется к такому событию ее жених Иосиф.

И в самом деле, он был помолвлен с набожной девушкой – и вдруг беременность! Сначала он просто хотел тихо расторгнуть помолвку, ни о чем не спрашивая и никак не пытаясь Марию наказать. Но, впрочем, рождение ребенка вне брака и так поставило бы ее вне всякого общества, дальнейшая ее судьба была бы ужасна. И потребовалось еще одно явление ангела, на сей раз уже Иосифу, чтобы он принял ее такой, с ребенком во чреве, и назвал своей женой. Евангелие сообщает, что они не были вместе как супруги, ожидая появления Младенца, но не уточняет, как выглядела их жизнь после рождения Иисуса. Католическое и православное предание утверждает, что Иосиф сохранял девство Марии и

после Рождества, его даже называют Иосифом Обручником – т.е. обрученным Марии, а не ее мужем.

Мы редко рассуждаем о мужестве и выдержке Иосифа, но если задуматься... Он полюбил юную девушку, готовился к свадьбе с ней – и вот ему пришлось отказаться от всего, чего он ожидал с такой надеждой ради высшей цели. В глазах всего общества он был мужем Марии и считался отцом Иисуса, и только они сами знали, на какую жертву пришлось пойти Иосифу.

Мать Младенца

Историю Рождества Христова все обычно помнят хорошо: пастухи, которым ангел возвестил о рождении Младенца, и волхвы, которым ту же весть принесла звезда... «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» – так, по словам Луки, пело ангельское воинство. Только мы обычно забываем, что выглядело всё далеко не так светло и торжественно, как на наших сегодняшних праздниках.

Когда приблизилось время родов, Мария с Иосифом отправились из галилейского городка Назарета, где они жили, в другой городок Вифлеем, к югу от Иерусалима. Дело в том, что была объявлена перепись населения, и все жители должны были явиться по месту «прописки», т.е. в те города и селения, где проживали их предки. Иосиф происходил из рода царя Давида, а тот родился в Вифлееме, и ему пришлось идти туда и взять с собой Марию, ведь для всех она была его женой. С другой стороны, так исполнялось древнее пророчество – Мессия, великий Царь Израиля, и родиться должен был в царском городе Вифлееме. Не первый и не последний раз в Библии некие события имеют две причины: земную, основанную на чьих-то желаниях, расчетах и правилах, и высшую, которая следует воле Божьей.

Но что ждало их в Вифлееме? Мест в гостиницах не было, ведь по случаю переписи многие стронулись с места. Беременную никто не пригласил в свой дом, и пришлось ночевать в загоне для скота, где и прошли роды. С самого первого вздоха Младенец оказался в мире, где Он не был нужен никому, кроме Своих близких, где до него никому не было дела, ни у кого для Него не было места. В обыденную жизнь городка под названием Вифлеем пришло чудо, которое прославит этот городок на весь мир – но жители его не заметили, у них было слишком много собственных хлопот.

Не случайно их местных почтить Младенца пришли лишь пастухи, простые крестьяне, которые проводили время в поле, вдали от городских стен. Необразованные, грубые, простые – они услышали голос ангела. А книжникам и знатокам закона, которых и в Вифлееме наверняка было некоторое количество, и ангел-то был не нужен, они и так всё знали. Вновь и вновь будет повторяться потом эта ситуация в жизни Иисуса.

И еще были волхвы, пришедшие из далекой восточной страны, не израильтяне, а, скорее всего, язычники. Их привели к Младенцу занятия астрологией – они внимательно следили за звездами и не могли пропустить появление какой-то новой, неведомой доселе звезды. Что это было: вспышка сверхновой где-то в глубинах вселенной, или комета, подошедшая близко к земле? Мы не знаем точно, да и не в этом дело. Важно, что даже языческая мудрость, даже явления природы могут привести людей ко Христу, если они внимательны и любопытны. А можно обладать самой правильной на свете верой и пропустить всё самое главное, что и случилось с жителями Вифлеема.

Но и с волхвами получилось всё не так просто, как описывает евангелист Матфей. Они отправились в путь и, придя в Иудею, обратились прежде всего к царю этой страны Ироду: кто как не он должен знать о рождении нового Царя! Ирод расспросил своих приближенных, они указали ему на Вифлеем как на место, где по древним пророчествам должен был родиться Мессия – и тогда Ирод отправил своих воинов перебить в Вифлееме всех младенцев, чтобы не осталось для чуда никакой возможности, ни одного шанса. Ирод был готов на множество невинных смертей ради того, чтобы исключить саму возможность появления какого-то другого царя на подвластной ему территории. Вот пример того, как

человек вполне правильно оценил всё происходящее, поверил в весть свыше, прислушался к пророчествам – но предпочел действовать ради собственной мнимой безопасности. Всего через несколько лет Ирод умрет, и Младенец, даже если бы пожелал, никак не смог бы сместить Ирода с трона за оставшееся время его жизни.

И вновь было явление ангела, и вновь Мария с Иосифом отправляются в путь, на сей раз уже в Египет, подальше от власти царя Ирода. Именно там, в Египте, пережидала когда-то голод семья Иосифа-Израиля, оттуда выводил евреев пророк Моисей, туда же при нашествиях и военных угрозах бежали многие израильтяне в последующие века – и семья Иисуса повторяет их путь, чтобы спасти Младенца от гибели. И лишь после смерти царя они возвращаются в Назарет, где они и жили: Иосиф – до самой смерти, а Иисус – до Своего выхода на служение.

Уроки детства

О детстве Иисуса мы знаем только из Евангелия от Луки и только один эпизод, но по этому эпизоду можно судить о многом. Ежегодно вся семья вместе с другими родственниками отправлялась в Иерусалим на праздник Пасхи, хотя путь туда из Галилеи был не близкий. И это была не просто праздничная прогулка или исполнение обрядов «по минимуму» – в двенадцатилетнем возрасте Иисус задержался в Храме, беседуя с учителями закона. Удивителен сам этот факт: эти седовласые ученые мужи не отказались говорить с Мальчиком, более того, они «дивились разуму и ответам Его».

Но теперь представим себе, каково было Марии и Иосифу, когда они обнаружили, что Иисуса с ними нет. Сначала они решили, что он идет с кем-то из родни, и только потом спохватились: Его вовсе не было среди возвращавшихся паломников. Они отправились обратно в Иерусалим... можно представить себе, какие резкие слова, а то и наказания, посыпались бы в подобной ситуации от большинства родителей на потерявшегося ребенка. Но Мария только сказала: «Чадо! что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя». Иисус ответил: «Зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?»

Как, наверное, непросто было услышать и это Иосифу! Он принял Марию как жену, хотя она и не стала ему женой, он растил Иисуса как собственного сына, хотя и не был ему отцом. И вот так резко Иисус напомнил ему об этом? Храм Ему роднее дома? Можно и тут представить себе очень суровые слова из уст любого «нормального мужчины».

Но евангелист сообщает кратко: «Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них». В этой семье царило удивительное доверие и доброжелательность, и никто не спешил настоять на своих правах, утвердить собственное достоинство перед остальными.

Упомянутся в Евангелиях также братья и сестры Иисуса, и православные вместе с католиками считают, что это, скорее всего, были дети Иосифа от предыдущего брака, они уже вполне могли быть взрослыми. Кроме того, это могли быть двоюродные братья и сестры, тогда родственные связи охватывали намного более широкий круг, чем сегодня – вероятно, именно поэтому они даже не упомянуты в этом повествовании особо, хотя и могли быть среди других родственников. Протестанты обычно полагают, что Иосиф и Мария после рождения Иисуса жили обычной супружеской жизнью, но этот рассказ плохо согласуется с этой версией, тогда бы у них были еще и младшие дети, и странно было бы евангелисту описывать, как они путешествовали только втроем.

Мать у креста

Когда точно умер Иосиф, мы не знаем, но когда Иисус вышел на служение, его уже не было в живых. Но в этой части Евангелий Мария тоже как будто пропадает... «Не

плотников ли Он сын? не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда?» – так, к примеру, Матфей передает удивление окружающих. Но и только.

И в одном эпизоде Иисус даже как будто принижает Свою привязанность к ней: «И пришли к Нему Матерь и братья Его, и не могли подойти к Нему по причине народа. И дали знать Ему: “Матерь и братья Твои стоят вне, желая видеть Тебя”. Он сказал им в ответ: “матерь Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его”» (в изложении Луки, но Матфей и Марк пишут примерно так же). Но, как и в случае с Храмом, это не отказ от родства, а скорее указание на то, что духовное родство может связывать людей не менее тесными узами, чем общее происхождение.

И если мы встречаем в евангельском тексте имя Мария, оно скорее относится к другим женщинам – тогда его носили многие. И только в одном эпизоде евангелист Иоанн говорит о ней чуть более подробно, когда рассказывает о распятии: «При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: “Жё но! се, сын Твой”. Потом говорит ученику: “се, Матерь твоя!” И с этого времени ученик сей взял Ее к себе».

В самый последний момент Своей земной жизни Иисус всё же позаботился именно о ней. Значит, не было никакого пренебрежения, никакой отчужденности. Просто Его служение, Его жизнь и смерть оказались чем-то куда более важным, нежели чисто человеческая любовь и привязанность сына к матери и матери к сыну. Величие матери состояло именно в том, чтобы отпустить Сына, не удерживать Его, не требовать от Него ничего – но быть рядом и принять даже Его смерть. А значит, и Его воскресение.

Православные воспевают Деву Марию как «более чтимую, чем херувимы, и без сравнения более славную, чем серафимы», вознося эту простую девушку из Назарета превыше самых великих ангельских существ. Эта хвала звучит откликом на слова самой Марии, некогда сказанные ей в ответ на приветствие Елисаветы: «величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей, ибо отныне будут ублажать Меня все роды; что сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его».

Врезка:

Библия – это Священное Писание христиан, но оно существует в неразрывной связи с **Преданием**. Сами Евангелия не были записаны сразу, они долгое время передавались устно, или в виде кратких записей, и лишь потом самое главное было отобрано и принято в канон Нового Завета.

В этот канон не вошли многие другие книги и устные сказания, которые принято называть *апокрифами*, как и книги, примыкающие к Ветхому Завету, но не вошедшие в Библию. Их статус различен: одни из них принимаются Церковью, другие нет, но в любом случае их авторитет не равен авторитету книг Писания. Те книги и сказания, которые Церковью приняты, относят к Преданию.

О жизни Девы Марии мы узнаем в основном как раз из Предания – именно оно рассказывает о ее рождении, детстве и ее жизни после евангельских событий. На нем основаны такие православные праздники, как Рождество Богородицы, Введение во Храм и Успение. Это не Евангелие, но это тот контекст, в который евангельские повествования ставились христианами уже в древние времена.

Но в Предания входят не только книги и легенды, это и христианские обычаи, и иконопись, и даже храмовая архитектура. Можно сказать, что Предание – этот опыт прочтения и осмысления Писания Церковью, опыт жизни по его тексту. Одно не отделимо от другого, но Писание всё равно остается в самом центре христианской жизни, и всё, что относится к Преданию, должно согласовываться с ним. Один из упреков, которые Иисус

обращал к Своим слушателям, как раз и состоял в том, что ясные слова Писания они подменили «преданиями старцев».

32. Двенадцать апостолов: ближний круг

Избранники

Вот что произошло в самом начале служения Иисуса, по описанию Луки: «Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами: Симона, которого и назвал Петром, и Андрея, брата его, Иакова и Иоанна, Филиппа и Варфоломея, Матфея и Фому, Иакова Алфеева и Симона, прозываемого Зилотом, Иуду Иаковлева и Иуду Искариота, который потом сделался предателем». О Матфее и Иоанне речь у нас уже шла – но что можно сказать об остальных учениках из этого круга? Кто они, почему и для чего были выбраны именно они?

За Иисусом следовали толпы, особенно после того, как увидели Его чудеса. Он отобрал из этих сотен или даже тысяч всего двенадцать человек, которые ничем не выделялись – ни образованием, ни родом занятий, ни даже какой-то особенной духовной прозорливостью: евангелисты постоянно рассказывают, сколь многого апостолы сначала не понимали, как часто думали о своем, а не о том, что говорил им Иисус.

Иоанн, правда, приводит один рассказ о том, как после некоторой проповеди (к тому же безо всяких чудес) народ начал расходиться... Одно дело – любоваться чудесами, а совсем другое – следование за Учителем и в те дни, когда никаких особых зрелищ и не было. «Тогда Иисус сказал двенадцати: “Не хотите ли и вы отойти?” Симон Петр отвечал Ему: “Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго”». Может быть, Он заметил в них это стремление к Истине, эту готовность быть с ней до конца... Да, они были крайне далеки от совершенства, один из них (Иуда Искариот) и вовсе предаст Его. Но шанс был дан и Ему, значит, мы вправе предположить, что этот самый главный и самый страшный выбор своей жизни он сделал позднее.

Само греческое слово *апостолос* означает «вестник, посланник». Так могли назвать гонца, отправленного с вестью в другой город, или даже посла, которого царь посылает вести переговоры от его имени. Столь почетное звание досталось совсем простым людям, большинство из них было рыбаками из Галилеи! Христос их избрал этих людей и отправил на проповедь еще прежде Своего распятия и воскресения, когда, казалось бы, они совсем не были к этому готовы. Учиться всему им приходилось по ходу дела, и тут неизбежны были и ошибки, и сомнения. Число двенадцать было еще и символическим, оно означало полноту: именно столько насчитывалось «колен», то есть племен в израильском народе.

Когда один из двенадцати, Иуда Искариот, оказался предателем. Тогда апостолы решили избрать на освободившееся место по жребию еще одного человека из числа учеников «второго ряда» (им оказался некто Матфий); постепенно к двенадцати апостолам добавились и другие, числом семьдесят. Не все из них были знакомы со Христом во время Его земного служения, но их проповедь и сама жизнь вполне следовали тому образцу, который показали первые апостолы.

Вообще Писание мало рассказывает о большинстве апостолов, в основном мы узнаем об их судьбе из Предания – например, из их житий, которые, конечно, не всегда могут быть фактически точны в деталях. И всё же в Библии есть одна книга, которая посвящена им – это Деяния апостолов. Она говорит в основном о Петре и Павле (им посвящены отдельные главы), хотя упоминает и других апостолов. Но самое главное, что она оказывает нам на этих многочисленных примерах основные принципы апостольской проповеди и самой жизни учеников Христа.

Свидетели

Проповедь стала ответом на призыв Иисуса «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам» (этими словами заканчивает свое Евангелие Матфей) – по сути, это было единственное конкретное задание, которое Он им оставил.

Да, но как это сделать? Книга Деяний с самого начала приводит и другие слова Христа: «вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» В этих кратких словах изложена вся суть апостольского миссионерства: действовать будут они сами, но сила проповеди будет заключаться не в их собственных умениях или выдающихся достижениях, а в Духе, Которого они примут – но и Дух будет действовать именно через них. Проповедь начнется в самом священном городе, она будет обращена прежде всего к своим (иудеям), но ими не ограничится. Сначала апостолы пойдут к соседним народам (самарянам), а потом доберутся и до стран, о которых еще ничего не слышали.

Но самые главные слова – «будете Мне свидетелями». Суть проповеди будет заключаться в свидетельстве о Христе, и свидетельстве не только словесном. Вся их жизнь будет отныне показывать людям, что нового принес в мир Христос и что значит быть его учеником. Не случайно это слово, «свидетель» (по-гречески *мартис*), стало впоследствии обозначать мученика – того, кто готов принять мучительную смерть, если только так сможет он явить людям Христа.

Тогда, около двух тысяч лет назад, апостолы предлагали людям новое учение, писали историю Церкви с чистого листа – сегодня так уже не получится, христианство воспринимается как нечто давно и хорошо известное. К тому же мы сегодня оказались хранителями огромного исторического и культурного наследия, оно привлекает людей само по себе, и нередко возникает желание говорить именно о нем, а не о Христе. Апостолы путешествовали налегке, без всего этого багажа... или всё-таки со своим багажом? Они приходили к иудеям, ожидавшим прихода Мессии – а потом и к эллинам, среди которых эти иудеи жили (судя по всему, первыми тут были не язычники, а прозелиты, принявшие веру в Единого и потому уже знакомые с религией Израиля). Апостолы говорили на языке людей того времени, отвечали на их сомнения и вопросы, говорили о том, что исполнились их давние ожидания, и потому они были услышаны.

Христиане

Собственно, они сначала и не отправлялись ни в какие миссионерские поездки. Они просто собирались вместе: не только молились, но и жили единой общиной. И в день Пятидесятницы на них сошел Дух, и все, кто собрались из разных стран на праздник в Иерусалим, услышали, как апостолы говорят на их родных языках. Одни прислушались и задумались, другие сочли апостолов пьяными, но в любом случае именно это событие стало подлинным началом миссии. Община жила подлинной христианской жизнью, и она испытала воздействие Духа – и это не осталось незамеченным. Теперь надо было объяснить людям, что же такого особенного было в этой общине.

Речь Петра во второй главе Деяний – краткое изложение проповеди, которую апостолы несли своим братьям, народу Израиля. Апостол начинает с ветхозаветного пророчества и показывает, что оно сбылось здесь и сейчас. Затем он говорит только об одном: о Христе. Удивительно, если задуматься! Люди были привлечены чудом, они заинтересовались общиной – и как легко можно было начать им объяснять правила поведения, учить молитвам, и т.д. Но они, как чистое оконное стекло, не приковывали взглядов к себе, но позволяли увидеть Главное.

Проповедь имела огромный успех: «охотно принявшие слово его крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч. И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах». Обращение стало началом их

церковной жизни, и в этой жизни апостолы стали для обращенных наставниками, но книга упоминает об этом мимоходом, не уточняя, как именно всё это происходило. Она только подчеркивает, что первые христиане жили единой общиной, не только молились сообща, но и «были вместе и имели всё общее». Именно этот идеал впоследствии возьмут на вооружение коммунисты, отбросив веру как нечто лишнее.

Формы церковной жизни для автора книги второстепенны: это всё как-то устроится при содействии Духа, а как именно, не слишком важно. Не говоря ничего о богослужении, аскетике и прочих вещах, которые мы сегодня считаем первостепенными, автор книги апостол Лука (ведь и он состоял в этой общине!) рассказывает прежде всего о социальном служении: как верующие продавали свое имущество и делили его меж собой, как была организована ежедневная раздача пищи неимущим. Именно для этого были впервые поставлены диаконы – тогда это слово означало, по сути, социального работника.

Наверное, если бы апостолы просто говорили, их проповедь не имела бы такого успеха. Они показывали действенный пример совершенно иной жизни – и люди хотели стать частью такой общины. Не удивительно, что духовные и политические вожди Иудеи увидели в этой общине вызов собственному благополучию и авторитету. Сначала они пытались с апостолами договориться, пусть и с позиции силы: живите себе как хотите, уж это ладно, только о Христе остальным ничего не говорите. Апостолы ответили: «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам». Они не обличали первосвященников, фарисеев и книжников за их грехи, не боролись с ними за власть – они просто отстаивали право быть собой и нести свое учение людям, не прибегая к насилию и бесчинству.

Тогда насилие было применено к ним: мы читаем о тюрьмах и казнях, о преследованиях, которые порой заставляли апостолов разойтись по окрестным городам, но это лишь означало, что пространство проповеди расширялось. А один из самых яростных гонителей по имени Савл сам обратился в новую веру – но об этом пойдет речь в 39-й главе, посвященной апостолу Павлу. А в следующей главе мы поговорим об отдельных апостолах из числа двенадцати.

Врезка:

Иисуса в Евангелиях часто называют «Учителем» (по-арамейски «равви»). Если так, то понятие **ученичества** – одно из самых важных в христианстве. Самое главное, конечно, в Евангелиях вовсе не учение Христа, а его жизнь, смерть и воскресение. Но Его отношения с последователями – это именно отношения Учителя и учеников.

С одной стороны, он вполне следует здесь традициям того времени, когда странствующие проповедники предлагали свои толкования на текст Писания, высказывались по насущным вопросам, собирали вокруг себя слушателей и учеников. Именно из записей таких споров позднее в иудаизме возникнет *Талмуд* – свод самых различных мнений авторитетных раввинов по самому широкому кругу вопросов. В переводе это слово тоже означает «учение».

Люди во все века учили и учились, но всё же не это было главное в религии. Для простого народа совершались обряды, а немногие избранные проходили особые посвящения, на которых им преподносилось некое сокрытое учение. Но христианство с самого начала сделало учениками – всех и каждого, что решил последовать за Христом. При этом старшинство осталось за апостолами, именно они избирали и рукополагали руководителей новых христианских общин. Именно от этих рукоположений берет свое начало *епископат* православной и католической церквей, а также некоторых протестантских деноминаций.

33. Петр – первый из двенадцати

Симон, рыбак из Галилеи

Апостол, о котором чаще и подробнее всего рассказывается в Евангелиях, не выделялся среди прочих происхождением, образованием или талантами. Он носил вполне обычное еврейское имя Симон, отца его звали Иона, брата – Андрей, учениками Христа братья стали одновременно. У Симона была жена и собственный дом в селении Капернаум, вместе с братом и отцом они рыбачили на Галилейском озере. Галилея была самой дальней от Иерусалима областью Палестины, там проживало немало язычников, столичные жители относились к галилеянам свысока, как провинциалам и почти что язычникам. Те даже говорили с заметным акцентом, по которому Петра потом опознают во дворе первосвященника.

А рыбак – самая простая и непритязательная профессия. Ловили рыбу на Галилейском озере в основном ночью, продать улов (если повезло) надо было пораньше с утра, пока он не испортился под жарким солнцем. А еще надо было промыть и починить сети... Рыбак пропах рыбным запахом, он вечно не высыпается, а его доходы невелики и слишком непредсказуемы. Может быть, именно поэтому Симон и Андрей, едва заслышав приглашение странствующего Проповедника: «идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» – сразу послушались Его, бросив в беспорядке свои сети. Так рассказывают об их призвании Матфей и Марк.

Иоанн приводит другой рассказ: братья Андрей и Петр были учениками Иоанна Крестителя, они услышали, как он называл Иисуса «Агнцем Божиим». После этого Андрей и привел Петра к Иисусу. «Иисус же, взглянув на него, сказал: “ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень”». Именно так получил он свое второе имя со значением «камень, скала»: по-арамейски оно звучало Кифа, по-гречески Петр. Именно под этим именем мы знаем апостола сегодня.

Есть ли противоречие между двумя рассказами? Да, безусловно. Его легко можно устранить, сказав, что в тот раз Андрей и Петр всего лишь поговорили с Учителем, но не последовали за Ним, а призвал Он их позже – это ничуть не противоречит евангельскому тексту. По-видимому, два рассказа призваны подчеркнуть две стороны жизни братьев до того, как они стали апостолами. Матфей и Марк показывают жизнь совсем простых людей, занятых тяжким трудом. А вот Иоанн, который всегда говорит о возвышенном, подчеркивает, что они и до обращения вовсе не были чужды духовных интересов, что слушали проповеди Иоанна Крестителя и ждали прихода Мессии. Такова манера многих библейских повествований: представлять каждую сторону события или явления в целостности и полноте, не объясняя внешних противоречий.

Петр, Кифа, Камень

Как бы то ни было, пророчески данное имя «камень», кажется, совсем не подходило Петру. Он по характеру – скорее пламень, чем камень. Вот Христос приказывает ему, еще рыбаку, а не апостолу, заново закинуть сети после безуспешного ночного лова – и он повинуется, а когда сеть приносит необычный улов, говорит Учителю: «выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный»! Настолько остро ощущал он свое недостойство и свою нечистоту... Зато позднее, увидев Спасителя идущим по воде, он, наоборот, немедленно просит: «повели мне прийти к Тебе по воде». Да, потом он усомнился в собственных способностях и начал тонуть, но остальные-то апостолы даже попробовать не решились! Когда рядом с Симоном происходит чудо, он немедленно должен отреагировать на него, всё для него свершается здесь и сейчас.

И не случайно именно он без колебаний произносит свое вероисповедание, еще задолго до Воскресения Христова: «Ты – Христос, Сын Бога Живаго». А ведь даже Иоанн

Креститель посылал тогда ко Христу учеников с вопросом, Он ли то был на самом деле... Петр не сомневается, и в ответ на эти слова Христос и называет его камнем, на котором Он утвердит Свою Церковь. Именно здесь и раскрылось значение нового имени, Петр-Кифа, которое было когда-то дано как предсказание – а теперь объяснено. Дело не в личных качествах Симона, а в его пламенной вере, в его готовности принять Учителя и последовать за Ним. Только на этом и может стоять церковь как на нерушимой скале.

Но тут же происходит между Петром и Учителем еще один разговор. Христос предсказывает Свои страдания и смерть... «Петр начал прекословить Ему: “будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!” Он же, обратившись, сказал Петру: “отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое”. Тогда Иисус сказал ученикам Своим: “если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною”». То есть даже очень глубокая личная вера не гарантирует безошибочности, и апостол, переживая за любимого Учителя, хочет отговорить Его от самого главного, что должно было с Ним произойти. И тогда Тот обращает к нему самый резкий упрек, даже называет «сатаной», т.е. «противником». Один и тот же человек может оказаться в двух таких разных ролях с совсем небольшим интервалом между ними.

Но однажды Петру предстояло испытать куда более резкий переход от веры к неверию, а потом от отречения к покаянию. Накануне распятия он обещал Христу, что и под страхом смерти не оставит Его, но Христос ответил: «в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня». Может быть, если бы к нему тут же приступили палачи, он мужественно пошел бы на казнь, но впереди была долгая ночь, полная страхов и неизвестности... Когда арестовывали Учителя, Петр даже попытался оказать вооруженное сопротивление, нанес удар мечом одному из противников, но Христос велел ему: «возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?» Дело было вовсе не в том, у кого сколько воинов, какое вооружение. Значение имело совсем другое...

Но вот арест состоялся, а за ним и допрос, и суд у первосвященника. Петр следовал за любимым учителем, и холодной весенней ночью грелся у костра во дворе дома первосвященника, вместе с его слугами и другими людьми. Петра прежде видели многие... «и ты был с Иисусом!» – начали спрашивать его. И Петр как-то незаметно отрекся от Христа, по будничному, сам того не заметив. Он трижды успел сделать это, как вдруг раздался петушиный крик. «И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько».

После воскресения (Петр сам убедился в том, что тело Иисуса исчезло, а в гробнице лежат лишь пелены, которыми оно было повито) апостолы вернулись в Галилею, к привычному занятию – большинство из них, как и Петр, были рыбаками. Да и что, в самом деле, оставалось теперь делать? И снова, как однажды еще до всех тех великих надежд и огорчений, были заброшены сети, снова они оказались пустыми, и снова какой-то человек с берега велел бросить их еще раз, в иное место... И переполненные сети уже невозможно было поднять на лодку! Первым узнал Господа Иоанн – но именно Петр схватил свою одежду и бросился в воду, чтобы доплыть до Него прежде, чем причалит лодка с остальными рыбаками. Не мог Петр сидеть на месте, видя перед собой Христа.

Именно во время этой встречи прозвучали обращенные к нему слова Спасителя: «паси овец Моих». Но прежде Он задал ему очень простой вопрос: «любишь ли ты Меня?» Задан вопрос его трижды, так что Петр даже расстроился, но после ночи с петухом это было не лишним: трижды отрекшийся трижды исповедал свою любовь.

Благовестие для обрезанных

Только за эту любовь придется платить спокойствием и комфортом. Сразу же после исповедания Петром своей любви Иисус пророчесствует о его смерти: «прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь». Это было предсказание мученической смерти, которая, впрочем, ждала не одного Петра, но и других апостолов. Петр действительно был распят в Риме в шестидесятые годы н.э., еще даже прежде, чем была закончена последняя книга Нового Завета.

Но до этого еще было далеко – сначала должна была прозвучать апостольская проповедь. В день Пятидесятницы в Иерусалиме, когда на апостолов сошел Святой Дух и проповедь эта началась, именно Петр обратился ко всем присутствовавшим с пламенной речью о Христе: «Мужи Израильские! выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете, Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками незаконных, убили; но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти». Как непохожи эти слова на его прежнюю робость во дворе первосвященника! Теперь с ним был Воскресший.

С самого начала его проповедь была обращена прежде всего «к погибшим овцам дома Израилева», и Петру потребовалось чудесное видение, чтобы убедиться: язычников Бог точно так же призывает к вере, как и иудеев. В этом видении Бог предложил Петру пищу, которая считалась нечистой для иудеев, и когда тот отказался, то услышал голос: «что Бог очистил, того ты не почитай нечистым». Сразу после этого Петр получил приглашение от римского центуриона по имени Корнилий, отправился к нему, проповедовал и крестил его вместе со всеми, кто собрался в его доме.

И всё равно Павел потом сказал: «мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных» (т.е. иудеев). Может быть, выходцу из Галилеи не так уж и просто давались иностранные языки, тот же греческий, на котором говорили меж собой представители разных народов в Восточном Средиземноморье. С Павлом у них даже вышел спор о том, как принимать в церковь людей, не имевших никакого отношения к иудаизму – и мы видим, что победила точка зрения Павла. Петр сначала колебался, несмотря на пережитый опыт с Корнилием.

Книга Деяний рассказывает и о первом тюремном заключении Петра за его проповедь – тогда его из-под стражи чудесным образом освободил ангел. Но это было далеко не последнее заключение апостола... Ему еще предстояло отправиться в Рим (об этом мы уже находим сведения в Предании, а не в Писании) и стать там главой местной общины. Возможно, именно там он рассказал своему спутнику Марку то, что помнил об Иисусе – и так было написано Евангелие от Марка. А может быть, он даже сам составил некоторые записи, которые Марк только собрал и перевел на греческий, мы ничего об этом точно не знаем.

Зато в Новый Завет вошли два послания, написанные Петром. В отличие от Павла (некоторые из его оборотов речи Петр и сам находил трудными для понимания), он не столько рассуждает о сложных богословских материях, сколько дает простые и конкретные наставления, впрочем, украшая их обильными ветхозаветными цитатами и цветистыми риторическими фигурами: «Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите... будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах. Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов... Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас. Теми Он хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь».

Впрочем, во первом из посланий есть сложнейший для понимания отрывок, о котором и по сию пору спорят многие толкователи: «Христос, чтобы привести нас к Богу,

однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожив духом, которым Он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал». Каким же это духам проповедовал Христос, в какой темнице, и что именно проповедовал? Православная традиция видит здесь указание на сошествие во ад: после крестной смерти, но еще прежде Воскресения, душа Христа спустилась во ад, чтобы разбить его запоры и вывести оттуда ветхозаветных праведников. Этот сюжет можно увидеть на многих пасхальных иконах: Христос держит за руку Адама, попирая в то же время разбитые адские врата.

Пожалуй, Петр, познавший на собственном опыте, как может Христос спасти из бурных вод Галилейского моря или из бездны отчаяния после отречения, лучше, чем кто либо другой из апостолов, мог рассказать об этом.

Врезка:

Как и во всяком человеческом сообществе, среди апостолов после Вознесения встал вопрос **власти и авторитета**. Кто в отсутствие Учителя будет определять, как им поступать дальше, кто будет решать возникающие разногласия? А они возникали, если судить по той же истории Петра, например, по поводу обращения бывших язычников.

Книга Деяний описывает, что подобные споры решались на соборе, который специально для этой цели был собран в Иерусалиме. Сначала апостолы и пресвитеры (старейшины христианских общин) обсудили проблему, а потом вынесли решение. Его разослали всем христианам с формулировкой: «угодно Святому Духу и нам» – именно так будет звучать это определение и для обоснования решений последующих христианских соборов. Победу в споре одержал, как они верили, не самый речистый и не самый умный, но тот, кто наиболее полно и точно выразил волю Божью по действию Святого Духа. А решение приняли все вместе.

Новый Завет не дает нам никакого более подробного описания церковных инстанций и институтов того времени. Явно вопросы решались не всеобщим голосованием, в обсуждении участвовали, прежде всего, те, кто обладал наивысшим авторитетом, т.е. апостолы, но сказать свое мнение мог каждый. И голос Петра наверняка был одним из самых значимых и важных, вероятно – самым значимым. Но это не было указание от начальника, а всего лишь мнение первого среди равных.

Поскольку именно Петр стал первым главой общины христиан в Риме, то римские папы ведут свое происхождение именно от него. К сожалению, в последующие века вопрос о роли римского епископа разделит западную (католическую) и восточную (православную) Церкви: первая считала, что епископ Рима имеет власть над всеми христианами, вторая признавала за ним всего лишь *первенство чести*, т.е. особый авторитет, но не право командовать другими.

34. Двенадцать апостолов: остальные имена

Андрей Первозванный

В прошлых главах речь шла о двенадцати апостолах в целом и отдельно о Петре – теперь мы поговорим об остальных в том порядке, в котором они были упомянуты у Луки, исключая, кроме Петра, Матфея и Иоанна (см. главы 26 и 29), а также Иуду Искариота (см. главу 38).

Андрей и Симон (он же Петр), как уже было сказано, были братьями и галилейскими рыбаками. Старшим был, видимо, Симон, но первым встретил Иисуса именно Андрей – не только из них двоих, но также из Двенадцати, отсюда и прозвание «Первозванный». Необычно, что у него, в отличие от брата, было греческое имя, значащее «мужественный». Так уж оно повелось в Галилее, что собственно еврейское было там перемешано с языческим-эллинским – потому иерусалимские ревнители веры недоверчиво относились к галилеянам.

А далее о нем, как и о большинстве из Двенадцати, в Евангелиях сказано крайне мало: это Андрей указал Христу на мальчика с пятью хлебами и двумя рыбками, которые потом были чудесным образом умножены, чтобы накормить толпу. Он вместе с Филиппом привел ко Христу некоторых эллинов (другого такого случая мы не знаем).

Для проповеди Андрею досталось побережье Понта Эвксинского, то есть Черного моря. Его берега (включая и крымское южнобережье) тогда входили в состав тогдашнего «цивилизованного мира», то есть Римской империи, а в северном Причерноморье жили варвары, которых называли скифами. Как далеко на север зашел в своих странствиях апостол Андрей, мы точно не знаем – сохранилось сравнительно позднее предание о том, что он поднялся вверх по Днепру и осветил место, на котором позднее был построен город Киев, и даже о том, как он добрался до Новгородской земли и дивился тамошним баням. Видимо, это всё-таки вымысел – ранние источники ничего не говорят об этом путешествии на север, никаких следов оно не оставило, да и представить себе такую поездку в I в. н.э. довольно трудно. Но всё равно мы можем сказать, что апостол Андрей был первым, кто стал распространять христианство «в нашем направлении». Вполне вероятно, что он побывал в Херсонесе – на месте будущего Севастополя.

Есть и другой рассказ, как апостол Андрей посетил Византий, город, на месте которого был позднее построен Константинополь, основал там христианскую общину и рукоположил епископа Стахия, апостола из семидесяти. Житие рассказывает о множестве чудесных исцелений и даже воскрешений, совершенных по молитвам апостола в разных городах, и о жестоких преследованиях, которым он подвергался.

После своего путешествия в Причерноморье апостол отправился в столицу империи – Рим, где находился его брат Петр. В Риме тогда правил император Нерон, и для христиан наступали времена гонений, в которых предстояло погибнуть обоим братьям. За проповедь Андрей был распят в городе Патрос на полуострове Пелопоннес в Греции, причем для казни был выбран крест в виде буквы Х (почему такой крест и называется теперь Андреевским). «О крест, освященный моим Господом и Владыкою, приветствую тебя, образ ужаса, ты, после того как Он умер на тебе, сделался знаком радости и любви!» – с такими словами, согласно житию, апостол взошел на этот крест.

Давнее предание о проповеди апостола на землях будущей Руси породило особое отношение к нему со стороны правителей Российской империи: орден Андрея Первозванного стал высшим орденом государства, а флагом с Андреевским крестом до сих пор гордится военный флот России. Впрочем, Россия – не единственная страна, избравшая апостола Андрея своим небесным покровителем. Точно такой же косой андреевский крест, только, наоборот, белый на синем фоне, изображен на флаге

Шотландии, а значит, входит он и во флаг Великобритании, вместе с прямым английским крестом (георгиевским) и еще одним косым, ирландским (в честь святого Патрика).

Иаков Зеведеев

Имя Иаков, очень популярное в тогдашней Иудее, носили двое апостолов. Один из них был сыном Зеведея и старшим братом апостола Иоанна. Как и Симон с Андреем, эти братья тоже были рыбаками на Галилейском озере, и призвание их выглядело очень похоже: по первому призыву они всё бросили и пошли за Иисусом. В отличие от другого Иакова (о нем ниже), брат Иоанна иногда называется Иаковом Старшим.

Он вместе с Петром и Иоанном входил в круг самых близких учеников – так, только они втроем присутствовали на горе во время Преображения Господня, при воскрешении дочери Иаира и во время напряженной молитвы Иисуса в Гефсиманском саду. Однако Иаков в таких рассказах всегда – третий, он упоминается вместе с другими, но не играет самостоятельной роли. Так всегда и бывает в жизни: кому-то достается меньше известности, чем остальным.

Иисус позднее братьев не только сыновьями Зеведея, но и арамейским словом «Воанергес», т.е. «сыновья грома» за их горячий характер. Это они хотели низвести огонь на самарянское селение и просили позволения сесть по правую и левую сторону от Иисуса, когда Он придет в Своем Царствии.

Но, в отличие от Иоанна, Иакову не была суждена долгая жизнь. Он был казнен царем Иродом Агриппой в 44 году, вскоре после начала апостольской проповеди. Только о его смерти из числа всех апостолов сообщает книга Деяний и вообще Новый Завет. Он не занимал первого места при жизни, но первым принял смерть за Евангелие.

Филипп из Вифсаиды

Евангелие от Иоанна сообщает, что Филипп был родом из Вифсаиды, из одного города с Андреем и Симоном, и был призван вскоре после них, а затем привел к Иисусу Нафанаила. Еще трижды Иоанн упоминает о Филиппе. На страницах Евангелия от Иоанна Филипп появляется ещё трижды. Именно его спрашивал Иисус, где достать хлеба для великого множества народа. Вместе с Андреем он привел к Иисусу неких эллинов, положив тем самым начало проповеди среди неевреев. Другие евангелисты ничего не говорят отдельно о Филиппе – видимо, Иоанн знал о нем больше, возможно, в силу личного знакомства.

Особенно интересен третий из упомянутых им эпизодов. На Тайной вечери Филипп попросил Иисуса: «Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас». Другим апостолам хотелось устанавливать Царство Божие, садится по обе стороны от Учителя-Царя, наказывать зло и устанавливать торжество справедливости и добродетели. Филиппу было довольно малого: пережить некий уникальный мистический опыт, узреть Невидимого Бога. Но Иисус ответил: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь: покажи нам Отца?» Оказалось, ему уже было дано всё, чего он хотел – а он этого как-то и не заметил.

Предание рассказывает, что Филипп проповедовал Евангелие в Галилее, а затем в Скифии и Фригии. В 80-х годах он был распят вниз головой в Иераполе Фригийском (нынешняя Турция), рядом со знаменитыми источниками, названными сегодня Памук-Кале.

Варфоломей-Нафанаил

Евангелист Иоанн рассказывает еще об одном эпизоде, связанном с апостолом Филиппом: «Филипп находит Нафанаила и говорит ему: “Мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета”. Но Нафанаил сказал ему: “Из Назарета может ли быть что доброе?” Филипп говорит ему: “Пойди и

посмотри”. Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: “Вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства”. Нафанаил говорит Ему: “Почему Ты знаешь меня?” Иисус сказал ему в ответ: “Прежде, нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя”. Нафанаил отвечал Ему: “Равви́! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев”».

Всё это очень похоже на призвание других апостолов: так Андрей привел к Иисусу своего брата Симона. И судя по мгновенной реакции Нафанаила, он поверил в Иисуса и последовал за ним. Этот самый Нафанаил, как сообщает Иоанн, происходил из города Каны, где Иисус некогда превратил воду в вино, он был с апостолами Петром, Фомой, и Зеведеевыми сыновьями, когда Иисус явился им на Галилейском озере уже после Воскресения.

Но среди апостолов не было человека по имени Нафанаил! Или всё-таки был? Судя по всему, да. Рядом с именем Филиппа в списке апостолов стоит Варфоломей, а ведь это не совсем имя – это отчество. Бар-Толмай на арамейском означает «сын Толмая». Собственное имя у него вполне могло быть Нафанаил (на древнееврейском оно означало «Бог дал»), иначе трудно объяснить появление этого человека в Евангелии от Иоанна и только в нем.

А что означает этот странный разговор Иисуса с Нафанаилом-Варфоломеем, при чем тут смоковница? Это дерево было символом мессианского века, когда, по ветхозаветным пророчествам, каждый будет «сидеть под своей смоковницей». Конечно, Нафанаил мог просто отдыхать в тени дерева в жаркий полдень, но похоже, что Иисус сказал здесь образно о чем-то очень важном для Своего собеседника. Он ожидал пришествия Мессии, наступления Царства, и когда услышал, что Мессия-таки объявился в городке под названием Назарет, тут неподалеку – рассердился на такую ерунду. В этом захолустье, среди римлян и язычников – и вдруг Мессия? Но Иисус произнес слова, прозвучавшие для Нафанаила паролем – и он отбросил все сомнения.

Согласно преданию, Варфоломей вместе с Филиппом проповедовал в городах Малой Азии, в том же Иераполе. Рассказывают и о его поездках в Армению и Индию. Он был распят вниз головой в городе Альбаны или Албанополе где-то на Кавказе, но ни в предании, ни среди современных ученых нет единого мнения о точном месте расположения этого города. Его мощи не раз переносили с места на место, с IX в. они покоятся в итальянском городе Бенвенто, а частицы их сегодня можно найти в разных местах.

Фома Близнец

Апостол Фома изначально тоже был галилейским рыбаком. Он носил прозвище Дидим, то есть «близнец», но точно не известно, почему. Некоторые считают, что оно было дано в силу его особого внешнего сходства с Иисусом, но достоверных сведений о таком у нас нет.

Об этом апостоле сообщает нечто особое только Евангелист Иоанн. Когда Иисус отправлялся к Своему другу Лазарю, которого Он воскресил, Фома произнес: «Пойдем и мы умрем с ним». Видимо, Фома полагал, что настали последние дни земной жизни Учителя (обычно апостолы не слышали Его предупреждений на этот счет) и был готов разделить Его судьбу. Может быть, и дальнейшая его недоверчивость была связана с тем, что он вполне настроился на смерть и даже не помышлял о воскресении?

В другой раз, когда Иисус заговорил об отшествии к Отцу, Фома отозвался: «Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?» Иисус тогда ответил: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его» (именно после этих слов апостол Филипп попросил показать им Отца). Похоже, что в данном случае Иисус говорил, что называется, «на будущее», тогда апостолам было трудно его понять –

а Фоме, похоже, труднее всех, он не скоро принимал решения. Но от принятого уже не отступался.

Самый известный эпизод из его истории произошел уже после Воскресения. Когда Иисус явился апостолам, Фомы не было с ними. И он не спешил доверять их рассказу – в конце концов, мало ли кто что может сказать! «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» – сказал он. Неделя прошла между этими его словами и следующим явлением Христа. Неделя сомнений и надежд... Когда Христос вновь явился ученикам, Он протянул Фоме ладони со следами от гвоздей со словами: «подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим». Фома мог только и ответить на это: «Господь мой и Бог мой!» А Иисус сказал нечто такое, что относится не только к Фоме, но и к каждому христианину: «Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие».

Чтобы невидевшие могли уверовать, кто-то должен был принести им весть о вере. Фома, кто был готов пойти и умереть со Христом, кто не сразу принял весть о Его воскресении, отправился с проповедью в самую далекую и неизведанную из стран, известных тогдашним жителям Средиземноморья – в Индию. Когда-то на ее пороге были остановлены фаланги Александра Македонского, а римские легионы даже не смогли приблизиться к ней, но весть о Христе дошла до индусов и одержала над ними победу. Фома был казнен в индийском городе Мелипура, но и по сей день в индийском штате Керала есть христиане, называющие себя учениками апостола Фомы (есть, впрочем, мнение, что эту общину основал в IV веке проповедник Фома Канский из города Эдессы).

Иаков Алфеев

Апостол Иаков был сыном Алфея и братом апостола и евангелиста Матфея, но в Евангелиях о нем особо ничего не говорится. Тот же Матфей писал не личные воспоминания и не семейную хронику, а потому рассказывал не о брате, а о главном, что только было связано с Иисусом. Согласно преданию, он проповедовал в различных городах Палестины и был убит или по дороге в Египет в городе Острацине, или уже в североафриканской области Мармарика, где продолжил свою проповедь. Иногда его, чтобы отличить от Иакова Зеведеева, называли Иаковом Младшим. Имя это было очень распространено у иудеев того времени, и входящее в Новый Завет Послание Иакова написал не тот и не другой, а третий человек, называвший себя «братом Господним» – по-видимому, он был сыном Иосифа, с которым была обручена Дева Мария, но уверовал в Иисуса он уже после Его смерти и воскресения.

Симон Ревнитель

Если о Симоне-Петре в Евангелиях написано очень много, то другой апостол по имени Симон лишь упомянут в общих списках Двенадцати апостолов. Они называют его Симоном-Зилотом (т.е. Ревнителем) или Кананитом (т.е. жителем Ханаана, земли Израиля). По-видимому, он принадлежал к числу тех иудеев, которые были полны решимости бороться за свержение римской власти и за свободу родной земли, Ханаана. Он мог ожидать, что всё это и принесет долгожданный Мессия и Царь Израиля по имени Иисус – но со временем, видимо, понял, что Его победа носит не политический и не национальный характер и относится ко всему человечеству, а не к одному народу.

Согласно преданию, святой апостол Симон проповедовал учение Христово в Иудее, Египте и на Кавказе, а возможно и в Персии. Есть легенда и о том, как он посетил Британию, тогда также входившую в состав Римской Империи. Он был казнен на Черноморском побережье Кавказа и погребен в городе Никопсии в тех же краях, однако, как водится, точное местоположение города вызывает споры. В Абхазии на Новом Афоне существует монастырь, носящий имя этого апостола, и считается, что именно на этом

месте он и окончил свою земную жизнь. Там и хранятся его мощи, хотя часть из них попала в город Кёльн в Германии.

Иуда Иаковлев

Имя Иуда было таким же распространенным среди иудеев, как и имя Иаков, поэтому не удивительно, что его, помимо знаменитого предателя Иуды-Искарриота, носил еще один апостол. Он был братом Иакова, отсюда его прозвание Иаковлев. Матфей и Марк упоминают среди апостолов «Леввея, прозванного Фаддеем», видимо, это другие имена или прозвища Иуды. Может быть, само имя Иуда после предательства Искарриота стало настолько ненавистно христианам, что они предпочитали называть своего собрата как-то иначе.

Только однажды Евангелист Иоанн упоминает этого апостола особо: «Иуда – не Искарриот – говорит Ему: “Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?” Иисус сказал ему в ответ: “Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим”». Смысл этого диалога непросто понять. Видимо, апостол заботится о том, чтобы Истина была открыта всему миру, а не только избранным ученикам. Христос показывает ему, что не только от Него зависит, примет ли эту истину человек: каждый может ответить на нее любовью и вступить в общение с Ним и с Отцом – а может ответить отказом.

Апостола иногда отождествляли с Иудой, братом Христа, но это совершенно точно не он. Об Иисусе говорили: «Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона?» Среди родных Иисуса тоже были люди с теми же именами, что и у апостолов, но это явно были другие люди, при жизни Иисуса они не стали его учениками. И мы даже не можем судить наверняка, кто написал новозаветное Послание Иуды. Его автор говорит о себе только одно: «Иуда, раб Иисуса Христа, брат Иакова». Мог это быть апостол Иуда? Да, вполне возможно. А может быть, другой Иуда, у которого тоже был брат Иаков – один из родственников Иисуса? И это возможно.

Согласно преданию, апостол Иуда проповедовал в Палестине, Аравии, Сирии и Месопотамии, а затем и в Армении, где он был убит. Его могила расположена на территории армянского монастыря святого Фаддея на северо-западе Ирана.

Врезка:

В Новый Завет входят семь **Посланий**, которые называются «соборными»: в отличие от Посланий Павла, они обращены не к отдельным общинам или людям, а ко всем христианам. Три из них написаны Иоанном, два Петром, по одному – Иаковом и Иудой, хотя, как уже сказано было выше, не во всех случаях можно сказать, кто из авторов входил в число Двенадцати, а кто просто носил такое же имя, ведь не все авторы что-то сообщают о себе. Но эти послания, в любом случае – голос ранней Церкви.

Иоанн: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы. Если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине; если же ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом, и Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха».

Петр: «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду; и когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы».

Иаков: «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: “идите с миром, грейтесь и питайтесь”, но не

даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе».

Иуда: «Сохраняйте себя в любви Божией, ожидая милости от Господа нашего Иисуса Христа, для вечной жизни».

35. Ироды, цари Иудеи

Вместо Хасмонеев

В 24-й главе, где речь шла о восстании Маккавеев, говорилось и о династии Хасмонеев, которая пришла к власти в результате этого восстания и стала править Иудеей. Было там упомянуто и завоевание Идумеи (Эдома) с насильственным обращением в иудаизм всех жителей этой страны. Став единоверцами иудеев, идумеи растворились в их среде, а знатные люди заняли свое место среди знати иудейского царства.

Когда-то главной задачей Маккавеев было отстаивать независимость перед могучими эллинистическими государствами, наследниками Александра Македонского – но к середине I в. до н.э. картина совершенно сменилась. Эллинистические государства сами стремительно теряли независимость под натиском союзного Иудее государства – Рима. Еще недавно иудеям казалось, что в лице римлян они нашли идеальных помощников и покровителей: сами живут далеко, ни во что не вмешиваются, зато наводят страх на старинных недругов, эллинскую династию Селевкидов, и на все окрестные народы.

Но у Рима была своя цель – экспансия. Хасмонеи были слишком ненадежны и независимы, Риму требовался в Иудее не самостоятельный правитель, а верный наместник, который всем был бы обязан римской поддержке и прекрасно бы помнил об этом. Еще очень желательно, чтобы для иудеев он был не совсем своим, чтобы они никогда не смогли собраться вокруг него и противопоставить себя мощи римских легионов. И тогда им на глаза попался молодой человек по имени Ирод, потомок знатного идумейского рода, который уже верно служил им... Юлий Цезарь, а затем и сенат приняли решение поставить его правителем в Иудее.

Римлянам, собственно, было всё равно, как именно назовется правитель этой области, и они ничуть не возражали, когда Ирод присвоил себе звание царя. Он, конечно, не имел на то никакого права, не будучи потомком царя Давида и вообще иудеем по рождению – так ведь и Хасмонеи некогда заняли престол не по закону, а по праву победителей. Так пришла к власти династия Иродов, чье имя станет нарицательным во многих языках. В Новом Завете упомянуто несколько царей из этой династии, все они – потомки того самого Ирода, получившего со временем прозвание «Великого».

Ирод Великий и его сыновья

Этот человек упоминается в Евангелии в связи с одним-единственным эпизодом – истреблением вифлеемских младенцев после Рождества Иисуса, причем рассказывает об этом только Матфей. Он писал прежде всего для евреев, а уж они-то прекрасно помнили, кто такой царь Ирод Великий! Получается, что именно этот царь не остановился перед явным злодейством, перебил множество невинных детей, чтобы избавиться от мнимого конкурента.

Об этих невинных младенцах мы уже говорили в связи с Девой Марией, но тут встает такой интересный вопрос. О большинстве героев Нового Завета мы не знаем из исторических источников ничего или почти ничего, тогда как о знаменитом царе Ироде историки древности сообщают нам очень много. И среди этих повествований нет даже упоминаний о вифлеемском злодействе! Почему?

Но прежде, чем высказать предположение, поговорим о том, чем прославился Ирод. Он был действительно эффективным правителем и умел добиться своего. Он успешно отразил с римской помощью нападения внешних врагов, парфян и арабов, с внутренней оппозицией расправился без колебаний. Женился на внучке первосвященника Гиркана II, чтобы придать легитимности своей династии. Но больше всего он известен своей строительной программой: при нем возводились новые кварталы Иерусалима,

надежные крепости, роскошные дворцы, современные театры (театры, впрочем, оскорбляли крайних ревнителей иудейской религии).

Самое главное, что при нем был перестроен Храм. Когда Ирод пришел к власти, на Храмовой горе в Иерусалиме стояло всё то же скромное здание, которое возвели переселенцы из Вавилонии сразу после возвращения на Родину, которое отвоевывали и заново освещали участники восстания Маккавеев. Стыдно было перед римлянами за это маленькое, обветшавшее здание... Ирод в 22-м г. до н.э. начинает радикальную перестройку всего храмового комплекса, которая длится без малого десять лет – и всё это время богослужения не прекращаются. Стена Плача, которую и сегодня можно увидеть в Иерусалиме – это всего лишь часть платформы, возведенной Иродом, чтобы расширить пространство для Храма. Можно представить себе, насколько великолепной была сама его постройка! Именно в этот Храм будет приходить затем Иисус... но простоит он меньше века и будет разрушен теми самыми римскими легионами, которые привели Ирода к власти.

Только величие не всегда сопряжено с нравственностью, и нередко оказывается, что правители, добившиеся грандиозных успехов, проливали реки крови. Так и при Ироде Великом пытки и казни по самым ничтожным поводам сделались нормой жизни. Он истребил всех потомков предыдущей династии, Хасмонеев. Он приговорил в разное время к казни по одним лишь подозрениям собственную любимую жену и двух сыновей. В тяжелой болезни, за несколько дней до смерти, он велел собрать в цирке всю иудейскую знать и поголовно ее перебить – правда, это его завещание так и не было исполнено. На фоне таких громких злодейств тихое убийство никому не известных младенцев в небольшом городке Вифлееме могло уже просто не волновать историков того времени, ведь в послужном списке Ирода были куда более яркие преступления. А тут всего лишь младенцы... Но христианская церковь почитает святыми именно этих младенцев, а не великого царя, отстроившего Храм, и даже не его невинно убитых сыновей – урок для грядущих поколений, которые не раз еще будут тосковать по земному величию и сильной руке.

Точную дату начала правления Ирода назвать трудно, т.к. власть над Иудеей он получал постепенно, обычно началом его единоличного правления считают 37 год до н.э. Дата его смерти нам известна точно: это 4 г. до н.э. Но тогда получается, что Ирод умер еще до Рождества Христова? Только если принять за дату этого Рождества 1-й год н.э. (1-й год от Р.Х., как писали раньше). Действительно, «наша эра» берет свой отсчет от Рождества, но его предполагаемая дата вычислена была в раннем Средневековье неточно – ведь ни в Библии, ни в каких-то других древних авторитетных источниках точных указаний на нее нет, и подсчеты были весьма приблизительными. А теперь уже все привыкли именно к такому летоисчислению, и даже если кого-то смущает, что Рождество состоялось за несколько лет до начала новой эры, никто не собирается менять систему летоисчисления.

Царство Ирода не пережило своего правителя. Перед смертью он с согласия Рима разделил его между своими сыновьями: Иродом Архелаем, Иродом Антипой и Иродом Филиппом. Именно поэтому их называли тетрархами, т.е. «четверовластниками». Строго говоря, частей в государстве теперь было четыре, но Архелай получил в управление сразу две, таково было пожелание римского императора Октавиана Августа. Со временем Август обещал даже сделать Архелая царем. Впрочем, настроения правителей переменчивы – довольно скоро Август отправил Архелая в ссылку, а подвластную ему территорию (включая Иерусалим) включил в состав римской провинции Сирия, теперь ей правили римские наместники.

Антипа, которому досталась Галилея и Заиорданье, и Филипп, область которого лежала к востоку от Галилейского озера, правили своими землями намного дольше, хотя и вступали порой в конфликты друг с другом и с римскими назначенцами. Евангелист Лука

даже отмечает, что Ирод Антипа и римский наместник Пилат, прежде враждовавшие друг с другом, помирились во время «суда» над Иисусом.

Ирод Антипа

Именно этот царь упоминается в Евангелиях (кроме истории Рождества) под именем Ирод. Речь идет об Ироде Антипе, одном из сыновей царя Ирода Великого, который правил Галилеей с 4 по 39 г. н.э. С Римом он ладил и даже назвал свою резиденцию на Галилейском озере Тивериадой в честь римского императора Тиберия (нынешняя Тверия в Израиле).

Его «семейная хроника» тоже довольно характерна для правителей того времени. Ирод Антипа взял себе жену своего сводного брата Филиппа – за обличение этого незаконного союза и поплатился головой Иоанн Креститель. Но не принес этот брак счастья и самому Ироду. Когда на римский престол вместо Тиберия взошел сумасбродный император Калигула, Иродиада вынудила Ирода отправиться к императору в поисках новых почестей и званий. Однако собственный племянник Ирода, Агриппа, тут же отправил донос на него, и вместо почестей ему выпала ссылка в далекую Галлию, где он и умер, возможно, насильственной смертью. Иродиада последовала в ссылку вместе с мужем, а титулы и владения Ирода перешли к его племяннику Агриппе, так вовремя пославшему донос.

Но всё это произойдет уже после евангельской истории. Пока у Ирода Антипы всё было благополучно, по крайней мере, на внешний взгляд. Он наслаждается жизнью (Евангелие упоминает, как широко он праздновал свой день рождения), он не прочь послушать проповеди Иоанна Крестителя, и если бы не интриги жены, может быть, он и не велел бы его казнить.

А затем правителю Ироду пришлось решать судьбу еще одного Праведника. Римский наместник Пилат отправил к нему арестованного Иисуса, т.к. Тот был родом из Галилеи и формально был подвластен ему как правителю этой области. Как сообщает Лука, «Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем, и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо, и предлагал Ему многие вопросы, но Он ничего не отвечал ему. Первосвященники же и книжники стояли и обвиняли Его. Но Ирод со своими воинами, уничивив Его и насмеявшись над Нем, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату».

Ему очень хотелось, чтобы Иисус тоже как-нибудь украсил его нескончаемый праздник жизни – и когда не получил желаемого, то, по крайней мере, развлекся насмешкой над Нем и отправил Его с глаз долой. Пилат хотя бы совершил жест омовения рук, якобы отстраняясь от принятия решения о несправедной казни – правитель Ирод не сделал и этого. Всё казалось ему поводом для веселья и насмешки, и совсем скоро новый римский император и собственный его племянник точно так же посмеются над ним самим.

Ирода Агриппа I, Ирод Агриппа II

Еще один правитель, в 39-м г. н.э. сменивший своего дядю Антипу после грамотно составленного доноса, упоминается в книге Деяний. Его звали Ирод Агриппа, и именно по его приказу был убит апостол Иаков и брошен в тюрьму апостол Петр в самом начале апостольской проповеди. Книга Деяний описывает и его собственную смерть: его языческие подданные стали почитать его как бога (для язычника это вполне нормальная форма лести, римские императоры так и вовсе считались богами по своей должности), а он принял эти почести – и ангел Божий поразил его мучительной болезнью, от которой он и скончался. Что позволено язычнику, никак не подходит человеку, исповедующему веру в Единого, а Агриппа считал себя именно таковым.

Есть одно значимое совпадение в его судьбе: он считал проповедь апостолов богохульством, но... когда в его собственный адрес прозвучали богохульные славословия, он принял их без зазрения совести. Двойные стандарты не вчера были изобретены, это верно, но верно и другое: иногда человек становится жертвой именно того греха, в котором ложно обвиняет других. Умер он в 44 г. н.э.

Еще один проповедник христианства, апостол Павел, тоже беседовал с царем Агриппой, и об этом тоже рассказывает книга Деяний. Речь идет уже об Ироде Агриппе II, сыне Агриппы I и последнем правителе из династии Иродов. Эта встреча произошла в приморском городе Кесарии, видимо, в 59-м г. н.э. Агриппа только что прибыл туда со своей сестрой Вереникой, с которой он был неразлучен (многие говорили, и, судя по всему, не без оснований, что они живут как супруги) в гости к римскому наместнику Фесту. Тот рассказал ему о странном узнике, которого ему предстояло отправить к римскому императору на суд (об этом подробнее в 39-й главе), а пока что можно было развлечься беседой с ним.

Книга Деяний приводит проповедь, которую произнес Павел перед Агриппой по этому поводу и даже лично обратился к нему: «Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь» А если так, полагал Павел, то царь должен признать: в Иисусе исполнились самые главные пророчества, данные в Ветхом Завете. Агриппа с усмешкой ответил Павлу, что тот, похоже, и его пытается сделать христианином... Ну как это можно представить себе, чтобы царь присоединился к какой-то малочисленной и к тому же гонимой религиозной группе! В его распоряжении столько философских книг, у него нет недостатка ни в иудейских священниках, ни в греческих ораторах... Зачем, зачем ему еще и новое учение?

Агриппа II, последний в династии Иродов, насколько нам известно, не казнил никого из христиан – но и не препятствовал гнать и убивать их тем, кто того пожелал. А главное, он не обратил особого внимания на речь Павла, показавшуюся ему забавным курьезом. А дальше всё пошло как-то не так... Его подданные вдруг не захотели подчиняться ему и прогнали его вместе с сестрой Вереникой в 66-м г., накануне великой войны с римлянами, в которой будет разрушен Иерусалим и храм, построенный Иродом Великим, а еврейский народ утратит всякую возможность распоряжаться на земле Ханаана вплоть до середины XX века, когда будет создано новое государство Израиль. В этой войне Агриппа со своим отрядом участвовал на стороне римлян, после ее окончания он жил в Риме вместе с той же Вереникой и умер около 100-го г. н.э.

Почти полтора века правили представители династии Иродов в Иудее, постепенно утрачивая всё, что приобрел такой кровавой ценой ее основатель, и упорно не замечая того главного, что возникло в ней за это время. «Оставляется вам дом ваш пуст», пророчески говорил Иисус о Храме, перестроенном Иродом Великим, но можно отнести те же слова и к государству, которое Ироды стремились всеми силами сохранить, о величии которого они так сильно заботились и которое так быстро разрушилось до основания, в том числе и их усилиями.

Врезка:

На протяжении всей новозаветной истории Палестина (она же Земля Израиля или Ханаан) входила в состав **Римской империи**. Сначала, при Ироде Великом, подвластные ему земли составляли зависимое от Рима государство. Во внешней политике и многих других вопросах Ирод следовал их воле, но своей страной правил сам. После его смерти Иудея с Иерусалимом были напрямую подчинены Риму и управлялись наместниками, а часть окрестных областей превратилась в маленькие государства-сателлиты, чьи правители, по сути, от наместников мало отличались, хотя и были потомками Ирода.

Римляне как завоеватели вели себя совсем иначе, чем ассирийцы и вавилоняне – видимо, потому их империя и простояла намного дольше. Они оставляли за покоренными

народами право жить, как им угодно, а сами лишь назначали верховных правителей, собирали подати и строго следили за лояльностью и соблюдением порядка. Мятежи подавлялись с максимальной жестокостью, но послушным обывателям жилось вполне сносно – к тому же римляне строили отличные дороги и общественные здания, приносили новые технические и культурные достижения, обеспечивали мир и порядок.

Но всё-таки это были иноземные захватчики, и среди иудеев всегда хватало желающих изгнать их с своей земли. Многие связывали эти ожидания и с Иисусом, а когда он после торжественного входа в Иерусалим не провозгласил себя царем, не объявил римлянам войны, отвернулись от Него. Видимо, отчасти поэтому люди и кричали Пилату «распни Его!» вскоре после того, как приветствовали Иисуса. В 66-м г. их сыновья поднимут восстание против Рима, которое окончится катастрофой.

Римские власти сначала считали споры об Иисусе внутренним делом иудеев и даже могли взять христиан под свое покровительство, если им грозила опасность. Однако скоро они решили, что новая вера угрожает стабильности, а этого они не любили больше всего. К тому же христиане отказывались почитать императора богом (впрочем, не делали этого и иудеи, но они пользовались некоторыми привилегиями традиционной религии). В середине I в. н.э. император Нерон начал серьезные гонения против христиан, именно тогда были убиты апостолы Петр и Павел.

36. Каиафа и Анна: священники при Храме

Храм и священники

Царь Ирод Великий, как мы уже говорили, перестроил Храм. Иудейский историк Иосиф Флавий так описывал его: «Внешний вид храма представлял всё, что только могло восхищать глаз и душу. Покрытый со всех сторон тяжёлыми золотыми листами, он блистал на утреннем солнце ярким огненным блеском, ослепительным для глаз, как солнечные лучи. Чужим, прибывавшим на поклонение в Иерусалим, он издали казался покрытым снегом, ибо там, где он не был позолочен, он был ослепительно бел».

Но внешняя красота, конечно, лишь косвенно отражала ту роль, которую Храм играл в жизни иудейского народа. Именно туда приходили на главные праздники, прежде всего на Пасху, сотни тысяч паломников не только из Палестины, но и из других стран. Мы читаем в Евангелиях, что среди этих паломников был и Иисус с самого детства. В Храме Он мальчиком беседовал с учителями Закона, а потом в Храме учил народ до самых последних дней своей жизни. И на суде над Ним припомнили Его слова: «разружьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (так передает их Иоанн). Речь шла о тридневном воскресении, но тогда еще никто не понимал этого. Но, конечно же, такие слова о главной святыне звучали не просто непривычно, но и совершенно скандально.

Более того, даже после Его воскресения и вознесения ученики «всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе» – то есть Храм по-прежнему оставался местом для их собраний и проповеди.

Главным в храмовом богослужении было жертвоприношение: животное убивали, затем часть или целую тушу сжигали на жертвеннике, а остаток, если он был, шел в пищу священникам или жертвователю вместе с его родными и друзьями (для разных видов жертвоприношения действовали несколько разные правила). Одни жертвоприношения были символической совместной трапезой Бога и людей из Его народа – а в других случаях жертва была своего рода заменой грешнику, который сам был достоин смерти, но вместо своей жизни отдавал жизнь жертвенного животного.

Приносить жертвы могли все израильтяне, но совершать само жертвоприношение дозволено было только священникам. Священническое служение было наследственным, его нельзя было приобрести иначе, как по праву рождения. Священникам помогали в служении *левиты*, но они не имели права совершать обряды самостоятельно. Их служение тоже передавалось по наследству: как и священники, они были потомками Левия, сына Иакова. Священники и левиты считались особенно набожными людьми и пользовались большим уважением.

Не случайно в притче о милосердном самарянине Иисус рассказывал, как мимо израненного человека прошли священник и левит, не оказав тому никакой помощи. Кстати, причиной может быть не только их душевная черствость: если бы они коснулись незнакомца, валяющегося на дороге, а он оказался бы мертвым, то прикосновение к трупам, пусть и невольное, стало бы для них осквернением и они не смогли бы некоторое время исполнять своих обязанностей в Храме. Они прошли мимо полуживого человека, видимо, по той причине, что спешили исполнить свои обязанности перед Богом, как они это понимали.

Руководил священниками самый главный из них, он назывался *первосвященник*. Он был главным духовным авторитетом для всех иудеев, хотя многие вопросы он должен был обсуждать с собиравшемся в Храме *Синедрионом* – советом, состоявшим из самых уважаемых и образованных людей. Наиболее важные решения Синедриона, такие, как смертные приговоры, должен был утверждать римский наместник, им в то время был Понтий Пилат.

Анна, вершитель судеб

Должность первосвященника в теории была пожизненной, но на практике так выходило не всегда. В 6-м г. н.э. первосвященником стал человек по имени Анна. На древнееврейском его имя означает «милость», но это имя, судя по всему, никак ему не подходило, правил он достаточно круто и самоуверенно и уже через девять лет римляне отстранили его от должности за то, что он без согласования с ними выносил смертные приговоры. Впрочем, должность он передавал по очереди сыновьям и даже зятю Каиафе, а сам от дел не отошел и даже сохранил за собой звание первосвященника, руководя действиями младших родственников.

Видимо, поэтому и говорится в Евангелии о «первосвященниках» во множественном числе – это был уже не один человек, а верхушка священнического сословия, связанная прежде всего лично с Анной. Решения принимались, скорее всего, коллегиально, но его голос явно значил больше остальных. И этот голос явно сыграл решающую роль в судьбе Иисуса – хотя, как мы увидим дальше, всё самое главное сказал о нем Каиафа.

Но за что эта семья так не любила Иисуса? Вот Иисус рассказывает притчу о богаче и Лазаре. Безымянный богач каждый день роскошно пирует, а у входа в его дворец лежит нищий по имени Лазарь (имя означает «Бог помог»), но никто ему не помогает, никому он не нужен, он голодает, ему и крошек со стола господина не достается. Потом оба умирают, и на лоно праотца Авраама попадает... не богач, а Лазарь! Более того, Авраам отказывает богачу в малейшем снисхождении, ведь всё хорошее он получил уже при жизни. И тогда богач, терпящий адские муки, просит Авраама отправить Лазаря в дом его отца, ведь там у него пять братьев, им надо срочно изменить свое поведение, чтобы потом не оказаться в месте этих мучений. И тут между ними происходит такой диалог: «Авраам сказал ему: “у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их”. Он же сказал: “нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются”. Тогда Авраам сказал ему: “если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят”».

А причем же здесь первосвященник со своим семейством? Да как же! Вся притча звучит откровенной насмешкой над ними! Во-первых они, как и вся священническая верхушка, относятся к религиозной группы саддукеев, а они не верят в жизнь после смерти. Для них всё происходит только здесь, на земле, и они торопятся взять от жизни всё, что можно, конечно, не нарушая прямо закона. Закон они чтут, и пророков в некоторой степени тоже... это только Лазаря они не замечают. Нищий у дверей – какое отношение он имеет к их высокому священническому служению? Да, конечно, там написано что-то о помощи беднякам, особенно у пророков, ну так можно эти части Писания пропускать, пророков саддукеи и вовсе не читали, а уж чтобы к себе их призывы применять... Еще не хватало! Достаточно ритуальных указаний закона, их они выполняли – но и только.

И вот как назло, у Анны ровно пять сыновей. И пять братьев в доме отца у того безымянного богача... Да разве это не прямой намек? Да разве не косится в его сторону каждый второй в толпе, которая, затаив дыхание, слушает Иисуса? Это же подрыв авторитета! Ладно бы Он в открытую восставал – а Он над ними смеется! Нет, такого не прощают. И если бы только одна эта притча, так ведь едва ли не всё, что Он только говорит, подрывает основы, нарушает сложившуюся стабильность, ставит под сомнение авторитеты и традиции... Нет, тут ничего не поделаешь. Высшие интересы требуют радикально решить этот вопрос.

Когда Иисус был схвачен, его, как сообщает Иоанн, сначала отвели к Анне. Да и в самом деле, кому высказываться первому, как не самому авторитетному из священников? И уж затем он был отправлен на суд в дом Каиафы, причем, судом это трудно назвать – скорее, для оформления давно уже вынесенного приговора на спешном ночном заседании,

проходившем в нарушение правил и обычаев того времени в частном доме и в неурочный час.

Всё же Ирод и Пилат, и даже Каиафа о чем-то спрашивали Иисуса. Ирод хотел развлечений, Пилата интересовала истина, как он ее понимал, Каиафе требовался формальный повод, и только Анна ни о чем Его не спрашивал. Ему и так всё было ясно, план действий был продуман и оставалось только привести его в исполнение. Иисус был отправлен на казнь, и приговор вроде как вынес не Анна, и уж точно не он его исполнил... а всё равно эта история уже не отделима от его личности.

Сколько еще прожил и как закончил свою жизнь Анна, мы не знаем. Но мы знаем, что его сын, носивший то же самое имя и тоже бывший первосвященником, был убит иудеями в 66-м году в самом начале восстания против римлян как раз за то, что призывал примириться с ними. Всю свою жизнь Анна стремился самыми жесткими мерами удержать народ от прямого восстания против римлян – и в тот момент все его расчеты потерпели крах. Сначала был убит его сын, затем разрушен его Храм и рассеян по лицу земли его народ. Спокойствие, построенное на крови Праведника, не оказалось прочным и счастья не принесло.

Каиафа, зять Анны

Именно он официально исполнял должность первосвященника исполнял с 18 по 37 гг. н.э. Казалось бы, имея такого тестя, Каиафа уже ни о чем не должен был думать сам и мог просто исполнять его указания. Но делать это тоже можно по-разному: нехотя, или с особым рвением. Можно даже подводить обоснование под то, что думал, но, возможно, так и не высказал старший.

Именно Каиафа, как сообщает Иоанн, рассуждал об Иисусе так: «лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб». И тут же Иоанн комментирует: «Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино».

Что это за странная логика: один человек за многих людей? По расчетам Каиафы, проповедь и чудеса Иисуса могли привести к смуте, а тогда обязательно прольется кровь. Так проще убить Одного. Ну, заодно и тех, кто служит слишком ярким напоминанием о Его чудесах – так, Иоанн сообщает, что и Лазаря, которого Иисус воскресил за неделю до Собственной смерти, первосвященники тоже решили убить, чтобы мертвый, против законов природы ставший живым, так и оставался мертвым. Только всё, что произошло затем с Иисусом, заставило забыть о Лазаре.

А с другой стороны, должность первосвященника что-то да значит, даже если исполняет ее такой негодный человек. Он всё равно может оказаться пророком пусть и против собственного желания. Так вышло и с Каиафой: смерть Иисуса стала искупительной жертвой для всех людей, и Каиафа, сам не понимая того, сказал именно об этом.

Что ж, сказано – сделано. Иисус был схвачен и доставлен в дом первосвященника, куда срочно, чтобы успеть с казнью до наступления Пасхи, собрали, каких сумели, членов Синедриона. Матфей описывает вынесение приговора Иисусу: «первосвященник сказал Ему: “Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?” Иисус говорит ему: “ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных”. Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: “Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? Вот, теперь вы слышали богохульство Его! Как вам кажется?” Они же сказали в ответ: “Повинен смерти”». Этим первосвященником был именно Каиафа. Непривычные слова о Боге – это богохульство, а богохульство – это казнь.

Дальше следовало утвердить приговор у римского наместника Пилата, но за этим дело не стало. Об этом – в следующей главе.

О дальнейшей судьбе Каифы мы толком ничего не знаем. Книга Деяний рассказывает и о том, как Синедрион во главе с Каиафой пытался запретить апостолам проповедь об Иисусе, но не помогли даже репрессии. Вскоре после всех этих событий Каиафа уступил пост первосвященника одному из сыновей Анны. Их, напомним, было пятеро, и все по очереди побывали на этой должности.

В 1990-м году в Иерусалиме было обнаружено захоронение некоего Каиафы вместе с его семейством – и скорее всего, это был тот самый первосвященник. Во рту у него была монетка: по греческому обычаю ее вкладывали в рот умершему, чтобы он заплатил паромщику Харону за перевоз души через реку, отделявшую мир мертвых от мира живых. «Умер богач, и похоронили его» – совершенно как в притче. Причем тот, кто должен был хранить в неприкосновенности веру Израиля, оказывается, был погребен с соблюдением иноземных языческих суеверий.

врезка:

Во времена Нового Завета среди религиозных иудеев существовали разные школы и направления. Чаще всего на страницах Евангелия мы встречаем **фарисеев** – название этой группы, по-видимому, происходит от слова «отделенный». Они считали себя строгими исполнителями Моисеева Закона, «отделенными» от простого народа. К ясным требованиям Моисеева закона фарисеи добавляли свои толкования и правила, так что их требования нередко оказывались чрезвычайно строгими и мелочными. В результате получалось, что многие из них следили лишь за тщательным исполнением внешней стороны религиозных предписаний, а к другим людям относились высокомерно. Порой их религиозное рвение служило прикрытием для корыстных целей или удовлетворения собственного самолюбия.

В Иисусе фарисеи увидели сначала интересного проповедника, а затем – огромную угрозу своему авторитету и положению в обществе. Наиболее ожесточенные споры у Иисуса бывали именно с фарисеями. Вместе с тем, некоторые из них сочувствовали и помогали Ему, прежде всего Иосиф Аримафейский. Будущий апостол Павел сначала также принадлежал к числу фарисеев.

Другой религиозной группой у иудеев были **саддукеи**, или «праведники». Это течение было распространено в основном среди священников. В отличие от фарисеев, саддукеи отвергали всё, кроме Писания, да и из него признавали только Пятикнижие, т.е. сам Моисеев Закон, и отвергали более поздние книги. Саддукеи, в частности, не верили в возможность воскресения мертвых, поскольку в Пятикнижии о нем ничего не сказано. Саддукеям Иисус сначала был безразличен, но когда Он они увидели в Его проповеди угрозу священническому авторитету, а особенно когда он стал проповедовать в Иерусалимском храме, они также отнеслись к Нему враждебно.

37. Иуда Искариот и Понтий Пилат: сделавшие свой выбор

Кто такой Искариот?

Приговор Иисусу вынес Синедрион, т.е. собрание старших священников и других наиболее авторитетных духовных вождей иудейского народа. Более того, именно они, а прежде всего первосвященники Анна и Каиафа, хотели именно этого и добиться и, вероятно, были вполне довольны результатом.

Но были в этой истории люди, которые вовсе не стремились к этому исходу. Об одном из них, царе Ироде Антипе, мы уже говорили в 35-й главе. Но его даже действующим лицом не назовешь – он просто развлекался, как мог. А были еще два человека, без которых казнить Иисуса было бы очень трудно – это апостол Иуда Искариот, который подсказал, где можно арестовать Иисуса, не вызывая волнений в народе, и указал на него, и римский наместник Понтий Пилат, утвердивший смертный приговор Синедриона.

Начнем с Иуды. Он был один из Двенадцати апостолов и носил это странное прозвище Искариот, чтобы отличать его от другого Иуды, сына Иакова по прозвищу Фаддей (о нем шла речь в 34-й главе). Значение прозвища до сих пор служит предметом споров. Самое распространенное объяснение – «иш-керийот», т.е. «человек из Керийота» (название какого-то селения или городка в Иудее) или просто даже «человек из пригорода». Иногда, впрочем, говорят, что это искаженное слово *сикарий* (так называли борцов за независимость, а на современном языке террористов, использовавших кинжалы, на латыни *сика*, для убийства римлян и сотрудничавших с ними иудеев). Есть и другие объяснения, связанные с созвучными арамейскими словами: то ли «красильщик» (профессия), то ли «лживый человек» (характеристика поведения). Последняя версия сомнительна: вряд ли у него с самого начала было такое обидное прозвище.

Евангелист Иоанн еще называет его Симоновым – видимо, его отца или старшего брата звали Симон. Если старший брат, то не мог ли это быть один из апостолов? Симон-Петр, брат Андрея – едва ли, слишком много о нем говорится, чтобы пропустить такую деталь. А вот другой Симон, по прозванию Зилот или Кананит, в принципе мог. Может быть, оба они даже в свое время принадлежали к «вооруженному подполью», как намекает прозвище Симона – и тогда Иуда действительно был «сикарием», а не просто «человеком из пригорода».

В любом случае, в Евангелиях о нем практически ничего не говорится, за исключением того самого предательства. Есть только одно исключение: Иоанн повествует, как одна женщина помазала Иисуса драгоценным ароматическим маслом. И тогда Иуда возмутился: «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?» И дальше Иоанн комментирует: «Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор. Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали». Получается, он был самым обычным коррупционером: просто таскал понемногу деньги, которые люди жертвовали Иисусу с Его учениками.

Интересно, что в версии Марка то же самое говорят «некоторые», т.е. не один Иуда, и уж наверняка не потому, что все они надеялись получить часть этих денег себе лично. Но это так легко можно понять: апостолы странствовали по всей Иудее, не всегда им хватало пропитания, а уж удобный ночлег и вовсе казался роскошью... и вдруг какая-то женщина безрассудно тратит в один миг сумму, которую поденщик зарабатывает за год! Они не знали, что странствия их подходят к концу и что Иисус скоро будет подвергнут самой мучительной и позорной казни, и даже хоронить Учителя придется поспешно, в чужой гробнице. Женщина тоже не знала всего этого, но принесла всё, что могла в знак своей любви и признательности.

Слова Иуды о деньгах служат своего рода прологом к истории предательства. Но только ли в деньгах дело? А не в том ли еще, что апостолы связывали с Иисусом какие-то надежды и ожидания – и только та женщина в тот момент просто всё отдала, ни о чем не прося, ни на что не рассчитывая?

Логика предательства

Иуда Искариот прославился как предатель. Но в чем, собственно, состояло его предательство? Понятно, когда кто-то выдает место расположения партизанского отряда, проводит врагов тайной тропой или заманивает командира в ловушку. А тут? Иисус проповедовал в Храме открыто, его могли арестовать в любой момент. Строго говоря, священники со своими сторонниками не спешили с арестом, чтобы избежать того, что страшило их больше всего: народных волнений, которые будут жестоко подавлены Римом и могут стоить им должности, а то и головы. Значит, Иисус должен был исчезнуть тихо и незаметно, особенно удобно сделать это накануне пасхального праздника: люди заняты приготовлениями, им не до того, чтобы возмущаться. И вообще, сначала можно будет Его убить, а потом с чистым сердцем праздновать. И за радостным празднованием вся эта неудобная история как-то забудется.

Иуда, собственно, и обещал священникам указать им на такой удобный момент. Он выбрал время после Тайной Вечери, когда Иисус ночью молился в Гефсиманском саду, с ним было всего несколько учеников, да и те дремали в изнеможении. И еще Иуда указал стражникам, кого именно арестовывать, поцеловав Учителя. А то те в лицо Его знали плохо, да и темно было – могли по ошибке схватить другого, и всё пошло бы с самого начала не так.

Невелика услуга, и плата за нее была невелика – тридцать серебряных монет, среднерыночная цена раба в то время. А как еще оценивать человеческую жизнь? Конечно, и без Иуды бы как-нибудь обошлись, выбрали бы другой момент. Но его предательство имело и особый смысл: в самом ближайшем кругу нашелся тот, кто желал Иисусу гибели. О чем тогда вообще говорить, тогда всё дело Его жизни оказалось проваленным... Или, по крайней мере, так тогда казалось.

Или Иуда не желал на самом деле Ему смерти? Конец этой истории подсказывает: всё пошло не совсем так, как Иуда рассчитывал. Матфей рассказывает, что когда Иисусу был вынесен приговор, еще даже до самой казни, то есть буквально на следующее утро, Иуда возвратил полученную плату со словами: «Согрешил я, предав кровь невинную». Священники ответили: «Что нам до того?» И в самом деле, они своего добились, а нравственные терзания Иуды – это его личные проблемы. Иуда бросил деньги в Храме, вышел прочь и покончил с собой: по Матфею – удавился, а Лука в книге Деяний сообщает, что он «низринулся», т.е. упал или бросился с высоты, но могло быть и так, что он сначала повесился, а потом веревка оборвалась и он упал на землю.

Евангелисты Матфей и Марк подчеркивают, что Иуда не прочь был заработать эти самые тридцать монет. Но если бы всё сводилось к этому, он бы ни за что не расстался с ними так легко следующим утром и не покончил бы с жизнью. Тут было что-то еще... Лука и Иоанн отмечают, что в Иуду вошел сатана. Это самое простое объяснение: он был невменяемым орудием нечистого духа, и тот, исполнив, что хотел, просто избавился от него, отбросил в сторону, как погнутый гвоздь.

Но и это слишком простое объяснение. Иисус не раз встречался с людьми, которые были одержимы бесами – и таких людей Он просто избавлял от зависимости. Неужели он бы не сделал ничего подобного со Своим учеником? Напротив, евангелисты не раз подчеркивают, что Иисус всё заранее знал о намерениях Иуды и оставлял за ним свободу выбора. Даже на Тайной Вечери он оставлял ему возможность изменить принятое решение, сказав пред всеми: «один из вас предаст Меня», – но не раскрыв, кто именно. Так можно уважать только свободу воли человека, а вовсе не бесовскую одержимость.

Человек устроен сложно, и обычно его поступки имеют больше одного мотива. Да, Иуда несомненно действовал по подсказке сатаны, но он явно не был одержимым и сохранял контроль над своими поступками. Он наверняка не прочь был подзаработать денег, но едва ли всё сводилось только к этому (в конце концов, если бы они продолжали странствовать с Учителем, из денежного ящика можно было вытащить никак не меньше тридцати монет). Могла быть и еще какая-то причина...

Недостатка в версиях нет и никогда не было, объяснения предлагались какие угодно. Например, что сыграть эту роль Иуде поручил... Сам Иисус – дескать, без Иуды не состоялась бы Голгофская жертва. Героизация предательства во все времена имела место.

Но есть и вполне разумная версия. А что, если Иуда действительно был борцом за независимость, «сикарием», или, по крайней мере, горячо желал освобождения своей родины от римского ига? Иисус выглядел неплохим кандидатом в вожди восстания и даже в цари: вокруг Него собирались толпы, Он творил чудеса, жители Иерусалима торжественно встречали его как Мессию... Казалось, вот теперь Он должен открыто выступить против Рима, поднять восстание, прогнать захватчиков и всех их пособников! А Он всё медлит. Как же заставить Его действовать? Наверное, надо поставить его перед выбором: или Он наконец-то выступит на открытую борьбу, или будет убит, казнен самой мучительной и позорной смертью!

«Думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов?» – сказал Иисус Петру в момент ареста... и не поднял восстания. Всё пропало, ангельские полки не выступили на стороне патриотов, и, более того, Иуда осознал, что сам предал Учителя на казнь.

Конечно, это всего лишь реконструкция, одна из возможных. Евангелия не описывают подробно мотивов Иуды, и это верное решение. У зла своя логика, ей не надо следовать, ее даже не обязательно понимать. Важно сделать верный выбор, чтобы потом не пришлось бросать оземь полученный выигрыш, чтобы самоубийство не показалось единственно верным решением.

Понтий Пилат утверждает приговор

Итак, в евангельские времена Палестина находилась под властью Рима, так что нет ничего удивительного, что на страницах Евангелий мы встречаем римских воинов. Но единственный римлянин, о котором там рассказано сколь-нибудь подробно – это Понтий Пилат. В 26 г. н.э. он был назначен в Иудею прокуратором, т.е. римским наместником. Из многих древних источников мы знаем, что Пилат высокомерно относился к евреям, был жестоким правителем и пролил немало крови. Фактически он представлял римскую власть не только в области, которой непосредственно управлял, но и во всей Палестине, поэтому его решения не могли быть оспорены никем, кроме более высоких римских властей.

Собственно, главным для Пилата было сохранить расположение начальства, прежде всего, императора. Самое дурное, что могло произойти – это бунт, который придется подавлять силой римских легионов. Пока всё спокойно, до Рима доходят только благоприятные известия, но если прольется кровь легионеров, Пилата накажут. Поэтому он был заинтересован в сохранении «стабильности» ничуть не меньше иудейской верхушки.

Синедрион вынес Иисусу смертный приговор, но утвердить и привести его в исполнение мог только Пилат, поэтому Иисуса сразу из дома первосвященника доставили к римскому наместнику. Это для Синедриона главным было обвинение в богохульстве, а для язычника Пилата всё это богословие не имело никакого значения. Чтобы убедить его в необходимости казни, нужно было доказать: Иисус опасен для Рима, от смутьян и мятежник. И тут как-то очень кстати пришли слова о Царствии, про которое Он говорил буквально в каждой своей проповеди... Если Он хочет установить Свое царство, так он

мечтает свергнуть власть римского императора! Так Иисусу приписали ровно то, о чем мечтали многие в Иудее того времени, возможно, включая Иуду.

Пилат не торопился с решением, сначала ему нужно было допросить Узника. Иоанн так описывает этот допрос: «Пилат опять вошел в преторию, и призвал Иисуса, и сказал Ему:

– Ты Царь Иудейский?

Иисус отвечал ему:

– От себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне?

Пилат отвечал:

– Разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал?

Иисус отвечал:

– Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда.

Пилат сказал Ему:

– Итак Ты Царь?

Иисус отвечал:

– Ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.

Пилат сказал Ему:

– Что есть истина?

И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им:

– Я никакой вины не нахожу в Нем».

В этом разговоре Пилату крайне важно установить истину – он честный судья и не хочет выносить несправедного приговора. Является ли Иисус претендентом на царский трон? Из Его ответов Пилат делает вывод: нет, не является, потому не представляет никакой опасности и может быть отпущен. Но Иисус-то говорит о другом... Признать Его Царем может каждый, и это добровольный выбор человека – может быть, и Пилат тоже сделает его? Для Пилата истина – некий установленный факт, а для Иисуса – то, что рождается в личном общении. Он Сам стоит перед Пилатом, он есть Путь, Истина и Жизнь – и Пилат может это принять или отвергнуть. А Пилат этого просто не замечает, он не мыслит такими категориями.

А дальше всё было просто. Пилат пытается договориться с иудейскими вождями, чтобы всё-таки отпустить Иисуса. Раз уж не удалось признать Его невиновным, то может быть, удастся амнистировать ради праздника по обычаю? Но толпа (теперь уже вся толпа, а не только вожди) требуют отпустить разбойника Варавву. Тогда Пилат идет еще на одну уловку: он подвергает Иисуса жестокому бичеванию, после которого человек оставался едва живым... но всё-таки живым. Может быть, толпа, увидев Его окровавленным и обессиленным, удовлетворится этим? Можно будет просто отпустить его, а раны от бичей, что ж, они затянутся через несколько недель или месяцев. Но и это не помогло.

Пилат сначала признал Невинного виновным на словах, потом подверг Его наказанию – и вот он уже должен приговорить Его к смерти. В историю вошла эта сцена у Матфея, как Пилат умывает руки и говорит: «невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы». Он принимает решение, но возлагает ответственность за него на толпу, подсававшую ему решение. Толпа, впрочем, не против. Но значит ли это, что совесть Пилата чиста? Совершить страшных грех можно по горячему собственному желанию, как первосвященники, из расчета, как Иуда, по настроению, как у толпы или под давлением обстоятельств. Именно таков был вариант Пилата, и он ничуть не лучше прочих.

Матфеем повествуется, как сразу после распятия первосвященники и фарисеи пришли к Пилату и попросили его выставить стражу у гробницы Иисуса, «чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых». Они, собственно, предчувствовали, что так и повернутся события – видимо, тоже помнили о пророчествах

Иисуса. Пилат ответил: «Имеете стражу; пойдите, охраняйте, как знаете». С него было довольно, он не желал больше иметь никакого касательства к этой истории.

Историк Иосиф Флавий рассказывает, как завершилось наместничество Пилата в Иудее. Религиозные споры и возмущения могли происходить не только в Иерусалиме: однажды немало самарян по какому-то своему поводу собралось на священной для них горе Гаризим, причем многие были с оружием. Всё это выглядело крайне подозрительно, Пилат отправил против них воинов, которые одних перебили, а других разогнали. После этого Пилат приказал казнить «зачинщиков». Знакомый стиль...

Самарянская община не стерпела такого насилия, пожаловалась на Пилата его начальнику, легату Сирии Вителлию, и тот в 36-м г. н.э. сместил Пилата с должности, отправив его в Рим к императору Тиберию для разбирательства. Дальше источники расходятся. Есть апокриф, который утверждает, что Тиберий осудил Пилата на смерть, но это едва ли было так. По другим данным, Тиберий умер, пока Пилат добирался до Рима, а как с ним обошелся новый император, Калигула, мы точно не знаем. Церковный историк Евсевий Кесарийский пишет, что его отправили в ссылку, где он покончил самоубийством. Есть также версия, что его еще позднее казнил император Нерон... В любом случае, то была довольно заурядная судьба жестокого и циничного римского администратора, чья жизнь и судьба зависели от прихоти еще более жестоких и циничных императоров.

Есть, правда, и апокрифы, которые повествуют об обращении Пилата к христианству, в эфиопской церкви он даже был канонизирован, но это, скорее всего, вымысел. К сожалению, мы ничего не знаем даже о судьбе его жены, которая еще во время суда уговаривала мужа не вредить Иисусу. В апокрифах встречаются более подробные рассказы о ее заступничестве перед мужем, говорится о ее обращении в христианство и называется ее имя: Клавдия Прокула. Некоторые отождествляют ее с римлянкой Клавдией, упомянутой во 2-м Послании к Тимофею, но и это не вполне достоверно.

Врезка:

Иисус Христос умер на кресте у стен Иерусалима на холме под названием Голгофа, т.е. «череп». Это был самая позорная и мучительная казнь, какую только знали в античности: человека прибавали к столбу с поперечной перекладиной, и прибавали так, чтобы не задеть крупных кровеносных сосудов. В такой позе он не мог нормально дышать: чтобы сделать вдох, ему надо было приподняться на собственных пробитых ногах. С каждым разом это было всё труднее сделать, и он постепенно погибал от удушья, обезвоживания и болевого шока. Он висел обнаженным и обессиленным на виду у всех. «Сойди с креста» – дразнили Его проходящие мимо, а ведь распятый не мог даже руки поднять... Это не только боль, но и крайнее унижение и беспомощность.

Пожалуй, даже среди убежденных атеистов нет сегодня людей, которые не соглашались бы с тем, что Иисус действительно жил в то время в Палестине и умер на кресте. Но вот значение этой смерти понимается по-разному. Христиане с самого начала видели в ней искупительную жертву. Подобно тому, как в Ветхом Завете верующие отдавали жизнь животного вместо своей, так и Христос принес Себя в жертву за всех людей. Говоря иначе, принял на себя удар зла, направленный на всё человечество, нацеленный в каждого из нас.

Зло по-прежнему существует в этом мире, люди страдают, терпят унижения и умирают. Но христиане верят, что смерть и воскресение Христа стали победой над злом, и не только в том смысле, что после смерти для человека открыта возможность жить в вечности с Богом и другими людьми, получив прощение грехов благодаря вере во Христа. Сами страдания, сама смерть отныне не бессмысленны для верующего, это лишь его

личная часть пути, который прошел прежде него и ради него Христос. И ведет этот путь в то самое Царствие, о котором Он говорил.

38. Никодим, Иосиф, Гамалиил – фарисеи за Иисуса

Никодим, тайный ученик

В евангельские времена в Палестине было два основных религиозных течения: саддукеи и фарисеи. Саддукеи, к числу которых принадлежали главные священники, сначала не обращали особого внимания на учение Иисуса, а уж когда обратили, тогда стали добиваться Его казни, и добились. С фарисеями всё было несколько иначе: их интересовали не только и не столько обряды, сколько тонкости толкования библейского текста, и на необычного Проповедника они сразу обратили внимание. Их встречи с Иисусом почти всегда выглядели как столкновения. Они спорили, обличали, многие тоже желали Его смерти...

Но всё же для многих фарисеев Иисус был не просто врагом, которого следовало уничтожить – он бы носителем особой точки зрения, которую следовало оспорить, а значит – понять. А там, где понимание, там возможно и принятие. Мы не знаем ни одного ученика Иисуса, которых происходил бы из числа саддукеев, но среди фарисеев такие были. Их было немного, но они сыграли заметную роль – достаточно сказать, что фарисеем изначально был Павел, о котором пойдет речь в следующей главе.

Но Павел далеко не был первым. Евангелист Иоанн рассказывает о фарисее Никодиме, члене Синедриона и тайном ученике Иисуса. В самом начале своего повествования Иоанн говорит о том, как Никодим пришел к Иисусу тайно, ночью – уже тогда этот визит был для него небезопасным. При этом у него не было сомнений, он сказал Иисусу: Мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог». Да, можно знать много и разбираться в богословских тонкостях, но от этого добро не перестает быть добром, а зло – злом, и если ты их распознал, то выбор очевиден.

Иоанн описывает дальше беседу Иисуса с Никодимом, она слишком длинна, чтобы приводить ее здесь. Речь шла, прежде всего, о рождении свыше, которое должен получить каждый человек, чтобы войти в Царствие Божие. Никодим не понимал, переспрашивал, Иисус терпеливо объяснял. Именно в этой беседе прозвучали слова Иисуса, которые часто называют «малым Евангелием», потому что они выражают самую суть христианской веры: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

В другой раз мы встречаем на страницах того же Евангелия Никодима мы встречаем на собрании других фарисеев. Они решают вопрос, как им следует относиться к Иисусу, и их решение определяется достаточно просто: «Уверовал ли в Него кто из начальников, или из фарисеев?». Тут важна не истина, а корпоративная солидарность. Раз начальство и все наши против, никто из нас не может быть за... Никодим возражает: «Судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?» Но ему фактически заткнули рот: как бы то ни было, из Галилеи точно не следует ждать никаких пророков, и если Никодим ждет – он и сам, верно, один из этих полужычников-галилеян, с ним и толковать нечего.

Наконец, там, где рассказывается о погребении Иисуса, Иоанн говорит, что Никодим принес благовония, которыми натерли мертвое тело. Ему не удалось отвести от Учителя удар, но он смог воздать Ему посмертные почести. В похоронах он принял участие вместе с Иосифом Аримафейским, о котором речь пойдет дальше.

Предание говорит, что он был он принял крещение, был изгнан из Иудеи, а после смерти Гамалиил похоронил его рядом с первомучеником Стефаном (первым христианином, который был убит за проповедь Христа).

Иосиф Аримафейский и похороны Иисуса

Еще одного члена Синедриона и вместе с тем тайного сторонника Иисуса звали Иосифом, он происходил из города Аримафеи. Но если Никодим успел встретиться с Ним и о многом поговорить, то про Иосифа мы ничего подобного не знаем. Похоже, он прислушивался к этому странному Проповеднику издалека – то ли потому, что не хотел лишних конфликтов с другими духовными вождями иудеев, то ли просто не случилось повидаться, так ведь тоже бывает.

Но зато все четыре евангелиста единогласно рассказывают, что именно он устроил похороны Иисуса после казни (Лука особо оговаривает, что к приговору и казни сам он не имел никакого отношения). Тело казненного преступника в принципе могли отдать родственникам, но кто их знал в резиденции римского наместника? А вот Иосиф был человеком видным, наверняка лично знал Пилата. Он легко мог просить его об одолжении, и вот теперь, когда, казалось бы, всё пропало и не о чем было уже заботиться, он попросил отдать ему тело, чтобы, по крайней мере, достойно его похоронить.

Пилат удивился: обычно на кресте висели несколько дней, а Иисус уже умер? Но жестокое бичевание перед распятием, во время которого Он наверняка потерял много крови, и страшное напряжение этих дней сделали свое дело: Иисус действительно скончался в тот же день, скорее всего, от разрыва сердца. Чтобы убедиться, что Иисус действительно умер, римский сотник проткнул его тело копьем в области сердца. Двум распятым с Ним разбойникам перебили голени, чтобы и они больше не могли привставать и задохнулись – так распинавшие торопились покончить с этим грязным и неприятным делом до начала пасхальных празднеств. Отчего было теперь не отдать тело? Пилат согласился.

Наступал вечер пятницы, после заката начиналась суббота, день священного покоя, и надо было похоронить Иисуса срочно, уже некогда было выбирать место. Вместе с Никодимом (о нем упоминает только Иоанн) Иосиф похоронил Его в собственной приготовленной гробнице, которая была неподалеку. Так исполнилось пророчество Исаии: «Ему назначили гроб со злодеями, но Он погребен у богатого».

Именно Иосиф приобрел для похорон плащаницу – большой кусок ткани, в который принято было заворачивать тело покойного. Вероятно, именно эта плащаница под названием Туринской и известна сегодня во всем мире, хотя об ее подлинности часто спорят.

Вот, собственно, и всё, больше мы ничего не знаем об Иосифе. Он, казалось бы, всюду опоздал – но он же и убедился, что никогда не поздно прийти к Иисусу и сделать для Него хотя бы самую малость, которую можешь сделать только ты.

А в средневековых легендах эта история получила богатое продолжение. Они рассказали, как Иосиф собрал в особую чашу кровь Христа и взял копье, которым римский сотник проткнул мертвое тело Иисуса. Эти реликвии очень скоро затерялись и множество рыцарей отправились на их поиски... или, по крайней мере, так рассказывает легенда. Название этой чаши – Грааль. Соответствует ли легенда действительности хоть в малой степени, мы не знаем. До нас, конечно, Грааль не дошел, зато им вдохновлялась фантазия бесчисленных сочинителей.

Гамалиил, учитель закона

Есть только один христианский святой, чьи изречения приведены в Талмуде, и это именно Гамалиил (в еврейской традиции его имя обычно произносится как Гамлиэль). И не просто несколько изречений – он был одним из основателей талмудического иудаизма, так что книга Деяний не зря именуется его «законоучителем, уважаемым всем народом». Он не просто заседал в Синедрионе, но занимал в нем должность «князя», то есть председателя. Сам Талмуд так оценивает его наследие: «Когда Гамалиил скончался, вместе с ним исчезло уважение к Торе, и перестали существовать чистота и воздержание».

Иудаизм никогда не был монолитным, и в ту пору тоже. Гамалиил относился к религиозному течению фарисеев, но и в нем встречались люди с разными взглядами. Поколение его учителей прославилось спорами между Шаммаем, который стремился к максимальной строгости всех толкований, и Гиллелем, который, напротив, предпочитал умеренность и снисходительность. Гамалиил был учеником Гиллеля и продолжал его линию. Видимо, по этой причине он никак не участвовал в суде над Христом: туда, надо полагать, пригласили только тех, кто был заранее готов к крайним мерам.

Изначально Гамалиил вовсе не был расположен к христианам, но когда Синедрион начал их преследовать, Гамалиил задумался, насколько уместны тут административные меры и уголовные преследования. Когда Синедрион собрался на суд над апостолами, то Гамалиил велел подсудимым выйти, а своим товарищам сказал: «ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело – от человека, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его». Собственно, это один из первых в истории образцов подлинной веротерпимости и отличный критерий, как поступать, если сомневаешься в чьей-то еретичности.

Впрочем, позиция Гамалиила не была особенно популярной: его собственный ученик Савл яростно преследовал христиан, и не он один. Но если быть до конца последовательным, если оценивать христианство как раз по тому критерию, который он сам предложил, то христианство, несомненно, от Бога. Поэтому Гамалиил стал не только одним из самых авторитетных учителей в иудаизме, но и... святым ранней Церкви (других таких примеров мы не знаем).

Несмотря на глубокое почтение иудейской традиции лично к Гамалиилу, он не стал основателем известной школы, как некоторые его современники и даже потомки. Может быть, именно потому, что главный его ученик стал христианином и самым известным новозаветным богословом?

Когда и как Гамалиил уверовал во Христа, точно не известно (иудейская традиция настаивает, что такого вообще не происходило). Возможно, переломным моментом здесь стала казнь диакона Стефана, когда разъяренная толпа, вопреки совету Гамалиила, взяла правосудие в свои руки. Во всяком случае, предание говорит, что именно Гамалиил похоронил Стефана на собственном земельном участке, а потом там же похоронил и Никодима. Земная жизнь самого Гамалиила закончилась в 50-м г. н.э., за двадцать лет до разрушения иерусалимского Храма.

Врезка:

В центре религиозной жизни иудеев стоял Моисеев Закон. Человек, который долгие годы занимался его изучением и объяснением, назывался **законником**. Таких специалистов могли называть и **книжниками**, т.е. образованными, учеными людьми. При этом законники обычно не были священниками, так что не они совершали богослужение в иерусалимском Храме, хотя именно к ним обращались за советом в сложных случаях даже священники.

В те времена книги были редки и дороги, а у простого человека не было возможности разбираться в тонких богословских и юридических вопросах, поэтому простой народ слушался законников и относился к ним с особым уважением, чем многие из них явно злоупотребляли. Они старались сделать соблюдение Закона как можно более сложным и ужесточали многие его нормы, тем самым увеличивая собственную значимость – без помощи законников простой человек зачастую уже не мог понять, как поступить. Именно эти «бремена неудобноносимые» обличал Христос, так часто споривший с книжниками и законниками. Впрочем, другие, как Гиллель и Гамалиил, старались истолковать Закон в соответствии с его сутью, не настаивая на мелочных требованиях и придирках.

Споры вокруг толкования многих мест Закона со временем были записаны, а записи эти составили *Талмуд* – сборник нормативных толкований к Библии, авторитетных

для иудеев. В Талмуде представлены мнения разных толкователей, но в целом он продолжает линию фарисеев. Именно на Талмуде строилась жизнь иудейских общин в средние века, для многих иудеев он остается непререкаемым авторитетом и сегодня.

39. Павел, посол и узник Христа

Фарисей, сын фарисея

Говорят, семь древнегреческих городов оспаривали друг у друга право называться родиной великого Гомера. Что касается апостола Павла, то свои права на него могли заявить три очень разных города: Тарс, Иерусалим и Рим. Тарс, где родился Павел, был столицей Киликии (эта область находится на юго-востоке нынешней Турции), эллинистическим городом со своей иудейской диаспорой. Отец будущего апостола принадлежал к колену Вениамина, и, наверное, потому назвал своего сына Савлом, или Саулом – в честь первого царя Израиля, происходившего как раз из этого колена.

А еще, как ни удивительно, отец Павла имел римское гражданство, перешедшее и к его сыну – в те времена этой высокой привилегии римляне удостоивали самых верных представителей провинциальной верхушки. Все остальные жители провинции были просто подданными Рима, но гражданин обладал теми же правами, что и коренной житель Вечного Города, он подчинялся только римскому суду и римским законам. Это гражданство еще не раз пригодится апостолу во время его странствий.

Кстати, имя Павел – тоже римского происхождения, оно означает «малый». Видимо, это второе имя было дано ему изначально как римскому гражданину (такой обычай был широко распространен), но только когда он станет путешествовать по многочисленным городам Римской империи, его будут называть так, и гонитель христиан Савл превратится в апостола Павла.

Помимо всего прочего, юный Савл, как и его отец, был фарисеем. Сегодня это слово звучит синонимом слова «притворщик», но многие искренне старались соблюдать все многочисленные правила своей религии. Разумеется, чтобы разбираться в тонкостях Закона и всех его толкований, требовалось солидное образование. Именно для этого рожденный в Тарсе мальчик был отправлен в Иерусалим. Его учителем стал Гамалиил, о котором мы говорили в прошлой главе.

Гамалиил призывал не преследовать христиан, но его молодой ученик Гамалиила, как это часто бывает, настроен был куда решительней. Он-то точно знал, что от Бога, а что нет! Позднее сам он напишет об этом так: «Вы слышали... что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее, и преуспевал в иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий». Сначала он был в тени, на вторых ролях – к примеру, люди, побивавшие камнями первого мученика, Стефана, оставили его сторожить их верхнюю одежду. Но довольно скоро он выступил в самостоятельный поход...

По дороге в Дамаск

Молодой ревнитель отправился в Дамаск – там тоже была еврейская община, там тоже проповедовали ученики Иисуса. Заручившись письмом от первосвященника, Савл отправился в путь, чтобы расправиться с последователями нового учения. Но по дороге произошло немислимое... «Когда же он приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: “Савл, Савл! что ты гонишь Меня?” Он сказал: “Кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь”».

Почему Иисус явился именно Савлу, который считал Его врагом? Неужели не было людей приличнее и достойнее? Мы не знаем наверняка. Но Савл честно и самозабвенно стремился послужить Богу, как он это понимал. Он гнал христиан не из-за личных обид или выгод, а потому, что считал их учение противным Истине – и тогда Истина сама открылась ему. Понтий Пилат лишь спрашивал о ней – Савл ее искал и желал ей служить.

Всё изменилось в один день для пылкого юноши. Сначала он, ослепший от удивительного видения, отправился в Дамаск, но уже совсем с другой целью – найти там одного из христиан, Ананию, чтобы он исцелил его. А затем Павел уже сам проповедовал в синагогах Дамаска, что Иисус есть подлинно Сын Божий – именно за эти слова он некогда гнал христиан. В наши дни можно даже услышать, что это сам Павел «придумал христианство», якобы он придал словам Иисуса значение, которого сам учитель не имел в виду. Но из всей истории обращения Савла становится понятно, что такая проповедь давно уже звучала и в Дамаске, и в других местах, Савл затем и отправился в путь, чтобы ее прекратить – и впоследствии Павел прославился потому, что пронес эту весть по множеству городов и очень подробно изложил в посланиях. Он прославился как вестник, как посол Великого Царя (именно так и переводится слово «апостол», это просто «посланник»), но никак не он придумал саму весть.

Но сначала нужно было выбраться из Дамаска: бывшие соратники не могли простить Павлу измены общему делу и поэтому сторожили его у городских ворот, чтобы убить, едва он выйдет из города. Местные христиане помогли: спустили его в корзине из окна дома, выходящего на городскую стену. Но включиться в жизнь христианской общины ему было не так-то просто – слишком уж опасались христиане бывшего гонителя. Не раз приходилось Павлу доказывать свою правоту... а точнее, правоту того дела, которому он теперь беззаветно служил.

Даже до края земли

В сороковые годы I в. размеренной жизни Павла приходит конец. Книга Деяний так описывает начало его миссионерских путешествий: когда христиане Антиохии (крупнейший город, находившийся между Иерусалимом и Тарсом) молились вместе, «Дух Святой сказал: “Отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их”. Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их». Павла многие позднее будут обвинять в том, что это он создал христианское богословие, извратив учение Иисуса – но тут мы видим, что именно община христиан посылает его нести свое вполне уже сложившееся вероучение в другие города и страны.

Так началось первое миссионерское путешествие апостола Павла, всего же их было четыре. Наверное, сегодня мало кто отказался бы совершить круиз по Средиземноморью, где путешествовал Павел – посетить остров Кипр, проехать по горным дорогам нынешней Турции, побывать в Афинах. Но в те времена поездки совсем не походили на развлекательные прогулки, и впоследствии Павлу пришлось описать это так: «много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготы».

Впрочем, Павел странствовал не один – с ним постоянно были спутники. Лучше всего мы знаем о враче по имени Лука – он написал о своих странствиях с Павлом целую книгу Деяний, включив туда и рассказ о других апостолах. Подобно Луке, и сам Павел владел ремеслом (изготовлением палаток), и поэтому всегда мог сам заработать себе на жизнь. В дальнейшем он так и поступал в своих странствиях: не желая становиться обузой для местных общин, он обеспечивал себя сам. Как посол, он имел право требовать, чтобы его обеспечили всем необходимым, но он предпочитал независимость.

Как выглядели миссионерские поездки апостола? Павел со своими друзьями оставался в одном городе от нескольких дней до нескольких месяцев, по обстоятельствам. Прежде всего он шел к соплеменникам-иудеям в синагогу, ведь и Христос отправлял Своих учеников прежде всего к «погибшим овцам дома Израилева». Некоторые, действительно, принимали его проповедь, но чаще случалось совсем иначе – вожди иудеев активно отвергали ее.

Попробуем поставить себя на их место... Они живут среди язычников, главное, что выделяет их общину – это неукоснительное следование Закону, данному Моисею на горе Синай, и разным обычаям предков. Стоит утратить их, думают они, и будет потеряно всё. И тут приходит какой-то бродячий проповедник и начинает рассказывать про некоего Иисуса, распятого и воскресшего у стен Иерусалима (невероятно!), и что теперь не так уже важен Закон, как принесенная Им жертва за наши грехи! Невозможно было такое терпеть. Хорошо еще, если Павла просто выгоняли из синагоги, а ведь иногда его приговаривали к бичеванию (пять раз присуждали по 39 ударов, это максимальное число), пытались даже забить камнями – но бросили бесчувственное тело, решив, что он уж умер.

А Павел всё не отступался. И получилось так, что он нашел себе более внимательную аудиторию – это были люди разных национальностей, относившиеся с интересом к иудаизму с его верой в Единого Бога и проповедью твердых нравственных норм. Они, тем не менее, не спешили совершать обрезание и принимать на себя все обязательства иудейской религии, и уж совершенно никак не чувствовали себя связанными всеми обычаями иудеев. Поэтому им легче было принять весть о том, что спасение приходит через веру в Распятого и Воскресшего, а не через соблюдение этих обычаев. Церковь переставала быть общиной одних только евреев – в нее вливались бывшие язычники, которые скоро составили в ней большинство.

Но и с язычниками было не всё так просто. В городке Листре к Павлу и его спутнику отнеслись как раз исключительно хорошо – их приняли за... богов и готовились принести им жертвы! Апостолам еле удалось отговорить наивных горожан. А в крупном городе Эфесе, наоборот, почитатели богини Артемиды заподозрили, что эти странные христиане лишат их доходов от «религиозного туризма» – ведь храм Артемиды Эфесской славился как одно из чудес света, на него приезжали посмотреть паломники из всех окрестных стран. Как ни странно, в таких сложных ситуациях Павла не раз выручало то самое римское гражданство: римские власти и войска были просто обязаны защищать своего гражданина, они не могли отдать его на растерзание толпе иноплеменников. Жаль, что даже сегодня далеко не все государства относятся так к своим гражданам!

И в чем его победа?

Что такое «миссионерская удача»? Несколько тысяч обращенных во время одной проповеди? Или семена, которые были брошены в почву и начали медленно там прорасти, чтобы принести обильный урожай через поколение или два? Кто знает... В Деяниях мы читаем в основном о путешествиях Павла по Малой Азии и Греции, в конце книги он прибывает в Рим. Мы знаем, что он основал общины в Галатии, даже написал потом послание к ним. Казалось бы, вполне успешная миссия! Но кто сегодня слышал что-нибудь о Галатской церкви?

А вот выступление Павла в Афинах, главном городе греческих философов, было, на первый взгляд, полным провалом: его даже не дослушали до конца. Обратилось всего несколько человек... но со временем именно синтез греческой философии и христианской веры породил святоотеческое богословие. В дальней перспективе, возможно, выступление Павла в Афинах значило для распространения христианства больше, чем вся остальная его деятельность.

С язычниками он, конечно, говорил совсем не так, как с иудеями. «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» – так он сам скажет об этом. Свою речь в Афинах он начал с того, что похвалил афинян за... набожность – после того, как его возмутило обилие языческих алтарей и статуй! Но раз почитают языческих богов, значит, по крайней мере, стремятся к божественному. Павел стремился не опровергнуть их религию, но направить их к подлинному источнику, опираясь на то, что было им привычно и известно.

Отдельный вопрос – отношения Павла с римскими властями. Будучи римским гражданином (тогда такое звание носили далеко не все жители империи), он не стеснялся

об этом напоминать, когда это требовалось для дела проповеди. Так, он потребовал, чтобы его судил лично император – и за казенный счет отправился в Рим. Но никогда не «подключал административный ресурс», чтобы быть услышанным. Впрочем, если христианство принимал человек высокого положения, его помощь принималась – но не потому, что он был начальником, а потому, что стал христианином.

И самое, может быть, удивительное, что Павел обычно зарабатывал на жизнь сам, мастеря палатки. При этом он, впрочем, не отказывал другим апостолам в праве жить за счет общины, в которой они трудились – это была естественная плата за труд. Ведь миссионерские поездки не были стремительными «бросками», в Коринфе, например, Павел жил полтора года. Он не просто «родил во Христе Иисусе» коринфских христиан, как потом он это назовет, но поставил юную общину на ноги, выпестовал ее – и впоследствии не оставлял своей заботой, навещая их, когда возможно, и оставаясь в переписке с ними. Апостольские послания, вошедшие в Новый Завет – именно эта переписка, она показывает нам, какой сложной была обстановка в этих общинах, сколько проблем приходилось решать. Апостолы видели свою задачу не в том, чтобы покрестить как можно больше человек, но в том, чтобы основать жизнеспособные общины, которые продолжат распространение Слова «даже до края земли». Так оно и произошло.

Многое изменилось сегодня, но книга Деяний напоминает нам о принципах христианской миссии – не диктует, не задает единственно верного пути, потому что разными бывают и миссионеры, и их аудитории. Она показывает образцы, которым мы следуем с большим или меньшим успехом, и напоминает о главном смысле этой миссии.

Путешествие в оковах

Последнее путешествие Павла имело конечной целью Рим, столицу величайшей империи. Павел давно хотел туда навеститься, но всё не было случая, и вот однажды... Он как раз находился в Иерусалиме, куда периодически возвращался как в центр зарождающегося христианского мира: здесь была самая первая община, здесь обычно собирались апостолы. Именно здесь духовные вожди иудеев решили положить конец проповеди Павла и направили на него толпу, которая хотела его убить. За что, даже никто и не мог внятно объяснить, но этот смутьян и отступник был достоин смерти вне всяких сомнений!

Павел был арестован командиром римского гарнизона – выглядело это скорее так, что он был взят под охрану. Тем не менее, раз против апостола было выдвинуто обвинение – значит, Павла должны были судить. Его под стражей переправляли от одного местного правителя к другому, но внятные и серьезные обвинения так и не прозвучали, и всё шло к тому, что Павла отпустят на свободу. И тут Павел неожиданно потребовал суда у самого императора! Это была одна из привилегий римского гражданина, и никто не мог отказать ему в ней. С точки зрения обычного человека, требовать такого суда было безумием: это значило, что Павла под стражей немедленно отправят в Рим, и там он будет ждать до тех пор, пока у императора не появится время лично заняться его делом – ждать, может быть, не один год. И, разумеется, исход был совершенно непредсказуем, а всё это время он оставался бы узником.

Но зато Павел прекрасно понимал: вся огромная машина римской государственности будет работать на него. Ему теперь гарантирован проезд в столицу и проживание в ней – что может быть лучше! А оковы... что ж, он привык называть их «узами Христа» и вовсе не тяготился ими. К тому же обращение с ним было достаточно гуманным, а центурион, которому было поручено доставить Павла в Рим, проникнулся к нему всё большим уважением и однажды даже спас ему жизнь. Дело было так: корабль, перевозивший Павла и других узников в Италию, попал в шторм и сел на мель у берегов Мальты. Его уже разбивали волны, и охрана хотела перебить узников, чтобы они не бежали, но центурион ради Павла организовал спасательную операцию, и все остались целы. А для Павла это стало поводом проповедовать Христа еще и на Мальте!

Книга Деяний заканчивается прибытием Павла в Рим, но на этом не заканчивается история апостола. Он прожил еще два года в Риме в заключении, был освобожден, но не перестал проповедовать христианство – так что при императоре Нероне (в конце 60-х гг. н.э.) его ждал новый арест, новые обвинения и на сей раз смертная казнь.

«Пишу вам, братие...»

Самое интересное в апостоле Павле – его собственная личность, ведь это единственный из апостолов, кто оставил так много писем. В Новом Завете его имя носит целых четырнадцать посланий (всех остальных книг, включая Евангелия – всего тринадцать), хотя, возможно, не все из них написаны непосредственно Павлом: так, Послание к Евреям несколько отличается и по стилю, и по содержанию от остальных. Но в любом случае, даже если что-то и было дополнено учениками, все Послания отражают характерное для апостола видение Бога и человека. Павел, кстати, собственноручно не писал писем: он диктовал секретарю, как это часто бывало в античные времена, а сам только подписывал свои письма кратким приветствием.

Некоторые из его посланий – настоящие богословские трактаты, и прежде всего – Послание к Римлянам. Именно его берут обычно за основу создатели различных трудов по богословию Нового Завета. Но в основном послания обращены к конкретным общинам и даже отдельным людям, говорят об их особых проблемах, дают им подходящие советы. Апостол Павел не был сухим теоретиком или морализатором, он погружался в кипение жизни, всё пропускал через сердце, ни к чему не оставаясь равнодушным. Может быть, закончить наш разговор об апостоле Павле стоит несколькими цитатами из его посланий, в которых особенно ярко видны его характер, темперамент, убеждения.

«...я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, еврей от евреев, по учению фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божией, по правде законной – непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и всё почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и всё почитаю за сор, чтобы приобрести Христа... Говорю так не потому, чтобы я уже достиг, или усовершенся; но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус» (Филиппийцам).

«...мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (Коринфянам).

И, наконец, слова, которые могут нам объяснить, почему Павла часто называют «основателем христианства». Он вовсе ничего не «изобрел», но так говорил о себе: «я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Галатам). Он показал с необычайной силой и яркостью, что это значит – быть христианином. Павла не было с Иисусом во время его земной жизни, но едва ли кто бы то ни было когда бы то ни было сделал больше для распространения Благой Вести об Иисусе, нежели Павел.

Врезка:

В апостольские времена христианство принимали как **иудеи**, так и **язычники**. Иудеи при этом вовсе не расставались со своей прежней верой – напротив, в Евангелии они видели исполнение ветхозаветных пророчеств и обетований. Они продолжали праздновать те же праздники, соблюдать те же обычаи и правила, что и прежде, только добавили к этому веру во Христа как Спасителя. Такое направление называют сегодня *иудеохристианством*.

Однако по мере того, как многие иудеи отвергли весть о Христе и ее принимали всё больше язычников, встал вопрос о том, как быть с ними. Многие христиане считали, что они должны сначала тоже стать иудеями: сделать обрезание, соблюдать пищевые ограничения и другие правила, и лишь затем могут приняты в христианские общины.

Павел решительно возражал против такого подхода: спасает не ветхозаветный Закон, а вера во Христа. Поэтому нет никакой нужды ни совершать обрезание или соблюдать ветхозаветные пищевые запреты, хотя ничего дурного в них нет. Закон, как выразился Павел, «детоводитель ко Христу» – детоводителем, по-гречески «педагогом», назывался раб, который отводил ребенка в школу и забирал из школы, следил за его поведением, но сам его не обучал.

Именно такое отношение стало нормой и в христианской Церкви, когда бывшие язычники составили в ней большинство (это случилось уже в I в. н.э.).

40. Первые христиане: у истоков Церкви

Рядом с апостолами

Мы говорили до сих пор о великих апостолах или их противниках – но ведь в жизни куда чаще встречаются люди маленькие, ничем не знаменитые. И в то же время именно они составляют основу любого общества, любого народа или религиозной общины. Немало таких людей мы встречаем и в Новом Завете – о них говорится мало, но эти скупые слова каждый раз открывают нам что-то важное и значимое о христианстве. Лишних и случайных людей в этой книге нет.

Некоторые из них появились в Евангелии еще до воскресения Христа. Вот, например, *Симон* из африканского города Кириanei. Видимо, он приехал в Иерусалим как паломник на праздник Пасхи. Когда Иисус изнемог под тяжестью креста, римские воины велели первому попавшемуся человеку понести Его крест. Этим человеком и оказался Симон. Но может ли жизнь человека остаться неизменной после того, как он стал, пусть и невольно, причастником крестных страданий Христа? Евангелист Марк называет Симона отцом Александра и Руфа – вероятно, этого же Руфа упоминает и Павел в Послании к Римлянам. Значит, его семья стала христианской, причем сыновья были хорошо известны первым христианским общинам. По Преданию, эта семья переселилась в Рим, Руф стал апостолом из числа семидесяти (местом его служения называют Грецию и Испанию), а Александр – мучеником, пострадавшим в Карфагене.

О самом Симоне больше ничего не говорится, но сама эта картина – человек несет крест за того, кто сам не в силах его нести, и этим незнакомцем оказывается Христос – многое открывает нам.

Есть в Новом Завете и отрицательные примеры – это еще один *Симон*, о нем говорится в книге Деяний, он занимался всяческим колдовством и попросил апостолов за деньги наделить его теми способностями творить чудеса, которые были и у них. Еще бы, это наверняка удешевило бы его умения и принесло бы огромный доход, а за такое надо платить! Апостол Петр сказал в ответ: «серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги». Симон понял его и попросил помолиться о нем, чтобы его не постигла беда. Еще об одном подобном отрицательном примере мы поговорим немного ниже, но сначала – о рождении Церкви.

Общение и общность

Христианская Церковь может считать своим днем рождения Тайную Вечерю, на которой Христос заключил со Своими учениками Новый Завет, дав им вкусить Своей плоти и крови под видом хлеба и вина. Но чаще таким днем рождения считают праздник Пятидесятницы, произошедший через пятьдесят дней после той Пасхи и, соответственно, распятия. Именно тогда на апостолов сошел Святой Дух, а их проповедь была услышана и понята паломниками из всех стран, какие только собрались в Иерусалиме. В этом и был образ Церкви: она жива Святым Духом, а не достоинствами и умениями входящих в нее людей, и она несет весть о Христе всем людям, какого бы происхождения они ни были, на каком бы языке ни говорили, к какой бы культуре ни принадлежали. Причем она делает это так, чтобы главное было понятно каждому, а не на особом священном языке. В этом заключалось одно из принципиальных отличий от Ветхого Завета, который имел отношение только к одному народу.

В книге Деяний вскоре после описания Пятидесятницы мы встречаем историю первого мученика *Стефана*. Он в числе других семи был избран диаконом, но это слово имело тогда совсем другое значение, чем сегодня. Как только апостольская проповедь стала привлекать в Церковь множество людей, встали и практические вопросы. Христиане жили одной семьей, и это означало, в частности, что бедные кормились за счет богатых –

но чтобы это распределение было справедливым и не прерывалось, кому-то следовало за ним следить. У апостолов были другие задачи, так что роль социальных работников и стали исполнять *диаконы* (по-гречески «служители»).

Но это совсем не значит, что они заботились лишь о раздаче продовольствия – напротив, сама общность имущества и жизни была свидетельством о Христе, а лучше сказать – жизнью во Христе. Эта новая жизнь привлекала одних и вызывала раздражение других. Стефан был еще и ярким проповедником, его привели на суд в Синедрион – и он вместо защиты заговорил как обвинитель: «Жестоковыйные! ... Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы».

«Я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога» – так закончил он свою речь, и это было сочтено богохульством, за которое полагалось побиение камнями. Казнь состоялась сразу же. «Господи! не вмени им греха сего» – так молился он в момент смерти о тех, кто его убивал. Самые резкие слова, сказанные об их нежелании принять Христа, сочетались у него с самым глубоким смирением, когда речь шла о его собственной жизни. Он не хотел оскорбить этих людей – он желал привести их ко спасению.

Много недоумений вызывает еще одна история из Деяний, про супругов *Ананию* и *Сапфиру*. Сначала Лука, автор Деяний, сообщает нам о жизни первой общины: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее». Это, конечно, идеальная картина, едва ли можно представить себе, чтобы на самом деле среди сотен и тысяч самых разных людей не возникало никаких конфликтов и разногласий... и вот как раз сразу же дается контрпример. Двое супругов решили войти в общину, принести ей как будто бы всё, чем владели – а на самом деле, часть оставили для себя.

Они, разумеется, имели полное право этим имуществом распоряжаться. Христианство – не тоталитарная секта, где вхождение в общину как раз и начинается с присвоения всего имущества. Но эти супруги стремились совместить жизнь в общине, где ни у кого нет ничего своего, и частную жизнь для себя и за свой счет. И когда апостол Петр сказал Анании, что он солгал не человеку, а Богу, Анания упал замертво (нигде не говорится, что это было наказание свыше – скорее, инфаркт от пережитого потрясения). А затем та же судьба постигла и его супругу.

Анания и Сапфира не просто «уклонились от уплаты налогов». Бог ожидает от человека, чтобы тот всецело предал Ему свою жизнь, но не заставляет этого делать, ждет, пока человек сделает это добровольно. Зато если делаешь – не оставляй отходных путей, не лги себе и другим. Это как сыграть свадьбу и сказать все положенные слова о вечной любви и верности, но на всякий случай сохранить ключ от квартиры прежней любовницы. История эта может шокировать нас, но этого и добивался автор, ему нужно было показать, что с Богом не играют в прятки, что обманывать его – смертельно опасно.

Первым главой иерусалимской общины христиан (епископом Иерусалима) считается *Иаков Младший*, автор новозаветного послания, называвший себя «братом Господним». По-видимому, он был одним из сыновей Иосифа плотника от первого брака, одним из «братьев Иисуса», упомянутых в Евангелии. Но мы ничего не слышим о том, что он принимал Иисуса как Мессию при Его жизни. Однако после Его смерти и воскресения мы постоянно встречаем Иакова в числе апостолов, и самых авторитетных. Когда Павел после своих странствий приходит в Иерусалим, первый, с кем он встречается – именно Иаков, видимо, уже тогда он стал главой местной общины. Так человек, который прожил рядом с Иисусом большую часть своей жизни и не разглядел в Нем главного, сумел это сделать после Его смерти. По преданию, Иаков был казнен около 62 года в Иерусалиме.

Миссия выполняма

Раннехристианская община жила не сама по себе и не сама для себя. Важнейшая ее задача заключалась в проповеди Евангелия по всем странам и народам, в создании общин

в других городах всего мира. Об этом мы уже говорили в связи с апостолом Павлом, и он был далеко не единственным, хоть и самым известным миссионером.

Миссия означала создание новых общин, а этим общинам нужны были руководители – пресвитеры (буквально «старейшины») и епископы (буквально «надзиратели»). В городе Эфесе таким руководителем или предстоятелем стал *Тимофей*, чье имя означает «богобоязненный». Его мать Лоида была принявшей христианство еврейкой, а отец был эллином – так и в общинах первых христиан соединялись, порой не без напряжения и споров, уверовавшие во Христа эллины и иудеи. Тимофей жил городе Листра и обратился в христианство после первой проповеди Павла в этом городе, а когда Павел снова пришел туда, то взял Тимофея с собой, чтобы уже его самого отправлять на проповедь. Он называл его «возлюбленным и верным в Господе сыном» и говорил в послании к филиппийцам: «не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас».

Лично к Тимофею обращены два пастырских послания апостола Павла, упомянут он как ближайший сотрудник Павла – возможно, именно он и записывал их под диктовку апостола. Вот что Павел советовал Тимофею: «Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины». И еще: «Верно слово: если кто епископства желает, доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннолюбив, учителен, не пьяница, не драчун, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли печься о Церкви Божией?» Тогда, как мы видим, епископы были людьми семейными.

Итак, Павел поставил Тимофея епископом в Эфесе, одном из самых крупных городов тогдашнего Средиземноморья, где к тому же находилось одно из семи чудес света – храм Артемиды Эфесской. Этот храм привлекал множество паломников и просто любопытных, принося жителям города почет и немалый доход, поэтому неудивительно, что в Эфесе проповедь Павла вызвала в свое время народные волнения, да и вообще противостояние христианам было особенно сильным.

По преданию, Тимофей в 80 году был убит язычниками, как и его учитель. Эта фраза звучит стандартной концовкой к любой биографии апостола или епископа ранних времен. И это показывает нам, на что были готовы эти люди, какого конца ожидали они для себя – да и могло ли быть иначе, если они последовали за Тем, Кто добровольно взошел на крест ради спасения людей? Но главной тут была не готовность к мучениям и смерти, а вера в Того, кто воскресит Своих учеников и дарует им вечную жизнь с Богом в Своем Царствии, и земная Церковь – лишь его начало, лишь путь к нему. В этой перспективе и земная смерть – лишь шаг в вечность.

Врезка:

Что же такое **Церковь**? Разумеется, если существует некая вера или религия, то ее приверженцы собираются вместе, совершают общие обряды и помогают друг другу. Общины, расположенные в разных городах и странах, чувствуют свое единство, принадлежащие к ним людям называют себя братьями и сестрами, даже если они не знакомы лично и говорят на разных языках. Всё это так в любой религии, и в христианстве тоже.

Но в Новом Завете, прежде всего в посланиях мы читаем, что Церковь – нечто большее, нежели арифметическая сумма всех христиан или некая особая организация. Суть ее выражена обычно с помощью метафор, например, церковь – *невеста Христова*.

Она ожидает брака со своим женихом, который состоится не здесь и не сейчас, а в будущем мире, но она хранит Ему безусловную верность, бережет свою любовь и чистоту и ожидает брачного пира.

В другой метафоре Церковь называется *телом Христовым*. Он воскрес и вознесся, и больше не присутствует в этом мире видимым для всех образом. Но Он живет и действует в Церкви, и не только потому, что Его тело и Его кровь, начиная с Тайной Вечери и по сей день, принимается верными во время Евхаристии. Христиане призваны действовать в этом мире, как действовал Христос – а еще точнее, это Он действует в них. Помимо наших рук, у Христа нет других в этом мире.

Это, конечно, идеальный образ – историческая Церковь постоянно «не дотягивает» до идеала, в ней, как показывает история об Анании и Сапфире, с самого начала присутствуют человеческие грехи. Но смысл жизни христиан состоит в том, чтобы расстаться с этим «ветхим человеком» в себе и «облечься во Христа», как называет это апостол Павел. При этом христиане живут не сами по себе, они – единая община, *народ Божий*, как называет их Писание.